Тамара Аэрленд Стоун – Время между нами

Переведено специально для группы
~”*°•†Мир фэнтези†•°*”~
http://vk.com/club43447162

Переводчики: tavlstor, olesya_fedechkin, SashaWidy, mari4, 375447726279, katyfka, juliatur, ibarri
Редактор: mari4
Beta-ридер: Таловская Ирина

Тамара Аэрленд Стоун – Время между нами
Tamara Ireland Stone - Time Between Us (Time Between Us #1)

Аннотация

Анна и Беннетт никогда не должны были встретиться: она живет в 1995 году Чикаго, он - в 2012 году в Сан-Франциско. Но у Беннетта есть уникальная способность - перемещаться во времени и пространстве, так он оказывается в жизни Анны и приносит с собой новый мир приключений и возможностей.

Их отношения крепнут, но они сталкиваются с реальностью - время в любой момент может вернуть Беннетта туда, откуда он пришел, а смертельная опасность ставит все, во что они верят, под вопрос. Борясь с течением времени, Анна и Беннетт вынуждены спросить себя, как далеко они могут зайти, обманывая судьбу, через какие испытания они готовы пройти, чтобы быть вместе, и сможет ли их любовь выдержать испытание временем.

Тамара Аэрленд Стоун – Время между нами
Tamara Ireland Stone - Time Between Us (Time Between Us #1)

Время - самое длинное расстояние между двумя местами.
Теннесси Уильямс

Октябрь 2011

Сан-Франциско, Калифорния

Даже с этого расстояния я вижу, как молодо он выглядит. Моложе, чем тогда, когда я увидела его в первый раз.

Они с друзьями последнюю пару часов катались на скейтах по парку Лафайетт[1] и сейчас развалились на траве, попивая Gatorade и передавая друг другу пачку Doritos.

— Извините.

Восемь голов шестнадцатилетних парней поворачиваются в мою сторону, на их лицах отражено недоумение, сменяющееся любопытством.

— Это ты Беннетт? — спрашиваю я и жду, пока он кивнет, хотя и без того уверена, что это он. Я узнаю его везде. — Можно мне поговорить с тобой, всего минутку? Наедине?

Он хмурится, но встает и переворачивает скейтборд, чтобы тот не скатился по склону. Я замечаю, что он оглядывается на друзей и пожимает плечами, пока следует за мной до ближайшей скамейки. Он садится на ее противоположный край, как можно дальше от меня.

Все в нем так знакомо, все такое родное, что я чуть было не придвинулась ближе, по привычке, как сделала бы раньше. Но сейчас между нами шестнадцать лет, и этого достаточно, чтобы удержать меня на том краю скамейки, где я сижу.

— Привет. — Мой голос дрожит, я ловлю себя на том, что накручиваю прядь вьющихся волос на палец, тут же одергиваю себя и убираю руку, крепко сжав обеими ладонями деревянные рейки скамьи.

— Ээ.. Привет? — отвечает он. Он изучает меня, между нами висит неловкое молчание. — Извините, я вас знаю?

---

[1] Округ Лафайетт (англ. Lafayette County) — округ, расположенный в штате Арканзас, США, с населением в 8559 человек по статистическим данным переписи 2000 года. Столица округа находится в городе Льюисвилл.
Округ Лафайетт был образован 15 октября 1827 года и получил своё название в честь французского политического деятеля и американского генерала, участника Войны за независимость США, маркиза Жильбера Лафайета.

Мне так и хочется сказать «да», но я останавливаю себя и сжимаю губы, отрицательно качаю головой. Он не знает меня. Пока не знает.

— Я Анна. Вот, держи. — Я залезаю в сумку, достаю запечатанный белый конверт и, улыбаясь, протягиваю ему.

Он берет его и несколько раз переворачивает, разглядывая.

— Я подумала, что безопаснее все изложить в письме. — Следующие мои слова самые важные. Я долго готовилась, и эта часть должна быть идеальной, но я все равно обдумываю каждое слово, чтобы быть до конца уверенной. — Я легко могу сказать сегодня что-то не так, и если я это сделаю, мы можем вообще никогда не встретиться.

Он резко поднимает голову и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Никто и никогда раньше не говорил ему ничего подобного, и после одной этой фразы он понимает – мне известен его секрет.

— Я лучше пойду. — Я встаю. — Прочитай его, когда будешь один, ладно? — Я оставляю его сидеть на скамейке и спускаюсь по склону с холма. Я внимательно слежу за парусником, скользящим по заливу Сан-Франциско, лишь бы не позволить себе обернуться. Я несколько лет ждала этого момента и думала, что почувствую облегчение, но это не так – я все еще так же скучаю по нему.

То, что я только что сделала, может изменить все или не изменит ничего. Но я должна была попытаться. Мне нечего терять. Если мой план не сработает, моя жизнь просто останется прежней. Безопасной. Комфортной. И абсолютно нормальной.

Но не такую жизнь я тогда выбрала.

Март 1995

1

Эванстон, Иллинойс

Я трясу руками, чтобы разогнать кровь, наклоняю голову, вперед и назад, пока не слышу легкий щелчок, глубоко вдыхаю воздух этого раннего утра, он такой холодный, что при движении начинает покусывать. И все же я чувствую тихую благодарность – он теплее, чем на прошлой неделе. Подтягиваю ремень, включаю висящий на нем плеер, музыка Green Day гремит в ушах. Я срываюсь с места.

Тамара Аэрленд Стоун – Время между нами
Tamara Ireland Stone - Time Between Us (Time Between Us #1)

Бегу привычным маршрутом по своему району, пока не достигаю беговой дорожки, огибающей зеркальные просторы озера Мичиган. Вот и последний поворот, я вижу перед собой весь путь, ведущий к треку Северо-Западного университета, и замечаю человека в зеленной футболке. Мы бежим навстречу друг другу, наши хвосты – его седой, мой непослушный – покачиваются из стороны в сторону, мы поднимаем руки и машем друг другу.

— Доброе утро! – говорю я, когда мы пересекаемся.

Солнце медленно поднимается над озером, я поворачиваю к футбольному полю, и как только мои ноги касаются упругой поверхности трека, я чувствую новый прилив энергии, заставляющий меня ускорить бег. Я уже пробежала половину круга, когда плеер меняет трек, эта новая песня переносит меня в кафе, где мы провели вчерашний вечер. Выступавшая там группа была великолепна, они успели сыграть лишь первые ноты, а кафе уже взорвалось от восторга, все повскакивали с мест и начали в унисон качать головами, так что все границы между нами, местными старшеклассниками, и приезжими студентами Университета исчезли совсем. Я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что я одна. Вижу пустые ряды металлических трибун, полные оставшегося после зимы снега, который никто не побеспокоился убрать, и позволяю себе запеть во все горло.

Я мчусь со всех сил, ощущаю, как пульсируют ноги, как колотится сердце, руки работают как сумасшедшие. Вдыхаю ледяной воздух. Выдыхаю пар. Наслаждаюсь этим тридцатиминутным уединением, когда есть только я, мой бег, моя музыка и мои мысли. Когда я наедине с собой.

И тут я вдруг понимаю, что я здесь не одна. Я замечаю кого-то на трибунах, этот человек сидит в третьем ряду по колено в снегу, и его невозможно не заметить. Он одет в черную меховую куртку, он просто сидит, опустил подбородок на руки и наблюдает за мной, на губах его играет легкая улыбка.

Я украдкой поглядываю на него, но бегать не прекращаю, делаю вид, будто меня не волнует его вторжение в мое святилище. Похоже, он студент Северо-Западного, возможно первокурсник, у него большая копна темных густых волос и приятные черты лица. Вряд ли он представляет угрозу, а если бы и представлял, я смогу за себя постоять.

А вдруг не смогу?

В голове сразу всплывают уроки самообороны, на которые меня отправил отец, когда я начала бегать рано утром. Коленом в пах. Удар ладонью в нос. Но прежде всего, нужно постараться избежать столкновения, например, просто показать нападавшему, что его присутствие обнаружено. Это звучит намного проще.

И вот я уже на повороте, слегка киваю ему и пристально смотрю, скорее всего, мой взгляд выражает некую смесь страха и упорства, словно я бросаю ему вызов, но в то же время и боюсь, что он его примет. Я пробегаю мимо, пристально глядя на него, и вижу, как он меняется в лице. Улыбка исчезает, теперь он выглядит грустным и подавленным, будто я только что все-таки применила навыки самообороны и ударила его в живот.

Я пробегаю круг и снова начинаю приближаться к нему, поднимаю глаза и смотрю на него. Он неуверенно улыбается мне, его улыбка такая теплая, словно он знает меня. И такая искренняя, что его тоже хочется узнать поближе. Ничего не могу с этим поделать. И улыбаюсь в ответ.

Я добегаю до следующего поворота, но не перестаю улыбаться, даже не успев об этом подумать, я оборачиваюсь, чтобы снова посмотреть на него.

Но его нет.

Я резко разворачиваюсь и продолжаю осматривать трек, ищу его, подбегаю к трибунам. На нижней ступеньке я на секунду застываю в нерешительности – а точно ли он там был, но потом все-таки собираюсь с духом и поднимаюсь.

Его здесь нет, но он точно здесь был. Доказательства этому прямо передо мной: там, где он сидел, примят снег, а на лавочке ниже остались два следа, именно там, где стояли его ноги.

И тут вдруг я замечаю еще кое-что.

Вокруг на снегу хорошо видны мои отпечатки, но его следов, ведущих к скамье и от нее, я не вижу - нет ничего, кроме толстого слоя нетронутого снега.

2

Я вбегаю в дом и поднимаюсь наверх, перепрыгивая через ступеньки. Включаю душ и стягиваю с себя одежду, насквозь пропитанную потом. В ожидании пока комната наполнится паром, выпиваю стакан воды. Мое отражение в зеркале аптечки становится нечетким, пропадает в облаке плотного пара, и когда оно исчезает совсем, я провожу ладонью по стеклу, оставляя мокрую, нечеткую полоску на зеркале. Я внимательно рассматриваю свое лицо. Вроде на сумасшедшую не похожа.

Торчу в душе и все размышляю, был ли он настоящим, можно ли о нем рассказать кому-нибудь, и сколько еще я буду продолжать разговаривать сама с собой, это же не нормально. Пока собираюсь в школу, его лицо постоянно всплывает в моей памяти, делаю все возможное, чтобы выкинуть его из головы, пытаюсь убедить себя, что я просто выдумала его. Но все заканчивается тем, что даю себе клятву – ноги моей не будет на этом треке всю оставшуюся неделю. Я знаю, что видела его. И никуда от этого не деться.

Обуваюсь и все так же стараюсь не думать об этом, еще раз оглядываю себя в зеркало. Запускаю руки в волосы, сжимаю свои кудри и встряхиваю головой. Бесполезно.

Перекидываю рюкзак через плечо, и практически заставляю себя последовать привычному утреннему ритуалу. Я встаю перед картой, что висит на самой большой стене комнаты, закрываю глаза и тыкаю пальцем в карту. Каллао, Перу. Отлично. Надеюсь, что хотя бы там тепло.

Узнав, что я мечтаю о путешествиях, папа прошлым летом целый час тайком трудился в гараже, прикрепляя карту мира к пенопластовой пластине.

— На ней ты сможешь отмечать все места, где побываешь, — сказал он и протянул маленькую коробочку с красными кнопками. Я стояла, смотрела на нее – на этот разноцветный

кусок бумаги с изображенными на нем горными хребтами и всеми оттенками синего, обозначающими глубину океана – и видела карту мира, но в то же время я знала – это не мой мир. Мой мир намного, намного меньше.

А когда папа вышел из комнаты, я начала прикреплять красные кнопки, одну за другой. В прошлом году мы с классом ездили в столицу штата. Итак, одну кнопку крепим к Спрингфилду. Однажды мы всей семьей ходили в поход по Баундари-Уотерс, так что я ставлю одну кнопку на северо-востоке Миннесоты. Четвертое июля мы провели в городе Гранд-Рапидс, Мичиган. Тетя живет на севере Индианы, куда мы ездим дважды в год. Ну вот, пожалуй, и все. Четыре кнопки.

Сперва я видела лишь жалкое скопление красных кнопок вокруг штата Иллинойс, но сейчас, глядя на карту, я понимаю, что имел ввиду мой отец. Карта словно звала меня узнать, что скрывается за каждым ее квадратным дюймом, звала увидеть все это своими глазами, сделать мой маленький мир больше, кнопка за кнопкой.

Бросаю последний взгляд на карту и устремляюсь вниз по лестнице, следуя за чудесным запахом, доносящимся из кухни. Еще даже не спустившись, я уже знаю, что сейчас отец наливает из кофейника две кружки – один черный кофе для себя, и второй, с молоком, для меня. Он протягивает мне кружку, и я хватаю ее.

— Доброе утро. Мама уже уехала?

— Она встала еще раньше тебя. У нее сегодня утренняя смена. — Я делаю глоток, папа смотрит на меня, а сам украдкой поглядывает в окно. — Где ты сегодня бегала? Все-таки на улице еще довольно темно. — Его голос кажется встревоженным.

— В кампусе. Как обычно. — Не стоит пока рассказывать ему о парне со стадиона. — Там еще и холодно. Первая миля далась особенно тяжело. — Я наполняю чашку мюслями с изюмом и плюхаюсь на стул возле стойки.

— Ты же знаешь, что ты всегда можешь ко мне присоединиться, — говорю я с усмешкой и знаю, что произойдет дальше.

Он смотрит на меня, подняв брови. — Разбуди меня как-нибудь июньским утром, и я с удовольствием побегу с тобой. Но раньше июня тебе меня из постели не вытащить, ты не подвергнешь меня этой пытке.

— Слабак.

— Да. — Он кивает головой и поднимает кружку в качестве шутливого тоста. — Да, я такой. Куда мне до моей Анни. — Он качает головой. — Я создал монстра.

Это благодаря папе я увлеклась бегом. В средней школе он был финалистом национальных соревнований по кроссу в штате Иллинойс. А сейчас, когда эти славные победные деньки позади, он просто превратился в сумасшедшего папу в профессорской спортивной куртке, который всегда стоит за линией финиша, бурно хлопает и подбадривает меня громогласным голосом, способным свалить самые крепкие дубы в лесу. И сейчас, когда сезон бега по пересеченной местности уже закончился, становится еще хуже, ведь я бегаю на треке, где он никогда не пропадает из виду, и нет деревьев, которые смогли бы заглушить его. Но как бы сильно он не смущал меня, он все же меня любит. И поэтому он единственный, кому я по-прежнему позволяю называть себя Анни.

Папа возвращается к чтению газеты, а я допиваю кофе и доедаю хлопья в уютной тишине. В отличие от мамы, которая считает, что тишину непременно нужно чем-то заполнить, папа всегда позволяет ей витать вокруг. Но тут наш покой нарушает сигнал машины, это Эмма.

Папа выглядывает из-за газеты: — Твоя британка приехала.

Я чмокаю его в щеку и выхожу из дома.

Тамара Аэрленд Стоун – Время между нами
Tamara Ireland Stone - Time Between Us (Time Between Us #1)

Двигатель автомобиля, стоящего на подъездной дорожке, тихо гудит, я иду настолько быстро, насколько позволяет покрытая льдом дорожка. И когда наконец-то распахивается дверца новенького Сааба Эммы, я вздыхаю с облегчением и падаю на теплую кожу сидения.

— Доброе утро, дорогая. — Щебечет Эмма Аткинс, я слышу ее британский акцент. Она включает заднюю скорость и практически вылетает с подъездной дорожки. — Ты уже слышала? — Выпаливает она с такой силой, словно эта информация уже несколько часов распирала ее изнутри, и вот, наконец-то, она смогла ею с кем-то поделиться.

— Конечно же, нет. — Я смотрю на нее и закатываю глаза. — Разве я могу узнать о чем-то раньше тебя?

— У нас с сегодняшнего дня новый ученик. Он только что переехал из *Калифорнии*. Вот здорово, правда? — Хотя Эмма и повидала мир, но в США других штатов, кроме штатов Среднего Запада не видела. Поэтому Калифорния была для нее чем-то вроде фантастической американской диковины, как замороженный заварной крем или хот-дог на палочке в кукурузной муке.

— Всё новое – это хорошо, — произношу я и еще раз внимательно смотрю на нее, замечая, что теней она сегодня нанесла больше, чем обычно, украшений тоже надела много, а форменную миниюбку сделала еще более «мини». Видимо мысли о новом ученике не оставляли ее с самого утра, с момента, как она проснулась. Когда мы останавливаемся на светофоре, она тянется к зеркалу заднего вида и растирает помаду на губах кончиком пальца. Хотя никакая дополнительная помощь ей вовсе и не требуется. Эмма – англичанка, но выглядит как бразильская супермодель – высокие, четко очерченные скулы и темные знойные глаза. А я вот сегодня даже блеск для губ не потрудилась нанести. И когда мы вместе будем заходить в школу, будет совсем не важно, для кого наряжалась Эмма, все головы будут повернуты в ее сторону.

Но еще более необычным, чем все эти изменения ее внешности, было то, что она не включила музыку. Я дотягиваюсь до бардачка и начинаю продираться сквозь кипу дисков, они цепляются и скребутся друг о друга, наконец, мои пальцы нащупывают замшевую поверхность. Я извлекаю на свет ярко-розовый футляр для дисков, который подарила Эмме на день рождения в прошлом году, и начинаю складывать диски в пластиковые кармашки.

— Эй! Почему-то ты не очень взволнована? Это важная новость, Анна. Последним нашим новым учеником был… — и она замолкает, барабаня пальцами по рулю, так она обычно делает, когда задумывается.

Я не поднимаю взгляда и не отрываюсь от своего занятия, чтобы закончить за ней предложение, — была я.

— Точно?

Я пожимаю плечами и киваю. — Да. Восьмой класс. Прыщи и скобки. Жуткий клетчатый джемпер с надписью «Вестлейк». — При мысли о последнем я вздрагиваю. — Новый ученик. Им была я.

— Действительно… — она смотрит в окно и все еще размышляет, как будто есть хоть один шанс, что я могу оказаться неправа. А потом говорит: — Так и есть, — тянет ко мне руку и щиплет за щеку.

— И посмотри, как здорово получилось. Без тебя мне пришлось бы все петь одной. Послушай, мы скорее до школы доедем, чем ты диск выберешь. Вот, - Эмма протягивает руку и вытаскивает один сверху. — *Vitalogy* (прим. пер. Третий студийный альбом американской рок-группы Pearl Jam). Просто отлично.

Мы слушали новый диск Pearl Jam практически без остановки последние три месяца. Эмма вставляет диск в стерео и включает звук настолько громко, насколько это не искажает басы. Она смотрит на меня и улыбается, двигаясь в такт музыке, тихо звучат первые гитарные ноты «Corduroy», затем начинают нарастать, пока не превращаются в устойчивый ритм, машина наполняется звуком. Присоединяются басы, сначала мягко, потом громче, я откидываюсь на сидение. Мы слушаем последние пять нот вступления, и вот он – наш выход, мы смотрим друг на друга и поем.

The waiting drove me mad….

You're finally here and I'm a mess….

Мы поем каждое слово, громко и фальшиво, но последняя минута песни - инструментальная, и вот где мы отрываемся по-настоящему. Я играю на невидимой гитаре и трясу головой, Эмма играет на руле, словно на барабанах, ее пальцы летают над ним и шлепают по коже. И тут Эмма добавляет немного хореографии в наше прибытие – в тот самый момент, как затихают последние гитарные аккорды, она сворачивает на наше обычное парковочное место и поворачивает ключ в замке зажигания.

— Знаешь, Pearl Jam выступят в Солджерфилде (прим. пер. Название стадиона в Чикаго) этим летом. Попроси Веснушку достать нам билеты.

— Прекрати так его называть, — я с трудом сдерживаю смех. — Его зовут Джастин. Хорошо, я спрошу, возможно, он достанет нам билеты…

Она смотрит на меня и поднимает брови. — *Возможно*? Да брось, он сделает все, о чем бы ты ни попросила. Этот парень без ума от тебя.

— Ну нет. Я знаю его с пяти лет. Мы просто друзья.

— А *он*-то об этом знает?

— Конечно, знает. — Мои родители и родители Джастина знакомы уже много лет, и большую часть из них мы с ним были неразлучны. Но рано или поздно все меняется. Раньше Джастин Райли был для меня словно уютный спортивный костюм, но превратился в платье для вечеринки. Милое, но не всегда удобное.

— Ладно. Тогда может быть ты любезно попросишь своего *друга* достать нам билеты на Pearl Jam? — Она уже почти вышла из машины, как вдруг останавливается, захваченная новой мыслью. — Стой! А что если он не сможет их достать? Что тогда?

Я внимательно смотрю на нее. — Ты очень хочешь увидеть Pearl Jam этим летом, Эм?

Она кивает. — Конечно.

— Тогда вспомни, когда в последний раз ты не получала то, чего хотела?

Она задумалась, а я застыла в ожидании. Потом она просто пожимает плечами и улыбается. — Я что, такая испорченная?

— Нет, — лгу я. Эмма смотрит на меня глазами обиженного щенка, и я произношу: — Ну может иногда, но я все равно тебя люблю. — Наградой мне служит улыбка.

Мы с Эммой проходим мимо группы студентов у бокового выхода, останавливаемся на коврике у входа, наблюдаем, как обогреватель заставляет таять снег на нашей обуви, и тот каплями стекает вниз. И тут я понимаю, что за все утро это самый удобный момент. Если я кому и хотела рассказать о том, что произошло на стадионе, так это Эмме, и сделать это нужно было сейчас, вот только я не знаю, с чего начать. Как рассказать лучшей подруге о парне, который внезапно возник из воздуха, улыбнулся мне, а потом также внезапно исчез, как и появился, прямо у меня на глазах, и который не оставил ничего, кроме отпечатка на снегу и тайны, нестерпимо зудящей и требующей разрешения.

— Эм?

— Да?

— Могу я рассказать тебе кое-что… странное? — Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто нас не подслушивает. Одно дело – рассказать лучшей подруге, что ты сошла с ума, и другое дело, если эта новость начнет распространяться по школе со скоростью света.

— Конечно.

Мы подходим к нашим шкафчикам и останавливаемся, но не успеваю я открыть рот, чтобы начать свой рассказ, как из-за угла с широкой улыбкой появляется Алекс Камариан, он кладет свою руку на плечо Эммы.

Просовывает свою голову между нами, и я слышу, как он шепчет ей на ухо: — Доброе утро, красотка.

— А, Алекс, — говорит Эмма, слегка толкает его и одаривает полуулыбкой. — Разве не видишь, мы разговариваем? Чего ты хочешь?

И прежде, чем он успевает ответить, звонит первый звонок.

— Я скажу тебе, чего хочу… — говорит он и притягивает ее к себе, — .. если ты прогуляешься со мной по «пончику».

Эмма смотрит на меня. Потом на Алекса. Затем на круглый холл, прозванный «пончиком».

Потом снова переводит взгляд на меня, словно спрашивая разрешения, я ободряюще ей улыбаюсь. Алекс предлагает ей руку. — Позволите? — Он специально пытается придать своему голосу сексуальности, будто он главный герой второсортной мыльной оперы, и вот я уже наблюдаю, как Эмма берет его под руку, и они уходят. Она оборачивается ко мне, пожимает плечами и строит гримасу, словно хочет показать, что у нее не было другого выбора, ее губы беззвучно произносят: «Увидимся позже».

Может быть это вторжение Алекса – знак? Если уж я вижу исчезающих парней, то лучше держать это при себе и никому не рассказывать. Я залезаю в шкафчик, забираю учебники для следующих трех уроков, хватаю немного жвачки и выпрямляюсь.

И тут замечаю его. Я застываю, словно увидела приведение. Дин Паркер по-отечески обнимает его за плечи, ведет по коридору мимо толпы студент+ов, показывая на двери классов, привлекая внимание к указателям на стенах. Он ведет его на первое занятие в первый день в новой школе.

Новый ученик. Из Калифорнии. Парень с темной копной лохматых волос, и без сомнения, тот самый парень, которого я видела на треке.

Они проходят рядом со мной, но ни тот, ни другой на меня даже не смотрят. И вот я стою, бледная, с разинутым ртом, до тех пор, пока они оба не скрываются за поворотом.

Обычно на урок испанского я прихожу самая первая, но сегодня вхожу в класс, когда уже прозвенел четвертый звонок. Сеньор Арготта удивленно смотрит на меня, от меня он меньше всего ожидал опоздания на свой урок. Когда я прохожу мимо него, он машет передо мной ярко-желтой карточкой об опоздании.

— Hola, Señorita Greene. — Он старается быть серьезным, но ему удается продержаться лишь пару секунд, и вот уже выражение его лица смягчается, и на нем появляется легкая улыбка.

— Hola, Señor. — Я спешу пройти мимо него, опустив голову, но потом все-таки оборачиваюсь и улыбаюсь, словно извиняясь. Добравшись до стула, падаю на него почти без сил. Выуживаю из рюкзака тетрадь и начинаю поиски жвачки, попутно обдумывая странные вещи, произошедшие сегодня.

Итак, он существует. И он здесь.

Поток мыслей в голове никак не удается остановить. Во-первых, где он был все утро? Между занятиями я проходила через «пончик» бессчетное количество раз и ни разу его не встретила. Во-вторых, зачем ученику старших классов, только появившемуся в городе, торчать на стадионе университета в 6:45 утра в понедельник? В-третьих, почему там он смотрел на меня так, словно давно меня знает, а спустя два часа проходит мимо, будто никогда и не видел? Хотя… может и правда не видел. Нужно все выяснить, вот только найду его.

Где же он?

На стул рядом со мной плюхается Алекс, и сеньор Арготта снова берется за свой блокнот с карточками и машет им уже перед Алексом, сопровождая все это ворчанием и соответствующим выражением лица.

— Вы опоздали, сеньор Камариан, — произносит он с сильным акцентом. Но не проходит и секунды, он снова переключается с блокнота на доску, и на его лице появляется привычная улыбка.

— Извините, сеньор. — Говорит Алекс, склоняется в проход между рядами в мою сторону и шепчет:

— Hola, Анна. — Я моргаю, ослепленная его белозубой улыбкой, которая затмевает даже сияние флуоресцентных ламп.

— Привет, Алекс.

Он хочет сказать еще что-то, но не успевает. Арготта прочищает горло и начинает говорить.

— Пожалуйста, прошу минутку внимания! Хочу представить вам нового ученика. — Я поднимаю голову, и у меня перехватывает дыхание. — Это Беннетт Купер. — Арготта делает паузу, создает интригу, новенький топчется на месте, закинув рюкзак на плечо.

— Пожалуйста, давайте поприветствуем нашего нового amigo, пусть он почувствует себя тут как дома. — Арготта указывает новенькому на место позади меня, и он двигается в этом направлении. — А теперь просьба подготовить ваши эссе.

Двадцать пар любопытных глаз следуют за ним, задерживаются на секунду, а затем переключают свое внимание на сумки, из которых нужно извлечь эссе о вступлении Испании в Евросоюз. Как и все остальные я смотрю на него, но оказываюсь единственной, кто не отводит взгляд.

Беннетт. Его зовут Беннетт.

Он сидит, уткнувшись в рабочую тетрадь, теребит ее листочки, как будто смущен таким пристальным вниманием к своей персоне, но уже в следующее мгновение он поднимает голову и начинает осторожно осматривать класс - начинает от входной двери и двигается дальше по периметру комнаты, и тут его взгляд останавливается на мне, потому что я все еще пялюсь на него.

Не знаю, как долго я просидела так, с лицом, похожим на застывшую маску, но как только до меня доходит, что он только что застал меня за подглядываением, на моих щеках выступает яркий румянец, и я делаю то, что кажется единственно верным в этой ситуации – улыбаюсь ему. Я очень надеюсь на ответную улыбку, не на обычную улыбку, а на ту, которую увидела на треке. Улыбку полную тепла, понимания и… интереса. Но ничего подобного в выражении его лица я не вижу. Вместо этого он посылает мне робкую, мимолетную улыбку. Так улыбаются человеку, которого видят впервые в жизни.

Ну не может быть, чтобы в школьной форме и в спортивном костюме я выглядела по-разному. Но почему же тогда он притворяется, что не узнает меня? Вдруг осознаю, что продолжаю пялиться на него, кончики моих ушей начинают пылать, а за ними и все лицо. Я резко поворачиваюсь и тянусь к рюкзаку, чтобы переключить свое внимание. Волосы щекочут и лезут в лицо, я выпрямляюсь и собираю свои кудри, наматываю их на палец и закрепляю на затылке с помощью карандаша.

Спустя двадцать минут мое внимание привлекает Арготта, он широко раскрывает руки и восклицает:

— А давайте-ка разделимся на четыре группы.

Я кидаю взгляд на свои записи и обнаруживаю, что тетрадь исписана какими-то словами, фразами, спряжениями, самое удивительное, что я не помню ни слова из того, что говорил Арготта. Он указывает на Кортни Бреслин, которая сидит передо мной, и говорит:

— Начинайте отсчет, сеньорита. Будьте так любезны.

— Uno. — Начинается отсчет и плавно переходит от одного к другому, пока не доходит до меня.

— Cuatro. — Говорю я и прислушиваюсь. Изо всех сил заставляю себя сидеть смирно и не вертеть головой. И вот спустя минуту я слышу то, чего так ждала. Прямо за моей спиной голос произносит. — Uno.

Когда расчет заканчивается, и Арготта выкрикивает:

— Просьба не забывать свои вещи. — Мы начинаем передвигаться по классу, собираясь во вновь образованные группы. Я оказываюсь в группе под номером «четыре», а Беннетт в первой группе, на другом конце класса, именно здесь мы и остаемся до конца занятия. Так же внезапно, как он появился у меня за спиной, так же неожиданно он вдруг оказался далеко от меня, но под этим углом мне хотя бы удобно за ним наблюдать.

Он одет, как и все остальные ребята – в черные брюки, белую рубашку и черный свитер с V-образным вырезом. На ногах у него, как мне показалось, ботинки Dr. Martens, но отсюда разглядеть трудно. Единственное, что выделяет его среди других – его прическа. У большинства ребят прическа консервативная – аккуратно зачесанные волосы с пробором. Некоторые носят ультракороткую стрижку «Цезарь» или оставляют волосы на макушке чуть длиннее, сбривая их по бокам. Но таких длинных волос нет ни у кого. Волосы Беннетта лежат небрежно, чуть нависая над бровями, можно даже подумать, что он давно не расчесывался. Не могу вспомнить, во что он был одет на стадионе, но вот прическа… Она определенно та же. Эту прическу я запомнила.

Через тридцать минут звенит звонок, все начинают собираться, встают и потихоньку направляются к двери, больше я Беннетта не вижу. Я поднимаюсь и тянусь за рюкзаком, на ходу решая обязательно поговорить с ним по пути в столовую, но успеваю лишь увидеть неясные очертания его головы, скрывающейся в дверях.

◄►◄►◄►

Я прохожу сквозь двойные двери столовой и сразу же замечаю его. Он в одиночестве сидит за столом в углу, спиной к огромному, во всю стену, окну. Направляюсь к стойке с салатами, хватаю банан и наливаю колы в стакан, проделывая все это, не перестаю кидать взгляды в его направлении. Можно не волноваться, у меня нет ни единого шанса быть замеченной. Я пять минут провела у стойки, набирая еду, а он даже ни разу на меня не взглянул. Он сидит, держит в одной руке книжку в мягкой обложке, а другой управляется с едой.

Даниэль уже примостилась на нашем обычном месте, я ставлю свой поднос на стол, а сама украдкой подглядываю на Беннетта. Он зачерпывает ложкой желе, все так же не отрывая глаз от книги, которую читает.

— Решила присмотреться к новичку? — говорит Даниэль.

Я смотрю на нее, сперва удивленно, а потом испугано.

— Нет, конечно. — Я сажусь и тянусь за своим напитком. — С чего ты взяла?

— Да брось ты! Я наблюдала за тобой. Никогда еще не видела, чтобы так ловко управлялись за стойкой с салатами, когда глаза практически приклеены к некому объекту в стороне на расстоянии двадцати фунтов. Это было впечатляюще. Поразительное мастерство.

Кончики моих ушей начинают гореть. Снова.

Она смеется и отхлебывает колу.

— Ты талантлива, Анна, но тебе не хватает хитрости. — Она придвигается и ободряюще хлопает меня по руке. — Не беспокойся. Он ничего не заметил. Думаю, он ничего, кроме своей книжки, не видит.

И тут к нам подходит Эмма, запыхавшись, она ставит поднос на стол и усаживается на свое место.

— Ну и… что мы думаем? — Она громко выделяет последнее слово.

Даниэль пожимает плечами и принимается раскачиваться на стуле, балансируя на двух ножках. Не пытаясь даже это скрыть, она пристально смотрит на него через всю столовую.

— Кажется, он никого не замечает. Он вообще понимает, что тут и другие люди есть?

— Он выглядит старше своих лет, как мне кажется. — Говорит Эмма.

Я делаю вид, что осматриваю столовую, потом мои глаза снова возвращаются к нему. Мне вот не кажется, что он выглядит старше, по мне, так у него скорее какое-то детское лицо. Тут я больше согласна с Даниэль. Он выглядит безразличным. Казалось, его совершенно не беспокоило, что он здесь, вернее, его совершенно не беспокоило, что все мы пялимся на него, гадая, что он здесь делает, а эта его черта скорее привлекала. По крайней мере, меня.

— Хмм… Я немного разочарована. — Эмма разглядывает его, стараясь изучить побольше деталей. Потом поворачивается к нам, округляет глаза и морщит нос. — Определенно, это не то, на что я рассчитывала. Он ничем не отличается от других парней этого грязного и угрюмого городишки. Где его загар? Где прическа горячего серфера со светлыми волосами? — Она откусывает кусочек от хлебной палочки. — Думаю, рассчитывать тут особо не на что.

— Может именно такая прическа и должна быть у серфера? — Предполагает Даниэль. — Откуда тебе знать, какие у них обычно прически?

— Знаешь, они такие длинные. — И Эмма проводит пальцами рядом со своей головой. — Такие клевые, не то, что у него, — говорит она и указывает пальцем в сторону столика, за которым сидит Беннетт, — какая-то мочалка на голове.

— Да ладно вам, девочки. Оставьте его в покое. — Обе тут же уставились на меня, удивленно вскинув свои аккуратно выщипанные брови. — Что? — Я пожимаю плечами и продолжаю тянуть напиток через соломинку, позволяя прохладной жидкости хотя бы немного охладить мое лицо.

Эмма подхватывает вилкой салат и подносит его ко рту, буквально на секунду мне кажется, что опасность миновала. Но тут она вдруг останавливается.

— Хорошо. Тогда я вот что спрошу. — Салат и помидоры остаются висеть в воздухе. — А почему тебя так беспокоит, что мы о нем думаем?

— Вовсе нет… Просто вы вредничаете!

— Мы не вредничаем. — Эмма смотрит на Даниэль. — Разве мы вредничаем?

Даниэль отрицательно качает головой.

— Не думаю, что мы вредничаем.

— Мы просто наблюдаем. Как… ученые. — И она бросает мне ухмылку всезнайки, потом отправляет вилку в рот.

Я вздыхаю и принимаюсь за свой бутерброд. Она права. Почему мне не все равно, что они думают? Я ведь не знаю его. И поскольку мы с ним не знакомы, стала бы я вообще об этом задумываться, если бы ни этот случай на треке?

Эмма и Даниэль пристально смотрят на меня и обмениваются многозначительными взглядами. Затем Эмма бросает Даниэль свой знаменитый «не-беспокойся-я-с-этим-разберусь» взгляд, поворачивается ко мне и со всей мягкостью во взгляде готовится сделать то, что умеет

лучше всего – заставить человека рассказать, что он хотел бы сохранить в тайне. Это что-то вроде ее суперспособности.

— Анна? — мелодично говорит она. — Что происходит?

Я знаю этот трюк и не собираюсь ничего рассказывать, но вдруг сдаюсь и прячу лицо в ладонях.

— Ничего не происходит. Просто все это очень странно. — Мне кажется, что я пробубнила это себе под нос, но видимо вышло довольно громко, раз они услышали. Эмма мягко отводит мои руки от лица и заставляет взглянуть на нее.

— Что странно? — И тут она вспоминает сегодняшнее утро, и для нее все встает на свои места. — Подожди-ка, так это та странная вещь, о которой ты хотела рассказать мне перед занятиями?

Я осматриваю столовую, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает, а когда поворачиваюсь обратно, Эмма и Даниэль склоняются ко мне так близко, что их щеки почти касаются друг друга.

Я снова оглядываюсь, прежде чем придвинуться к ним ближе.

— Ладно. — Вздыхаю я. — Ну... сегодня утром я бегала на треке Северо-Западного. И пробежала уже несколько кругов, как вдруг заметила, что на трибуне сидит парень и наблюдает за мной. Сначала я проигнорировала его и просто продолжила бежать, а он не прекращал смотреть на меня, но когда я повернула… — Я останавливаюсь и снова оглядываю комнату. — Он исчез. Я имею ввиду исчез совсем, будто его и не было. Он просто… растворился. — Тот момент, где он мне улыбнулся, я сознательно опустила.

— Да, звучит и правда странно. — Говорит Эмма и вопросительно смотрит на меня, вероятно, заметила по моему выражению лица, что еще должно быть продолжение. — Ну и?

Я указываю головой в сторону Беннетта.

— И это был он. — Как только я произношу эти слова вслух, до меня доходит, насколько все это нелепо звучит.

Тут Эмма и Даниэль разворачиваются и снова смотрят на него.

— Ты уверенна? — Спрашивает Эмма, не сводя с Беннетта глаз.

Мой взгляд скользит мимо них в его сторону.

— Он выглядит точно так же, как тот парень – то же телосложение, определенно та же прическа. Только самое странное в том, что тогда он смотрел на меня так, будто… он знает меня, что ли. А сейчас делает вид, что не узнает. — Они продолжают пялиться на него. — Да перестаньте же вы на него смотреть!

— А может он и ничего так, — говорит Даниэль.

— Ага. Если не обращать внимания на его прическу, то он кажется вполне даже милым, — соглашается Эмма. Но когда она снова поворачивается ко мне, ее лицо становится по-матерински озадаченным. — Хотя вся эта история на треке все равно кажется довольно жуткой.

Я смотрю на Беннетта – если он уже и заметил, что мы трое его обсуждаем, то совершенно не подает вида.

— У меня идея! – восклицает Даниэль, и я с надеждой смотрю на нее. — Просто подойди и спроси его.

В ответ на ее ободряющую улыбку я закатываю глаза, и прежде, чем успеваю ответить, Эмма продолжает:

— Отличная идея! — Она уверенно встает, опершись ладонями о стол. — Давайте-ка во всем разберемся.

— Что? Нет! — Я убираю волосы за уши. — Пожалуйста, не нужно. Клянусь, если вы сейчас подойдете к нему, я больше с вами не разговариваю.

Она останавливается и разворачивается на каблуках. — Но я же хочу помочь.

Я стискиваю зубы и пристально смотрю на нее. — Эмма. Аткинс. Я серьезно. Пожалуйста, остановись.

Эмма возвращается к нашему столу.

— Послушай, он наблюдал за тобой и этим тебя напугал, а теперь ведет себя так, словно ничего и не было. Так вот я хочу знать – почему. — Она разворачивается и идет по направлению к нему. Не успеваю я даже подумать, что надо бы отсюда убираться, а Эмма уже стоит у его стола. Мы с Даниэль застываем с идиотскими выражениями лица и молча наблюдаем, как она вторгается в его личное пространство. Вот они пожимают друг другу руки и обмениваются парой слов, Эмма указывает на нас.

Он загибает уголок страницы и складывает книгу в рюкзак, берет свой поднос и следует за широко улыбающейся Эммой к нашему столику. Вряд ли я отделаюсь просто арестом, если прямо сейчас подойду к ней и задушу, но эта мысль так и вертится у меня в голове.

— Девушки. — Эмма указывает рукой на гостя. — Познакомьтесь, это Беннетт Купер.

Гость смущенно нам улыбается, и снова переводит взгляд на Эмму, он ждет.

— Присаживайся. — Она вытаскивает свободный стул из-под стола и садится на свой. — Беннетт, это Даниэль. А это… — она делает паузу (жалкая попытка добавить драматический эффект), — наша звезда беговых дорожек. — И она указывает на меня. Беннетт переводит на меня взгляд, и его глаза встречаются с моими.

— Бега по пересеченной местности, — автоматически поправляю ее я.

— Неважно, — Эмма пожимает плечами и снова обращает свое внимание на Беннетта. — В общем, она бегает. — И тут она разворачивает свой стул так, чтобы оказаться лицом к нему.

— Но ведь ты и так уже об этом знаешь, верно? — Она бросает на него свой самый свирепый взгляд.

О. Мой. Бог.

Беннетт смотрит на нее, потом на меня и снова на нее.

— Не уверен, что понимаю, о чем речь.

— А разве ты не был сегодня утром на треке Северо-Западного, Беннетт? — спрашивает она резко и требовательно, словно адвокат на допросе свидетеля. Эмма кладет руку мне на плечо. — Она бегала сегодня на рассвете. И видела тебя. Ты наблюдал за ней.

Мда. Все-таки Эмму придется убить…

— Северо-Западного? — Он хмурит лоб и смотрит на нас. Словно название главного университета этого города он слышит впервые. — Простите, но это вряд ли возможно. Я только в выходные переехал. И еще не был в кампусе, а тем более в Университете. — Теперь он смотрит на меня и улыбается, сердечно и открыто, как человек, которому нечего скрывать. И хотя эта не та же самая улыбка, но есть в ней что-то такое, что сразу напоминает о той улыбке на треке. Нечто такое, что только лишний раз убеждает меня – все-таки он и есть тот парень. — Возможно, ты меня с кем-то перепутала.

Но ведь это не так. Я смотрю на него в ожидании, что он вот-вот скажет, что пошутил, перегнется через стол и дружески похлопает меня по руке. Но он остается на месте. И смотрит на меня так, будто видит впервые. Ну и еще чуть-чуть будто я спятила.

— Ты уверен? — спрашиваю я в итоге. — На тебе была парка.

Ну вот опять. Эта улыбка, немного смущенная, без тени узнавания, но такая теплая. Милая. Все та же.

— Извини, но у меня нет парки, — говорит он. — Это был не я.

Я очень хочу верить ему, но не могу, я перевожу взгляд на Эмму. Она все еще находится в образе детектива, а значит, она ему тоже не поверила.

И все же я решаю дать ему сорваться с крючка и стараюсь растопить лед.

— Ты выглядишь… ну в точности как он. Наверное, я вправду ошиблась.

Очень надеюсь, что мое выражение лица не выдает, что я лгу. И как мне неловко. Я перегибаюсь через стол и протягиваю руку.

— Я Анна.

Его рука уже тянется к моей для рукопожатия, но вдруг останавливается на полпути.

— Анна? — Он с недоверием смотрит на меня. — Тебя зовут Анна?

— Ну… да. Думаешь, это имя мне не подходит? — говорю я и сама удивляюсь флиртующим ноткам, появившимся в моем голосе.

— Значит, ее имя все-таки о чем-то ему говорит. — Внезапно говорит Эмма, обращаясь к Даниэль, громче, чем следовало.

Он продолжает смотреть на меня, и всего на долю секунды я замечаю в выражении его лица искорку узнавания, теперь это так похоже на то, как он смотрел на меня на треке сегодня утром. Но вот эта искорка исчезает, и он снова протягивает мне руку.

— Приятно познакомиться, Анна. — Теперь его голос звучит твердо, рукопожатие крепкое, а проблеск узнавания сменяется каменным выражением лица. Он отпускает мою руку, поворачивается к Эмме и Даниэль, кивает им головой, довольно официально. — Было очень приятно с вами познакомиться.

Затем он встает и относит свой поднос к мусорному баку в центре столовой, я замечаю, как он качает головой, пока идет к двойным дверям и скрывается за ними.

— Действительно, очень странно, — говорит Эмма. — Но это нужно было сделать. — И она скрещивает руки на груди, словно только что проделала неприятную рутинную работу.

Я знаю, что она всего лишь хотела защитить меня, но почему-то мне не стало лучше, теперь я чувствую себя идиоткой. Слова «как же неловко», «унизительно» и «зачем?» так и вертятся у меня в голове. Хочу высказать им все, что думаю, но связно мыслить не получается. Кроме того, Эмма прекрасно знает, что я всегда отвечаю за свои слова, так что лучше вообще не буду с ней разговаривать.

◄► ◄► ◄►

Зазвенели дверные колокольчики нашего книжного магазина, и папа выглядывает из-за прилавка. Я направляюсь к нему, волоча рюкзак по полу, а потом и вовсе бросаю его.

— Что случилось? – обеспокоено спрашивает он.

Я ушла, даже не попрощавшись с Эммой, в итоге шла две мили пешком по замороженной тундре. Мои зубы все еще стучат от холода, лицо покраснело и обветрилось, и во всем мире сейчас не найти такого большого карандаша, которым можно было бы заколоть мои кудрявые волосы, если бы их вообще удалось собрать.

— Ничего. — Я приглаживаю волосы и пытаюсь отвлечь его внимание вопросом:

— Немного было покупателей за день?

Он окидывает взглядом пустой книжный магазин, его купил еще мой дедушка – преподаватель Северо-Западного университета, когда вышел на пенсию пятнадцать лет назад.

— Как и всегда в марте. Пополню запасы после экзаменов.

Отец наблюдает, как я вытаскиваю из рюкзака футболку, потом учебник за учебником и складываю все это на стол.

— Ого! И сколько же книг туда помещается? У тебя не рюкзак, а машина клоуна.

И он смеется, но я-то знаю, что он каждый раз искренне поражается тому, насколько сильно мое обучение в старших классах Академии Уэстлейк отличается от его школьных лет, проведенных в школе Эванстон Тауншип.

— Но ведь ты же сам хотел, чтобы я училась в этой замечательной школе, — напоминаю я ему и подбрасываю в воздух самую большую книгу.

Он делает вид, что пытается ее поймать, но поскольку она слишком тяжелая, и ему будто бы тяжело ее держать, он позволяет ей рухнуть на стол.

— Да ты просто суперзвезда. — Он целует меня в лоб и направляется к двери.

— Кажется, скоро снова пойдет снег, — говорит он, застегивая молнию на парке и оборачивая шарф вокруг шеи. — Позвони мне, когда соберешься домой. Хорошо?

— Да тут всего три квартала, пап.

— Я знаю, какая ты у нас бесстрашная и несокрушимая, но если передумаешь – позвони, ладно?

Я закатываю глаза.

— Пап. Всего три квартала.

Он собирается открыть стеклянную дверь, а до меня начинает доходить, что утренняя пробежка завтра будет намного длиннее. И холоднее.

— Папа! — Он оборачивается, его рука застывает на ручке двери. — Отвезешь меня завтра в школу?

— А что Эмма идет к врачу?

— Нет.

По выражению его лица видно, что он очень хочет узнать, в чем дело, но все-таки решает ничего не выяснять, поэтому просто пожимает плечами и говорит:

— Конечно. — Колокольчики на двери звенят, когда он выходит.

4

— Боже мой! Ну и что я делаю? — Спрашиваю я себя, поняв, что нанесла уже два слоя блеска для губ. Теперь стою перед зеркалом в ванной комнате и крашу тушью ресницы.

Ну да, он привлекательный. И вряд ли ему приходится прикладывать столько же усилий, сколько мне пришлось затратить этим утром. Я не из тех девушек, что красятся каждый день, а сейчас мне даже кажется, что я и вовсе разучилась. Вчера я думала, что схожу с ума от всего происходящего. Но лучше уж от этого, а не от того, чем занята сейчас.

Все дела в ванной комнате закончены, и я направляюсь в школу, как раз к четвертому уроку. Здесь я начинаю чувствовать невероятный приток адреналина, так обычно бывает на последнем километре забега. На секунду задерживаюсь у дверей класса, чтобы восстановить сбившееся дыхание, и напоминаю себе, что, когда войду, должна выглядеть сносшибательно и равнодушно, как планировала все утро. Встряхиваю руки, качаю головой взад и вперед и делаю последний вдох перед тем, как войти.

Сразу же замечаю Беннетта. Он сидит, откинувшись на стуле, и вертит карандаш между пальцев. Я жду, что он отведет взгляд, как только наши глаза встретятся, но он этого не делает. Наоборот, его лицо сияет, будто он счастлив видеть меня, ну или что-то вроде того. Потом он опускает глаза, но продолжает улыбаться, думает о чем-то своем и начинает что-то чертить в тетради. Больше глаза он не поднимает.

Я сажусь на свое место и, наконец-то, выдыхаю. Чтобы отвлечься, начинаю вытаскивать из рюкзака тетрадь с домашним заданием, остальные ученики продолжают заходить в класс.

Вот прозвенел последний звонок, Арготта вскидывает руки вверх и кричит:

— Внеплановая контрольная!

И благодаря всеобщим стонам и звукам вырываемых из тетрадей листов, не слышно, как бешено колотится мое сердце.

Мои руки вспотели, мне кажется, что жар, исходящий сейчас от меня, запросто мог завить мои кудри еще сильнее. Я машинально перекидываю волосы назад, собираю их в высокий хвост, закручиваю вокруг пальца и, придерживая одной рукой образовавшийся пучок, начинаю искать в рюкзаке, чем их можно было бы закрепить. Нащупываю книги, целую кучу оберток от жвачки, список тестов, коробочку для украшений, но нет ничего, чем можно было бы скрепить волосы, нет даже резинки. Смотрю на свой карандаш, который обычно использую в качестве заколки, но он один, а ведь еще тест писать. Рука, придерживающая волосы, начинает затекать, и я уже собираюсь плюнуть на все, как слышу позади какой-то шум:

— Псс.

Оборачиваюсь, продолжая придерживать волосы рукой.

Может быть из-за того, что он так сильно наклонился, практически улегся на парту, но сейчас он мне кажется очень близким, ближе чем вчера. И дело не только в его физической близости, а в сочетании этого расстояния и выражения на его лице. Сейчас его взгляд не такой пустой, как вчера в классе, и не такой смущенный, как в тот момент, когда моя лучшая подруга обвинила его в том, что он преследует меня. Сегодня его взгляд нежный, кажется, что он улыбается только глазами. И тут я замечаю, что его глаза интересного, дымчато-голубого цвета, они усеяны маленькими золотыми точками, которые ловят и отражают свет. В какой-то момент до меня доходит, что я сижу и неприлично пялюсь на него во все глаза, как дура, опускаю глаза и наталкиваюсь на его губы, и тут обнаруживаю, что не только его глаза улыбаются. Губы тоже. Его будто что-то веселит. Словно он посмеивается надо мной. И тогда я понимаю, что чего-то не заметила.

Он кивает головой и пытается привлечь мое внимание к руке, которая была протянута все это время. К руке, которая протягивает мне карандаш.

Смотрю на карандаш, а потом снова на Беннетта, и все еще недоумеваю. Внезапно до меня доходит смысл происходящего, я наклоняюсь и забираю карандаш из его руки.

Тихонько бормочу «спасибо».

Возвращаюсь на свое место и закрепляю волосы карандашом, с ужасом понимая, что от такого простого действия у меня мурашки по коже побежали. Делаю глубокий вдох и пытаюсь вернуться к написанию теста, ведь он уже начался, но ничего не могу с собой поделать, и улыбка расползается по моему лицу.

Значит, он все-таки наблюдал за мной вчера. Он заметил, что я собираю волосы в пучок.

Да, это всего лишь обычный желтый карандаш Dixon Ticonderoga, номер 2, точно такой же, как тот, что я держу сейчас в руках, пытаясь закончить этот глупый тест. Но сейчас, в моих волосах, он значит для меня больше – это связь, которую я почувствовала тогда, на треке.

◄►◄►◄►

Совершенно не представляю, как так получилось, что на протяжении всего дня, до этого самого момента, я ни разу не повстречала Эмму.

Я только что закончила тренировку и как раз выхожу из раздевалки, болтая с ребятами из команды, и тут же вижу ее. Вот она, возле своей машины, зачем-то размахивает клюшкой для хоккея на траве так рьяно, что, кажется, вот-вот вспотеет. И хотя она тоже после тренировки, но ее макияж как всегда идеален, вязаная шапочка и перчатки идеально подходят к теплому костюму. С грустью оглядываю свой спортивный костюм. Сама я только что из душа и едва

успела высушить волосы полотенцем, поэтому спрятала их под бейсболкой, чтобы не заледенели по дороге домой.

— Сейчас прогрею машину! – кричит она, завидев меня. Подходит к машине, открывает дверь, включает зажигание и снова из нее выходит, ждет меня, облокотившись о капот.

Бросаю быстрый взгляд на небо, множество темных облаков быстро движутся, превращаясь в единое целое и грозясь разразиться сильнейшим снегопадом. Опускаю глаза и смотрю на Эмму, она улыбается мне. Буквально на долю секунды мне кажется, что от моей решимости не осталось и следа, и я уже представляю себя сидящей на теплом сиденье машины. Идти домой пешком совсем не хочется. Но все-таки я ни за что, ни за что на свете не собираюсь облегчать ей задачу.

Поэтому я иду дальше с ребятами из команды и прохожу мимо ее машины.

— Анна! — зовет она меня, в ее голосе слышится боль. — Подожди!

Слышу, как она осторожно приближается ко мне, и сбавляю темп.

— Нет, ну серьезно, неужели так сложно остановиться и поговорить со мной? Я же пытаюсь извиниться.

Ребята из команды недоуменно смотрят на меня, переглядываются. Я машу им, мол идите без меня, останавливаюсь и позволяю Эмме догнать себя.

Она хватает меня за плечо.

— Прости, мне, правда, жаль. — Ее раскаяние выглядит вполне естественным, а британский акцент даже придает словам искренности, так что я испытываю невероятное искушение обнять ее и простить, ничего не выясняя. Но все же я не могу забыть вчерашнее унижение – я чувствовала себя такой дурой. Так что я стою и просто смотрю на нее.

— Прости меня, — повторяет она и обнимает. Мне очень хочется обнять ее в ответ, но я продолжаю стоять неподвижно.

Она ослабляет хватку и чуть отстраняется, она выглядит такой несчастной. Потом выражение ее лица смягчается, и она снова приближается, берет мое лицо в ладони.

— Я была такой засранкой. Пожалуйста, не злись на меня. Я больше этого не вынесу.

Я вздыхаю.

— Ты действительно отстойно себя вела. — Мой голос звучит довольно странно, ведь она так сильно сжала мои щеки, что губы сплющило, и я теперь похожа на рыбку.

— Знаю. Но ты ведь все равно меня любишь, правда же? — И она сжимает мои щеки еще сильней. — Ну же, правда? Ну хотя бы чуть-чуть? — Мне большего и не требовалось. Я отчаянно пытаюсь не смеяться, наверное, от этого мои губы стали выглядеть еще смешнее, потому что Эмма фыркает, и мы обе прыскаем от смеха.

Наконец, она перестает сжимать мои щеки, хотя и продолжает держать лицо в своих ладонях.

— Мне, правда, жаль. Я как-то увлеклась. И меньше всего я хотела заставить тебя чувствовать себя неловко.

Прикусываю губу.

— Ну да, как же, не хотела.

— Знаю.

— Больше не делай так, ладно?

— Не буду, — говорит она с улыбкой и усиленно кивает. Хватает меня за плечи, посылает воздушные поцелуи каждой моей щеке, они все еще красные от ее попытки примирения.

— Может, сядем уже в машину? — Она начинает стучать зубами и дрожать.

Я киваю, и мы идем к ее Саабу. Она даже открывает мне дверь, словно швейцар, прежде, чем занять свое место на водительском сидении.

— Куда поедем? — спрашивает она. — Хочешь выпить кофе?

— Не могу. Сегодня вторник.

— А ну да, семейный ужин.

Она припарковалась на полупустой стоянке. Несколько минут мы сидим молча, и мне кажется, что вот-вот она, как обычно, врубит стерео, но вместо этого она поворачивается ко мне.

— Так как? Ты все еще думаешь, что наш новенький и есть тот парень с трека?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. — Я собираюсь рассказать Эмме про карандаш, но потом решаю этого не делать. Учитывая, что она обо всем этом думает, ей такое поведение скорее покажется странным, чем милым. А может это и правильно, и мне тоже стоит думать точно так же. Машинально поднимаю руку к затылку, совсем позабыв, что сейчас на голове у меня бейсболка, а карандаш бережно покоится в рюкзаке.

— Хочешь знать, что я думаю об этом? — спрашивает Эмма.

— А у меня есть выбор?

— Нет. Держись от него подальше. Не знаю, в чем тут дело, но есть в нем что-то… подозрительное, что ли.

— Да ладно тебе. Давай уже закроем эту тему. Кажется, он ясно дал нам понять, что никогда не бывал на территории Университета. Должно быть, я все же ошиблась.

И почему я опять его защищаю, ведь точно знаю, что права, но думаю, мои слова прозвучали вполне убедительно.

— А как же его реакция на твое имя?

М-да. Это и правда было странно. Но в ответ я лишь пожимаю плечами.

— Да ты послушай себя! Он тебе нравится. — Она говорит, растягивая слова, отчего ее акцент усиливается.

— Но ведь я его даже не знаю.

— Для этого знать человека не нужно.

— Конечно же, нужно. — Я свирепо смотрю на нее. — Мне просто… стало любопытно, вот и все.

Но если быть честной, то Эмма все-таки в чем-то права. Мне хватило пары коротких взглядов и одного карандаша, и вот он уже прочно засел у меня в голове.

Машина останавливается перед моим домом, мне нужно лишь будет преодолеть расстояние в два фута между заснеженным тротуаром и входной дверью. Вдруг Эмма поворачивается ко мне.

— Между прочим, мне очень не хватало тебя сегодня утром.

— Мне тебя тоже. — Я тянусь к ней и обнимаю. Выхожу из машины, закрыв за собой дверь, машина трогается, из-под колес разлетаются хлопья грязного снега.

◄►◄►◄►

— Хватай нож! — Раздается из кухни мамин голос, с трудом прорывающийся сквозь тенор Паваротти. Я бреду на соблазнительный запах печеного перца и лука, мама полностью поглощена работой на кухне.

— Привет, милая! — мама, улыбаясь, поднимает на меня глаза, но тут же возвращается к своему соусу. Поверх униформы на ней надет фартук, а ее черные кудри – вот от кого они мне

достались – собраны заколкой на макушке, хотя несколько прядей все же выбились и теперь обрамляют ее лицо. Она режет спелые помидоры и воодушевленно подпевает итальянским певцам.

— Не начнешь нарезать моцареллу? — И она указывает ножом на скользкий белый шар, лежащий на барной стойке. — Как дела в школе?

Я обхожу вокруг мамы, наблюдая, как она нарезает последние помидоры и отправляет их в кастрюлю, слегка помешивает соус, а затем усаживается на стул, лицом ко мне. Я прекращаю нарезать и поднимаю на нее глаза. Она ждет, когда я начну рассказывать ей обо всем, потому что сегодня вторник – день, когда мы вместе готовим на кухне, и я рассказываю ей о том, что происходит в школе – кто с кем встречается, кто с кем подрался, что происходит на беговой дорожке. А потом я расспрашиваю ее, как дела в больнице. И хотя, на мой взгляд, там очень тихо, и вообще находиться там весь день необычайно скучно, но она рассказывает о больнице так, словно работает на станции скорой помощи – рассказывает драматические истории о людях, которые сумели выжить, когда казалось надежды уже не было, рассказывает о врачах, которые флиртуют с медсестрами, и о пациентах, которые флиртуют с врачами. Я очень рада, что ей так нравится ее работа, особенно после того, как я узнала, что она вернулась туда, только чтобы родители смогли оплатить мое обучение в Академии Уэстлейк. Мои родители были просто одержимы идеей отправить меня учиться именно в эту школу, но чтобы заплатить за это обучение им потребовалось две зарплаты. И этот самый ужин по вторникам – все, о чем они попросили меня взамен.

— Ну и? — Ее глаза расширяются, и вся она выглядит так, словно вот-вот лопнет от любопытства. — Начинай же! Расскажи мне, как прошла эта неделя. Было что-нибудь интересненькое?

В ответ я слышу свой голос:

— Все было, как обычно, хорошо. — Я снова смотрю на разделочную доску, нож впивается в моцареллу, и я наблюдаю, как на дереве скапливаются кусочки сыра.

— А что у тебя? Как прошел день? — Я спрашиваю это очень писклявым и каким-то неестественным голосом.

Стараюсь не смотреть на нее, но краем глаза замечаю, что она беспокойно ерзает на стуле, будто не знает, куда себя деть, проходит пара секунд прежде, чем она начинает говорить.

— Ну перестань! — говорит она наконец. — Не может быть, чтобы моя очередь наступила вот так быстро.

Она встает, чтобы проверить соус, и снова подпевает под музыку. Перемешав его, возвращается на свое место за столом.

— Ну же! — повторяет она с лучезарной улыбкой, в ее голосе слышится мольба. — Должно же было быть хоть что-нибудь интересное.

Мне так хочется рассказать ей правду. О том, как один парень исчез прямо у меня на глазах. О том, что я чуть не получила замечание за первое в моей жизни опоздание. О том, как я шла домой из школы пешком, потому что я и моя лучшая подруга не разговаривали друг с другом. О том, что сейчас в моей сумке лежит карандаш, который вовсе не должен быть важен для меня. Я очень хочу рассказать ей, что ничто на этой неделе не прошло «как обычно», и уже одно это безумно интересно. А больше всего мне хотелось рассказать ей о парне, который оказался в центре всех этих событий, чтобы она могла спросить меня, симпатичный ли он, а я бы в ответ покраснела и просто кивнула. Но вместо этого я продолжаю смотреть на разделочную доску и говорю:

— Я получила пятерку за работу по анатомии, с которой ты помогла мне на прошлой неделе.

Она натянуто улыбается мне.

— О! Что ж…это хорошо. — Все еще чувствую, как она наблюдает за мной, надеется, что я расскажу еще что-нибудь, а я выжидаю удобный момент, чтобы можно было перевести разговор на нее. Спустя несколько минут слышу, как она начинает барабанить пальцами по стойке. И вот, наконец, когда повисшее молчание становится для нее невыносимым, она выпрямляет спину.

— Ладно, давай я, — говорит она и начинает рассказывать длинную историю об одной из медсестер, которую поймали целующейся с фельдшером в отделении скорой помощи.

Проходит пятнадцать минут, и я слышу, как открывается и закрывается входная дверь.

— Я дома! — кричит папа из холла. Он входит в кухню в тот самый момент, когда мы с мамой, стоя бок о бок у барной стойки, уже выкладываем листы лазаньи, соус и сыр в сотейник.

— Привет, Анни. — Он наклоняется и целует меня в макушку.

— Привет, пап. — Я вынимаю свои липкие от сыра и помидоров пальцы из лазаньи и машу ему.

И прежде, чем он успевает сделать еще один шаг, мама поворачивается к нему и берет его лицо в свои перепачканные соусом ладони.

— Привет, милый.

Папа отступает на два шага назад, ярко-красные ладони отпечатались на его щеках, мы обе смотрим на него широко раскрытыми глазами и ждем его реакции. А он просто застыл, ошеломленный. Затем качает головой и целует маму в нос.

— Пойду, умоюсь, — говорит он.

— Да уж, иди, умойся, — отвечает мама сквозь смех, и мы обе смеемся от души, завершая наше творение горкой тертого сыра. Блюдо отправляется в духовку, мама идет в душ, а я устало плетусь в свою комнату, чтобы заняться домашним заданием.

Плюхаюсь на ковер и открываю рюкзак. В маленьком переднем кармашке нащупываю карандаш, именно там, где я его и оставила, среди кучи фантиков. Кручу его в руке, между пальцев, точно так же, как это делал Беннетт сегодня утром, когда я вошла. Я закрываю глаза и вспоминаю, как он улыбался мне, когда протягивал карандаш. И начинаю обдумывать план, как бы мне его теперь вернуть.

Тянуть время.

Так или иначе, все детали моей превосходной стратегии по возвращению карандаша Беннетту сводятся к тому, что я буду тянуть время. Я буду медленно идти на испанский, поэтому у меня совершенно не будет времени, чтобы вернуть ему карандаш до урока. А вот потом, когда прозвенит звонок на ланч, я встану, повернусь, загородив Беннетту дорогу, и отдам ему карандаш. Если все пойдет по плану, то я смогу продолжить с ним разговор по дороге в столовую.

Я подхожу к двери, мое сердце колотится как сумасшедшее. Звенит звонок, как раз вовремя, я вхожу в класс, но не успеваю даже пройти мимо сеньора Арготты, как он уже хлопает и объявляет:

— Разговорная практика! Время двигаться, класс! — Он так этим воодушевлен, будто только что объявил о празднике.

О, нет! Только не разговорная практика. Худшее, что сейчас мог придумать Арготта - именно эти упражнения в маленьких группах. А ведь я так идеально рассчитала время прихода, но какое это будет иметь значение, если Беннетт окажется на другом конце класса.

Тем временем Арготта расхаживает между рядами парт, делит нас на пары и раздает ламинированные карточки с ситуациями, в которых никто и никогда не сможет оказаться, ни во время путешествия по Испании, ни в какой-либо другой стране мира. Мне тоже достается карточка, и я зажмуриваюсь в ожидании худшего. Открываю один глаз и читаю: «Партнер № 1. Вы проходите собеседование на вакансию официанта/официантки в одном из элитных ресторанов Мадрида. Партнер № 2. Вы владелец этого ресторана». Я смотрю на Алекса, моего постоянного партнера в этих упражнениях, он подмигивает мне.

Но тут Арготта останавливается и поворачивается ко мне.

— Сеньорита Грин в пару с сеньором Купером, *por favor (исп. – пожалуйста)*.

Что? Нет! Простите сеньор, но я просто не могу быть партнером Беннетта Купера. Ведь я всю ночь представляла, как буду отдавать ему карандаш. Как я снова спрошу у него – теперь уже без контроля со стороны Эммы и Даниэль – не он ли все-таки был на треке в понедельник. Я собиралась спросить его, почему тогда он вел себя так, будто знает меня, а сейчас, будто мы не знакомы. Я в малейших деталях представляла себе эту беседу, но в мои планы совсем не входило говорить с ним на испанском.

Можно выйти из класса, притворившись, что мне внезапно стало плохо. Или можно пойти и занять место рядом с *сеньором* Кестлером на другой стороне класса, будто я не разобрала, что сказал учитель из-за его жуткого акцента. Но, как всегда, было уже поздно. Беннетт слышал все указания так же четко, как и я, и теперь смотрит на меня, словно хочет сказать «не бойся, я не кусаюсь». Он делает движение головой вверх, словно просит меня подняться, я встаю, он разворачивает мою парту к себе лицом.

— Привет! — говорю я, как только мы занимаем свои места.

— Привет! Анна, правильно? — Сейчас, произнося мое имя, Беннетт выглядит совершенно спокойным, ни намека на то странное поведение два дня назад в столовой.

— Ага. — Я опускаю глаза и смотрю в стол, куда угодно, лишь бы не в его глаза, иначе рискую утонуть в них снова. — А ты Беннетт.

Он кивает.

— Тебя обычно называют Бен? — Боже! Ну зачем я это спросила!

Он улыбается.

— Нет. Просто…Беннетт.

И опять я вся покраснела как рак. Интересно, ему бы хотелось увидеть меня с нормальным цветом лица, мне вот хотелось бы увидеть его с другой стрижкой.

— Спасибо, что одолжил. — Я протягиваю ему карандаш, а у самой на языке вертится столько вопросов к нему, что только успевай задавать, но когда он сидит так близко, прямо напротив меня, не могу произнести ни слова.

— Всегда, пожалуйста, — говорит он, и кладет его в углубление деревянной парты. Должно быть, этот карандаш обладает какими-то особыми свойствами, раз втянул нас во все это.

— Какое у нас сегодня задание? — спрашивает Беннетт, наклоняясь вперед, я просматриваю вопросы.

— Боюсь, это довольно трудно. — Я протягиваю руку и кладу карточку со словами перед ним.

Он берет ее и расплывается в улыбке.

— О, ну это легко. — И он наклоняется вперед, словно собирается раскрыть мне какой-то секрет. — Я уже проходил собеседование на должность официанта, и это было как раз в Мадриде.

— Что, серьезно?

— Нет, конечно, — он улыбается, — я шучу.

Кажется, я рассмеялась слишком громко.

— Хорошо. — Я делаю глубокий вдох, пытаясь успокоить нервы, и прижимаю руки к парте, так будет незаметно, что они трясутся. Теперь уже я наклоняюсь к нему и говорю:

— Вообще не представляю, как надо наниматься на работу в этой стране, хотя и в любой другой тоже.

Забираю карточку у него со стола и откидываюсь на спинку стула, стараюсь выглядеть как можно более расслабленной.

— Итак, — начинаю я, старательно произнося испанские слова, — расскажите мне о вашем опыте работы официантом, сеньор Купер.

Беннетт начинает подробно описывать свою работу в воображаемых ресторанах по всей Испании. Отлично построенными предложениями он описывает свой профессиональный опыт в уборке крошек. Он объясняет, каким образом он может уговорить посетителей заказать блюдо дня вместо того, что они уже выбрали. Рассказывает, что может одновременно обслуживать десять столиков и даже большие праздничные ужины и что он всегда получает больше чаевых, чем все другие официанты. Он рассказывает обо всем этом с невозмутимым видом и еле заметным блеском в глазах.

Я понимаю его испанский, но мне все равно приходится сосредоточиться, чтобы понять все слова. У него красивое произношение. Его голос спокойный и уверенный, ритм неторопливый, и я практически не могу пошевелиться, очарованная силой его голоса. Теперь он рассказывает об еще одной выдуманной работе в ресторане Севильи под названием «El Mesero Mejor», что значит «Лучший официант».

В конце его рассказа я невольно улыбаюсь. Смеюсь. И даже немного прихожу в трепет. И вот он, наконец, подводит итог:

— Как вы видите, я прекрасно подхожу для вашего ресторана.

Даже не знаю, сколько времени прошло между его последним предложением и следующей фразой:

— Ну и? — Подняв брови, он ждет ответа.

Понимаю, что он опять заметил, как я уставилась на него, в смущении закусываю губу и жду, когда вспыхнет мое лицо, но этого почему-то не происходит. Тогда я продолжаю:

— Вы приняты на работу. — И пожимаю плечами.

— Ух ты! Вот так просто? — говорит он, уже на английском. — Легко с таким управляющим как ты.

Пытаюсь ответить что-нибудь умное, но в голове, как назло, пусто.

— Ты замечательно говоришь по-испански, — произношу я вместо этого.

— Я был в Барселоне прошлым летом, обучающая программа.

Я улыбаюсь, представила его живущим в Барселоне в семье местных жителей.

— Я тоже бы так хотела. Это, наверное, очень круто – там жить, полностью погрузиться в чужую культуру.

— Да.. Это было просто потрясающе! — Он кладет руки на парту. — А ты? Ты когда-нибудь была в Испании?

— Нет, — отвечаю я еле слышно. — Я.. вообще нигде не была. Я работаю в книжном магазине отца и много времени провожу в отделе про путешествия. Только так и узнаю об остальном мире.

— Ты меня удивляешь. — Он наклоняется ко мне ближе, словно хочет раскрыть секрет. — Я всего третий день здесь, и мне кажется, что в этой школе все только и делают, что путешествуют.

— Так и есть. — Я пожимаю плечами. — Боюсь, только… что я не из их числа.

— Итак, ты работаешь в книжном магазине. — Это скорее утверждение, чем вопрос. — И читаешь книги о путешествиях.

Я смотрю на него и пытаюсь придумать ответ. Я невероятно смущена тем, что оказалась самым бедным учеником в этой школе для богатых, но ему это знать ни к чему.

— Так и есть. А ты, я вижу, много путешествуешь.

— Я? — Он смотрит на стол. — Да. Можно сказать и так… — Он умолкает, пытаясь сдержать улыбку.

— Я люблю путешествовать, — говорит Беннетт. Должно быть, выражение лица выдает смущение, потому что он тут же становится серьезным и поясняет. — Да. Я много путешествую… Всегда, когда есть возможность.

— Везет тебе. — Это прозвучало как-то резко, поэтому мне тут же захотелось забрать свои слова назад. — Извини. Я, наверное, показалась тебе грубой. Я не хотела.

— Нет.

Он же не виноват в том, что я практически никуда не выезжала за пределы штата.

— Ты не была грубой.

— Думаю, тот, кто хочет путешествовать, найдет способ это сделать. Просто нужно подойти к этому творчески.

Внезапно появляется сеньор Арготта и оказывается в пределах слышимости, тогда Беннетт снова переключается на испанский. Он смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Знаешь, есть такое выражение «La vida es una aventura atrevida o no es nada» *(исп. – Жизнь – это либо дерзкое приключение, либо ничто)*.

Затем смотрит украдкой и задумывается.

— Не помню, чьи это слова.

Я еле заметно улыбаюсь.

— Что? — Беннетт улыбается вместе со мной, хотя и озадачен, что же меня так развеселило.

— Хелен Келлер, — шепчу я, вспомнив плакат, провисевший целый год в кабинете английского у мисс Уотерс, когда я училась в седьмом классе, на нем была изображена белая парусная лодка, борющаяся с течением, внизу была цитата «Жизнь – это либо дерзкое приключение, либо ничто».

— И скорее всего она сказала это не на испанском.

Я стараюсь сдержать улыбку, но не получается.

— Нет, скорее всего, нет.

Мы оба широко улыбаемся и продолжаем смотреть друг на друга, но мне приходится разорвать эту связь – смотрю наверх, нужно убедиться, что Арготта не слышит, как мы разговариваем на английском. Но он прохаживается по классу, склоняется над одной из групп, чтобы помочь им с переводом. Когда я снова поворачиваюсь к Беннетту, то обнаруживаю, что он все это время не отрывал от меня глаз.

— Знаешь, не важно, на каком языке эта фраза, — говорю я, — но я с ней согласна. Что касается меня, то я согласна, если в моей жизни будет как можно больше путешествий и как можно меньше ничего.

Вдруг улыбка исчезает с его лица, и он смотрит на меня уже серьезно. Такое ощущение, что он хочет сказать мне что-то очень важное, но вместо этого лишь плотнее сжимает губы. Я все еще смотрю на него в ожидании, но в итоге понимаю, что он твердо решил промолчать.

— Ты что-то хотел мне сказать? — не выдерживаю я.

Он слегка улыбается.

— В общем-то да…

Но тут звенит звонок.

— Не важно, — говорит он, поднимается и направляется к выходу. — Увидимся позже, ладно?

Наблюдаю, как он идет по классу и выходит в коридор. Взгляд возвращается к парте, и я вижу, что карандаш так и остался лежать в углублении, куда его положил Беннетт. Скручиваю волосы, одной рукой придерживая их, а другой - закрепляю на месте при помощи карандаша.

◄►◄►◄►

Увидимся позже. Так он сказал три дня назад. Увидимся позже. Но позже я его так и не увидела. Его не было в столовой, я не наткнулась на него в Пончике, и в толпе учеников его также не было.

Он был на уроке испанского и в среду, и в пятницу – и оба раза, я уверена, он постоянно поглядывал на дверь в ожидании меня, но как только я входила в класс, он тут же переводил взгляд, уставившись в стол. Его лицо больше не сияло, когда он видел меня, он больше не улыбался своим мыслям, пока чертил что-то в тетради – оба раза он даже не взглянул на меня, когда я занимала свое место. Каждый раз я собиралась вернуть ему карандаш, но он тут же выскакивал из класса, стоило только прозвенеть звонку. Словно нашего с ним разговора никогда и не было.

6

Шторм, начавшийся еще утром в субботу, не позволяет выйти на пробежку, не дает спать всю ночь и вообще не выпускает из дома почти до полудня. Я бреду в книжный магазин, словно во сне. И как только умудрилась ничего не сломать себе по пути? В кофейне на углу решаю вознаградить себя чашкой латте. Но даже после этой остановки у меня есть еще пятнадцать минут до смены, так что я решаю забежать в музыкальный магазин.

— Анна! — кричит Джастин, как можно громче, чтобы перекричать фоновую музыку, которая доносится откуда-то из-под потолка, божественная, проникающая в каждый уголок помещения. Он выходит из-за прилавка и заключает меня в объятия.

— Я так надеялся, что ты заглянешь на выходных.

— Привет, дружище! — говорю я, а сама тихо себя ругаю за то, что опять так его назвала. Это еще хуже, чем называть его Веснушкой, но слова «дружище», «приятель» и подобные им синонимы так и выскакивают из меня, когда я вижу его. Буквально на секунду он отстраняется и смотрит на меня, но даже за такое короткое время я замечаю – ему обидно, когда я его так называю.

— Что играет? — спрашиваю я и указываю наверх туда, где раздается музыка.

Он придвигается ближе.

— Вот, заполучил. — Он оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что никто его не услышит, но подслушивать некому – мы тут одни.

— Барабанщик из Nirvana записал демо, Эллиот мне одолжил на время.

Я не знакома с Эллиотом, но уверена, что это какой-то важный человек со студенческой радиостанции Северо-Западного университета, где Джастин проходит практику последние три месяца. И если я мечтаю посетить далекие страны, то он хочет переехать в многоэтажное

студенческое общежитие вниз по улице, специализироваться на радиовещании и во время учебы подрабатывать диджеем на легендарной станции The Rock Show.

— Хочешь дам послушать? — спрашивает он и подходит еще ближе.

— Да нет, не нужно. — Мотаю я головой, но он даже не замечает – уже отошел, скрылся за прилавком и выключил музыку. Возвращается, несет диск. — Вот, возьми. Расскажешь потом, как тебе.

— Серьезно?

— Конечно. Только верни на следующей неделе.

— Спасибо. Это так круто, — говорю я, прижимая диск к груди.

— Тебе должно понравится.

— Уверена, что понравится. Ты же знаешь, я доверяю твоему вкусу.

Я поднимаю глаза и вижу, как он смотрит на меня, и в этот момент понимаю, что он хочет сделать. Он хочет меня поцеловать.

— А еще что-то новенькое есть? — пытаюсь я переключить его внимание на новые релизы на прилавке.

— Здесь такого нет. — Он улыбается мне и машет рукой, чтобы я следовала за ним, идет к своему обычному месту за прилавком. Вдруг исчезает под ним и появляется уже с диском в руках. Обложка коробки раскрашена акварельными красками – голубыми, красными, зелеными. Они образовывают затейливые узоры и чуть тускнеют по бокам. Как и любая акварель, эта вещь – уникальна. Единственная в своем роде. И будет отлично смотреться на моей полке в спальне.

— Новая подборка хитов! — Я хватаю коробочку, раскрываю ее и начинаю читать названия треков.

— Ты даже представить себе не можешь, как мне уже надоело слушать одни и те же треки на моем диске. Твои мне всегда больше нравились.

— Должен сказать, что на этот раз я превзошел сам себя. — Он улыбается и краснеет, из-за этого веснушки на его лице совсем пропадают. Я знаю его очень хорошо, как ни одного другого парня, и даже на секунду жалею, что воспринимаю его только как друга.

— Уверена, что так и есть. — И опять это чувство. Наверное, сейчас в его голове возникает, словно кадр из фильма, такая картина – я перегибаюсь через прилавок и начинаю срывать с него рубашку. Но вместо этого я смотрю на часы. 15:59.

— Мне нужно бежать. — Я жестом указываю на книжный магазин через дорогу.

— Нужно сменить папу. Может, хочешь что-нибудь почитать? — Я хватаю новый диск. — Ты – мне, я – тебе.

Он кивает.

— Вообще-то я хотел спросить у тебя…

Но тут Джастин замолкает, мы оба смотрим на дверь, в которую входит девушка с нагрудным знаком одного из женских обществ Университета, она проходит прямо к прилавку и занимает очередь за мной. Джастин бросает на меня недовольный взгляд.

— Не важно. Постараюсь зайти в книжный попозже.

Поворачиваюсь к нему спиной и издаю вздох облегчения, как же я благодарна обществу Три-Дельта за подаренное мне время.

◄►◄►◄►

Время ползет очень медленно. Студенты Северо-Западного университета заходят, осматривают прилавки и уходят. Заходят мамочки, ведя за собой детей, просматривают отдел с

книгами, рекомендованными книжным клубом, в то время пока их дети роются в секции с иллюстрированным книжками, как всегда, оставляя беспорядок. Я провожу оплату по картам, расставляю книги по своим местам, переплет к переплету, новые книги ставлю на самое видное место и все это время читаю гид Мишлена по Лазурному берегу. 20:50. Подсчитываю дневную выручку, складываю деньги в зеленый виниловый конверт и запираю его в сейфе, в подсобном помещении. Переворачиваю табличку «Закрыто» на входной двери и закрываю дверь на замок.

В кофейне просто не протолкнуться. Последние сессии в Северо-Западном сданы, и сегодня уже никто не занимается. Многие выглядят очень изможденными и изнуренными, словно начали праздновать еще вечером в пятницу.

В итоге прохожу мимо, как бы между делом заглядывая в окно – нет ли внутри Джастина с его друзьями с радиостанции. Он с таким воодушевлением разговаривал со мной сегодня, но в книжный так и не зашел..

Иду дальше, заворачиваю за угол, направляюсь в свой темный и тихий квартал. Вдруг в парке через улицу вижу какое-то движение, замедляю шаг и украдкой вглядываюсь в темноту. Разобрать трудно, но там точно кто-то есть, снова прищуриваю глаза и присматриваюсь, пока не различаю очертания человека, скрючившегося на скамейке и раскачивающегося взад-вперед. Захожу на газон, хочу взглянуть поближе. И от изумления открываю рот – я узнаю этого человека даже с такого расстояния.

Кажется, ноги сами направляются к нему, и вот я достигаю предела слышимости и шепчу:

— Беннетт? Это ты?

Ответа нет, но теперь я достаточно близко к нему и могу разобрать тихий стон.

— Беннетт?

Понемногу подхожу ближе.

— С тобой все в порядке?

— Уходи, — стонет он. Пытается поднять голову, но снова роняет ее на колени, трет виски и издает непонятные гортанные звуки. До меня начинает доходить, что он пытается мне что-то сказать, и я наклоняюсь ближе к нему.

— Я не могу уйти, — всхлипывает он. — Я должен найти ее.

Он обхватывает себя руками, стонет и постоянно повторяет эти слова. Смотрю на него и понимаю, что начинаю все больше приходить в ужас.

Неожиданно он останавливается, его глаза находят меня. Кажется, он удивлен, обнаружив, что я стою рядом с ним.

— Анна?

— Да, это я. Давай я приведу кого-нибудь на помощь. Оставайся здесь, я скоро вернусь.

— Нет! — Это единственное слово он произносит твердо, но немного вымучено, и я понимаю, что в одиночку ему со всем этим не справиться.

— Беннетт, тебе нужна помощь, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Нет. — Он тянется и хватает меня за запястье. — Пожалуйста. Не. Уходи.

Похолодев, я останавливаюсь и оборачиваюсь. Кажется, он прикладывает все усилия, чтобы поднять голову.

— Это… — Он глубоко вдыхает. — …все сейчас пройдет.

Но я ему не верю. Не смотря на то, что на улице холодно, и скамейка, на которой он сидит, покрыта инеем, на его лбу выступили капли пота и теперь стекают по лицу. Он выглядит так, словно только что пробежал короткую дистанцию, сосредоточен на каждом вдохе и выдохе.

— Пожалуйста. Просто. Сядь.

Осматриваю непроглядную темень парка, бросаю рюкзак на землю возле его ног и опускаюсь на колени рядом с ним. Не могу заставить сесть себя на холодную скамейку.

— Сейчас пройдет. — Беннетт снова трет виски и медленно поднимает голову. Теперь его голос звучит увереннее.

— Это просто мигрень, — произносит он между вдохами. — У меня это началось, когда.. — Тут его голос умолкает.

— Просто посиди со мной, Анна. Пожалуйста.

Я поглядываю в сторону кофейни.

Не отдавая себе отчета, начинаю поглаживать его по спине, словно я друг, с которым он давно знаком – так обычно делает моя мама, когда хочет меня поддержать, но тут же одергиваю себя и заставляю убрать руки. Следующие пять минут сидим в тишине, не слышно ничего, кроме его тяжелого дыхания.

— Ты просто дыши, — говорю я. Понимаю, что это не поможет, но это все, что смогло прийти мне в голову.

Наконец он выпрямляется.

— Могу я попросить тебя об одном одолжении? — Он еще не успел объяснить, в чем оно состоит, а я уже киваю.

— Не рассказывай об этом никому.

— Не буду. — Снова киваю и вижу, как капельки пота стекают по его щекам.

— Но может мне все-таки принести немного воды? Я мигом.

Он не говорит «да», но ведь не в его положении сейчас спорить. И пока он не успел передумать и не остановил меня, я встаю, оставляя рюкзак у него в ногах, и быстро бегу к кофейне. Девушка за стойкой дает мне стакан ледяной воды, и вот я уже со всех ног бегу обратно к скамейке.

— Вот… — начинаю я, но мои слова повисают в воздухе. Мой рюкзак лежит на замерзшей земле там, где я его оставила, а вот Беннетта уже и след простыл.

7

Беннетта не было на уроке испанского в понедельник. И во вторник. Я потихоньку начинаю сходить с ума от беспокойства, а вот мисс Доусон из администрации, кажется, совсем этим не обеспокоена.

— Может быть, просто дадите мне его номер телефона? — умоляю я. — Я только хочу убедиться, что с ним все в порядке.

Напускаю на себя самый серьезный вид, чтобы казаться очень ответственной, но это не производит нужного эффекта.

Рассказывая мисс Доусон о Беннетте, я, конечно же, упустила большую часть истории – ничего не сказала о парке, о поте, стекающем по его лицу, и о том, что он постоянно твердил, что ему нужно кого-то найти. Уж не знаю, какую часть всего происходящего имел в виду Беннетт, говоря «только не рассказывай об этом никому», но я решила, что речь точно была не о мигрени, потому что никакой другой причины, чтобы попытаться выяснить в администрации его личные данные, придумать я не смогла.

— Мисс Грин, я понимаю, что у вас благие намерения, но вы же знаете, что сообщать конфиденциальную информацию об учениках – это против правил. Мне очень жаль.

Она говорит все это весьма поучительным тоном, и ничуть не похоже, что она сожалеет.

— Уверенна, завтра он появится.

Да откуда ты, черт возьми, можешь это знать? Вот, что мне хотелось выкрикнуть ей в ответ, но вместо этого я лишь бормочу: — Спасибо, — и выскальзываю за дверь. Ну зачем я оставила его там одного! Он всего лишь хотел, чтобы я посидела рядом, а я ушла, оставила его на холодной скамейке в темном пустынном парке, задыхающегося и всего в поту.

Я направляюсь в раздевалку, переодеваюсь, но услышав веселую болтовню друзей по команде, вдруг прихожу в ужас от того, что сейчас придется бегать по треку полному людей. Поэтому, не долго думая, решаю улизнуть из раздевалки, пока никто не заметил меня и не заставил передумать, отправляюсь на холод бегать по пересеченной местности. Бегу и стараюсь слушать звуки ветра и деревьев, слушать, как мои ноги шлепают по грязной дороге, но вместо этого слышу лишь его голос у себя в голове: «Просто посиди со мной, Анна. Пожалуйста». Чувствую себя ужасно.

◄►◄►◄►

Как потом выяснилось, мисс Доусон ошиблась. Беннетт не появился в школе в среду. И в четверг его тоже не было. Пятница. Вторая половина дня, где-то между пятью и шестью часами. Иду по Пончику – уже почти прихожу в отчаяние от того, что впереди выходные, а я так и не выяснила, что случилось с Беннеттом – и тут решение само возникает у меня в голове, словно ниоткуда. Да! Это мой единственный шанс!

Бегу к шкафчику Эммы, жду ее – ну куда же она запропастилась! Звенит звонок, вырываю лист из тетради и второпях царапаю: «Мне нужно с тобой поговорить». Сворачиваю бумажку и кидаю в одно из отверстий шкафчика, бегу в класс.

Заканчивается урок, и я со всех ног снова бегу к шкафчику Эммы. Вот она! Читает мою записку.

— Эм, мне нужна твоя помощь, — выпаливаю я. — Сможешь достать для меня кое-что из офиса администрации?

— Возможно.

— Мне нужен номер телефона Беннетта Купера. Я пыталась выпросить его у Доусон, но она мне отказала. Она же так любит, когда ты приходишь к ним в офис и расспрашиваешь о планируемом аукционе, может быть, тебе она скажет?

Она начинает что-то говорить, но я останавливаю ее. — Пожалуйста, не спрашивай зачем. Но мне очень нужен этот номер.

Эмма сжимает губы и поднимает брови. И теперь смотрит на меня этим своим «давай же расскажи мне все» взглядом.

— Послушай. Я наткнулась на него в прошлое воскресенье, и он выглядел…очень больным. А теперь вот уже неделю не появляется в школе. Я просто хочу убедиться, что с ним все в порядке.

Ну вот я сказала. Теперь стою, облокотившись на ее шкафчик, и жду, что меня будут пытать, но на лице Эммы мелькает лишь ухмылка.

— Да ты хочешь закадрить его! — Смеется она так громко, что тут же начинает озираться – не слышал ли ее кто-нибудь. — Ну, давай, расскажи же. Он тебе понравился, так ведь?

Мы стоим и смотрим друг на друга в упор. Я молчу. Она повторяет:

—Так ведь?

Шумно выдыхаю, выпуская воздух, который сжимает мои легкие.

— Я просто о нем беспокоюсь.

Она смотрит на меня своими большими глазами. И я не выдерживаю.

— Ну ладно, пусть так.

Она ухмыляется.

— Первый шаг – это признать, что ты бессильна, — говорит она, перевирая первый из двенадцати шагов для анонимных алкоголиков.

— Посмотрим, что я смогу для тебя сделать. Встретимся возле машины после занятий.

— Как ты собираешься его достать?

— Еще не знаю, но что-нибудь придумаю.

Час спустя, в уютном тепле Сааба, Эмма с воодушевлением рассказывает о проведенных ею хитрых манипуляциях.

— Не могу сказать, что в том, как все пошло с самого начала, была именно моя заслуга. Мне просто повезло, — рассказывает она, выезжая с парковки. — В общем, я вошла. Доусон как раз в этот момент разговаривала по телефону – с Арготтой, как я поняла – она говорила о том, что на этой неделе будет работа по испанскому, и поэтому ей нужно завезти ее домой Беннетту Куперу сегодня вечером. — При звуке его имени бабочки запорхали у меня в животе. Боже, кто-нибудь пристрелите меня.

— Ну, естественно, я вызвалась отвезти это задание.

— Так она дала тебе его домашнее задание?

— Нет. Она сказала, что я тут ничем помочь не могу – ей не позволено отдавать домашние задания других учеников. *Даже вам, мисс Аткинс*. — И она очень точно изображает голос мисс Доусон.

— Ну. Так ты достала его?

— Конечно, достала.

— Здорово. И где же?

— Я уже почти до этого дошла. — Она выруливает на улицу и тут же подрезает проезжавшую мимо машину, та громко ей сигналит.

— Итак, я начинаю задавать ей вопросы об аукционе – это же и было нашей легендой, так ведь? Доусон начинает рассказывать мне о чудесном домике Алленсов в Висконсине.

— Ой, ну брось. Не мучай меня. Давай уже ближе к делу.

— Ладно, ладно. Ну ,так вот, мы разговариваем об аукционе, и тут входит сеньор Арготта и оставляет на стойке пачку бумаг. Она благодарит его, он уходит, она подходит к монитору – а сама все рассказывает мне об антикварных фотографиях, которые кто-то там жертвует для аукциона — хватает бумаги, пишет адрес и приклеивает его на пачку.

— Ну и?

Тут она делает драматическую паузу.

— 282, Гринвуд.

— А номер телефона? Ты его достала?

Она поворачивает ко мне голову.

— Ты шутишь? Никаких тебе «Спасибо, Эмма»? Никаких - «Эмма – ты просто потрясающа»?

И она снова переводит взгляд на дорогу, качая головой.

— Я хотела лишь позвонить..

— Ну, номер телефона на бумажке она не написала, а экрана монитора, я не увидела. Но разве я не заполучила кое-что получше, чем просто номер телефона?

— Да. Но тогда мне придется туда ехать. — От этой мысли я вздрагиваю.

Эмма довольно улыбается, она всегда так улыбается, когда все происходит так, как она рассчитывает.

— Вот именно.

◄►◄►◄►

Не могу поверить, что все-таки пошла на это.

Тамара Аэрленд Стоун – Время между нами
Tamara Ireland Stone - Time Between Us (Time Between Us #1)

В который раз выглядываю из-за высокой изгороди и смотрю на дом. Впечатляюще. Два, или даже три этажа. В Тюдоровском стиле. И есть сарай на заднем дворе, если я правильно разглядела с этого расстояния за те три раза, что подходила, но каждый раз, испугавшись, снова пряталась за изгородью.

Боже! Что я вообще здесь делаю?

Тяжело вздыхаю, выхожу из-за изгороди и опять иду к дому – на этот раз уже боле уверенно – подхожу к недавно расчищенной дорожке. Еще только 17.30, но уже почти стемнело, а я дрожу, взбираюсь по ступенькам крыльца. Ну вот, я и наверху, берусь за дверное кольцо в виде головы льва, и делаю глубокий вдох перед тем, как постучать.

Жду.

Ответа нет.

Стучу снова, поплотнее закутываясь в пальто от ветра и радуясь тому, что догадалась сменить юбку и колготки на джинсы.

Так и не дождавшись, уже поворачиваюсь, чтобы уйти, как вдруг слышу шаги.

— Кто там? — спрашивает голос из-за двери, мне кажется, что он принадлежит пожилой женщине.

— Извините. Думаю, это не важно. — Отступаю назад и направляюсь к ступенькам. — Наверное, я ошиблась домом.

Но дверной засов издает глухой стук, и дверь медленно открывается. Я вижу женщину. Она не молода, но и пожилой ее назвать трудно, яркая, у нее длинные седые волосы и голубые, с поволокой, глаза. Она в темной, свободного покроя одежде, сверху наброшен красный шелковый шарф, она улыбается мне, на лице у нее явно читается любопытство.

— Привет, — она открывает дверь еще шире, приглашая меня пройти.

— Привет. Я ищу парня по имени Беннетт, но видимо я ошиблась адресом, — отвечаю я и снова поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Нет, ты не ошиблась. Беннетт живет здесь. Проходи, согрейся. — И она чуть отходит в сторону, чтобы я могла войти.

— Я Мэгги, — говорит она и протягивает мне руку.

— Анна. — Я пожимаю руку, попутно гадая, кем она может приходиться Беннетту.

— Ты должно быть его подруга из школы.

— Да. — Не уверена, что вправе называть себя его подругой. Но в данной ситуации это самый подходящий ответ.

— Извините за беспокойство, мэм. — Какая же я идиотка, что пришла сюда, и, к сожалению, только сейчас это поняла.

— Никакого беспокойства, дорогая моя. — И она жестом приглашает меня пройти в соседнюю комнату, расположенную по другую сторону широкой арки. — Присаживайся, я сейчас поднимусь наверх и приведу его.

Она поворачивается и начинает подниматься по лестнице, а я проскальзываю внутрь. Гостиная с массивными окнами, очень красивая, она со вкусом обставлена темной антикварной мебелью, которая делает ее довольно уютной – никогда бы не подумала, что такое может быть. Огонь в камине теплый и создает мягкий свет.

Вместо того, чтобы сесть на диван, я хожу по комнате и стараюсь повнимательнее ее рассмотреть. Стена, в которой расположен камин, снизу доверху уставлена окрашенными в темный цвет книжными шкафами, полными коллекций классики, которым позавидовал бы любой книжный магазин. Помимо одной черно-белой свадебной фотографии Мэгги и ее мужа, все остальное место занимают фотографии маленькой девочки с темными волосами и ровно

подстриженной челкой, зачесанной набок. На некоторых она изображена с матерью. И уж совсем трудно пропустить снимок, занимающий центральное место на каминной полке – все та же маленькая девочка сидит в кресле, улыбается в объектив и сжимает в руках крошечного малыша с пучком темных волос.

— Это мои внуки, — произносит тихий голос у меня за спиной, от неожиданности я подпрыгиваю. Не слышала, как она вернулась. — Это Брук. Ей два года. А это мой младший внук. — Она берет фотографию и проводит пальцем по стеклу.

— Они милые, — говорю я.

Она возвращает фотографию на полку и берет в руки другую.

— А это моя дочь. — Она указывает на фото женщины, держащей маленькую девочку на коленях.

— Они живут не в Иллинойсе?

— Нет, в Сан-Франциско. — И она печально вздыхает. — Я пытаюсь убедить их вернуться домой, но из-за работы ее мужа они вынуждены оставаться в Калифорнии. Я еще даже не видела их новорожденного малыша.

Внезапно у меня возникает ощущение, что мы больше в этой комнате не одни. Осматриваюсь и, взглянув поверх плеча Мэгги, замечаю Беннетта, он стоит в дверях и наблюдает за нами. Его волосы свисают прядями, лицо неравномерно покрыто щетиной, а огромные круги под глазами такие, будто он уже не спал несколько дней. Отсутствующее выражение на его лице сменяется суровостью.

— Что ты здесь делаешь? — Его голос звучит натянуто, он непроизвольно моргает, как будто его глаза привыкают к слабому освещению комнаты.

Я не успеваю произнести ни слова, как за меня уже отвечает Мэгги.

— Я показывала твоей подруге фотографии моего новорожденного внука, Беннетт.

Она снова поворачивается ко мне.

— Ты не поверишь, раньше никогда не встречала ни одного человека по имени Беннетт, а сейчас вот знаю сразу двоих!

И как будто все еще не веря в невероятность такого совпадения, она качает головой.

В смущении перевожу взгляд с нее на Беннетта и обратно. Он вздрагивает.

— Хотите чаю? — спрашивает Мэгги, которая, кажется, не замечает возникшего внезапно напряжения. — Я как раз собиралась заварить.

— Нет, — отвечает Беннетт, опередив меня.

Но Мэгги не обращает на него внимания и смотрит на меня, в ее глаза застыл вопрос.

— Анна?

— Нет, спасибо, миссис…

Она кладет мне руку на плечо.

— Зови меня Мэгги, дорогая. Просто Мэгги.

Я улыбаюсь ей в ответ.

— Спасибо, Мэгги.

Беннетт жестом показывает мне, чтобы я шла за ним, и мы уходим, оставив Мэгги в одиночестве, заваривать чай. Мы в тишине поднимаемся по лестнице и идем по темному коридору. Как и в гостиной, здесь стены тоже увешаны фотографиями, но они сделаны намного раньше.

В его комнате почти темно, света маленькой лампы, которая слабо освещает деревянный стол, явно недостаточно. Повсюду разбросаны стаканы из-под кофе и пустые пластиковые бутылки, когда-то наполненные водой. Пол и кровать усыпаны беспорядочно разбросанными

книгами и бумагами. Антикварная мебель и здесь просто великолепна, но вряд ли соответствует вкусам старшеклассника. На фоне этого моря красного дерева он выглядит как-то неуместно.

Чтобы закрыть дверь спальни, ему приходится протянуть руку прямо у меня над плечом, и от такой близости мое сердце начинает бешено биться. Это длится до тех пор, пока я не замечаю, что от него пахнет потом и грязными носками. Должно быть, на моем лице отразилось что-то вроде отвращения, потому что он тут же опускает взгляд и отступает.

— Я не ждал сегодня гостей.

— Все в порядке.. Просто я… извини. Я тебе помешала, да? — Никаких признаков, что он принимает мои извинения. Никаких попыток расчистить пространство, чтобы я могла присесть. Так что так и стою, облокотившись на дверной проем, чувствуя себя жутко неловко, и нервничаю.

— Извини за бабушку, — произносит он так тихо, что мне приходится напрягать слух, чтобы услышать его.

Я сбита с толку.

— За бабушку? Мэгги – твоя бабушка?

— У нее болезнь Альцгеймера. — Он смотрит мимо меня и старательно изучает дверь, обдумывает, что еще сказать. — У нее в голове я… я еще ребенок.

— Правда? — Мысленно снова прокручиваю разговор в гостиной. — Но…так эти фотографии были сделаны семнадцать лет назад?

Он кивает. Возникает длинная и неудобная пауза, и я уже жалею, что завела разговор о фотографиях.

— Они расстраивают ее. Нужно их убрать.

— Тогда кем она считает тебя?

— После смерти дедушки денег стало не хватать, она жила одна, вот и стала сдавать эту комнату студентам Северо-Западного. — Он обводит рукой комнату и опускает глаза в пол.

— Полагаю, она думает…

Тут он умолкает, и в комнате воцаряется тишина.

Он выглядит ужасно. Кожа желтоватого оттенка, глаза покраснели.

— С тобой все в порядке? Ты выглядишь уставшим.

Он смотрит на меня, потом, наконец, начинает говорить, но не отвечает на мой вопрос. Вместо этого он хмурит брови, и задает свой: — Что ты здесь делаешь?

То, как он задал свой вопрос, заставляет меня нервничать еще больше.

— Я не видела тебя с прошлого воскресенья, ну с той ночи в парке… когда ты.. знаешь..

Какое-то время жду от него реакции, но ее нет, и я выпаливаю все остальное.

— Тебя не было в школе всю неделю. И я начала беспокоиться, я.. я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке. — Я потихоньку нашариваю дверную ручку у себя за спиной. — Но теперь я знаю, что ты жив. Что… знаешь… очень здорово. Поэтому я пойду.

В голове молнией проскакивает мысль, что лучше было позвонить по телефону, захотелось убить Эмму. И о чем я только думала, когда появилась на пороге этого дома, будто я и вправду хорошая знакомая.

— Воскресенье. — Он украдкой смотрит на меня. — Точно. Совсем забыл об этом.

От неожиданности отпускаю ручку и с удивлением смотрю на него. Забыл? Как можно о таком забыть?

— Ты уверен, что с тобой все в порядке, Беннетт?

— Да, все нормально. Я просто… — Он выглядит обеспокоенным. Да нет. Он паникует!

— А как ты меня нашла, вообще-то?

Чувствую, что руки начинают дрожать.

— Взяла адрес в офисе администрации. — Это правда, и не придется впутывать Эмму, если не будет особой необходимости.

— Кто-то в офисе дал тебе мой адрес?

— Нет, он был написан на стикере. — Тоже правда.

Он озадаченно смотрит на меня, открывает рот – собирается что-то сказать. Но внезапно бледнеет. Слегка покачнулся и придерживается рукой за стену, чтобы не упасть.

Подхожу и беру его за руку.

— С тобой все в порядке?

Он пытается что-то сказать, но у него не получается. С трудом делает несколько вдохов.

— Я пойду позову твою бабушку. — Начинаю отпускать его руку, но тут он вырывается сам и хватает меня за запястье, точно так же, как сделал тогда в парке.

— Нет, не нужно. — Звучит так, словно он пытался крикнуть, но все, что может, так это только шептать. Он отпускает мою руку и начинает тяжело дышать.

— Просто.. все уже в порядке.

Он медленно и глубоко вдыхает.

— Просто мне нужно прилечь.

— Ты уверен?

Он открывает дверь. — Тебе нужно идти. — Снова глубоко вдыхает. — Сейчас.

— Но, я не могу…

— Нет. Сейчас. Пожалуйста.

Я скрещиваю руки на груди.

— Ты не можешь заставить меня уйти и оставить тебя здесь в таком состоянии. Я не сделаю этого снова.

Его глаза становятся холодными и пугающими, он сверлит меня взглядом.

— Это мой дом. И я говорю тебе, чтобы ты ушла. Прямо сейчас.

Стоило мне оказаться в коридоре, как дверь захлопывается за мной с такой силой, что можно подумать, он просто рухнул на нее. Я отступаю на несколько шагов и останавливаюсь в нерешительности – что же делать? Снова подхожу к двери и уже поднимаю руку, чтобы постучать, но останавливаюсь, отхожу, разворачиваюсь и медленно бреду по коридору к лестнице.

Останавливаюсь в фойе, снимаю пальто с крючка. Застегиваю пуговицы, попутно обдумывая, что же сказать его бабушке. «Думаю, он снова заболел» или «думаю, вам следует проведать его». Но вспоминаю его решительное «нет», и вопреки лучшим душевным порывам, принимаю решение хранить его секрет. Поэтому просто захожу на кухню, говорю Мэгги, что рада была с ней познакомиться, и, убедив ее, что меня не нужно провожать, выхожу на улицу.

Апрель

8

— О! Как хорошо, что ты здесь. — Как только дверной звонок возвещает о моем прибытии, выходит папа, он в хорошем настроении, слишком хорошем для моего нынешнего состояния.

— Не возражаешь, если я пойду.

Возражаю? Господи, конечно же, нет. Пожалуйста, уходи, чтобы я смогла побродить по пустому магазину, размышляя, не оставила ли я Беннетта умирать одного в его неубранной комнате, полной антикварной мебели.

— Для этого я и пришла, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал легко.

— Спасибо. А то твоя мама уже два раза звонила, спрашивала, когда я буду дома. Мне кажется, она слегка перевозбуждена из-за этой вечеринки.

Он выглядит очень красивым. Подхожу к нему и поправляю галстук.

— Мы будем в Историческом музее Чикаго. Должны быть дома около полуночи, но ты нас не жди. Ты же знаешь, твоя мама и ее друзья могут долго болтать.

— Иди. Повеселитесь там. — Кладу руку ему на плечо и подталкиваю к двери.

Он делает несколько шагов вперед, но внезапно останавливается и оборачивается.

— Еще раз спасибо за то, что согласилась поработать в пятницу вечером. Мы же не помешали твоей личной жизни?

— К сожалению, нет.

Как только папа уходит, начинаю ходить по магазину, машинально поправляю книги на полках, а сама думаю о том, *как* на меня посмотрел Беннетт. Прохожу мимо входной двери и останавливаюсь, очень хочется повесить табличку «Вернусь через десять минут» и сбегать до его дома. Прохожу мимо подсобного помещения, приходится бороться с желанием позвонить Эмме, рассказать ей обо всем, что только что произошло. Прохожу мимо окна и вижу полицейскую машину, припаркованную у кофейни, тут же хочется подбежать к ним и сказать, чтобы они ехали по адресу Гринвуд, 282. Но, конечно же, ничего из этого я не делаю. Чтобы избавиться от навязчивых мыслей, захожу в детский уголок, беру синее кресло-мешок, переношу его в секцию «Путешествия» и устраиваюсь там с «Путеводителем по Москве» в руках.

◄► ◄► ◄►

Я в подсобном помещении, набираю код на сейфе, когда раздается дверной звонок. Чуть выглядываю из-за двери, чтобы посмотреть, кто там. Какой-то человек в шерстяной кепке и черном пальто в руках стоит возле прилавка.

— Простите, но мы уже закрыты! — кричу я. Набираю последние три цифры, дергаю тяжелую стальную ручку и забрасываю внутрь виниловую сумку с наличными.

Поглядываю на часы и возвращаюсь к прилавку.

— Простите, но мы закрываемся в …

Посетитель поворачивается ко мне лицом. Это Беннетт. Робкая улыбка появляется на его лице.

Я просто застываю.

— Привет.

Не уверена, что мне удалось скрыть свое изумление. Он выглядит намного лучше, чем три часа назад: темные круги под глазами исчезли, глаза уже не красные. Сейчас он расслаблен, одет в темно-коричневые слаксы и светло-голубой свитер, благодаря которому его глаза сияют как-то особенно. Ну и, конечно же, я не могу не отметить про себя, что теперь пахнет от него так, словно он только что вышел из душа. В общем, выглядит он намного лучше, но все еще таким же уставшим.

— Привет, Анна.

— С тобой все в порядке? — Чувствую такое облегчение, что хочется подбежать и обнять его.

— Да, все хорошо. — Он улыбается. — Итак..

Осматривает магазин.

— Так вот где ты работаешь?

Я лишь киваю.

— Довольно мило. — Он делает несколько шагов навстречу мне и облокачивается о прилавок. — Я рад, что ты оказалась здесь – я не был уверен, работаешь ли ты по вечерам в пятницу.

— Обычно не работаю. Но мои родители пошли на вечеринку в городе. — Больше я не знаю, что сказать, поэтому тоже подхожу к прилавку и повторяю его позу.

— Знаешь, я хотел извиниться. Мне не следовало быть таким грубым.

— Все нормально.

— Нет, не нормально. Мне было очень приятно, что ты пришла. — Выражение его лица мягкое, голос добрый, а следы раздражения бесследно исчезли из глаз.

— Лучше было бы, если бы я просто позвонила, вместо того, чтобы приходить.

— Нет, это мне не следовало уходить из парка тем вечером. Но я не помнил о том, что ты была там, пока ты не рассказала. — Он внимательно смотрит на меня, словно пытаясь оценить, что я по поводу всего этого думаю, и понять в каком ключе дальше продолжать беседу.

— Что бы ни случилось, спасибо, что помогла мне. И жаль, что не сказал тебе этого раньше.

— Всегда, пожалуйста.

Он смотрит мне прямо в глаза и еще шире улыбается.

— Могу я как-то загладить свою вину?

— Загладить вину?

— Как насчет чашечки кофе?

— Кофе?

— Ну да. Если только, — обводит глазами пустой магазин, — ты не занята.

Чувствую, что морщу лоб.

— Ты уверен, что достаточно хорошо себя чувствуешь для того, чтобы пить кофе?

Он пожимает плечами. Кивает.

— На самом деле оно даже помогает избавиться от мигрени. Ну же! Соглашайся! Это самое меньшее, что я могу сделать для тебя после того, как выставил из своего дома.

Он стоит и ждет от меня ответа, я вспоминаю слова, которые Эмма сказала мне сегодня в Пончике. «Просто скажи это», настаивала она. «Тебе ведь нравится этот парень, так ведь?” Хоть и нельзя сказать, что я хорошо его узнала, но, пожалуй, это так.

— Хорошо. Пошли. — Может быть, пока мы пьем кофе, мне удастся узнать его лучше. Может быть, я даже смогу получить ответы на вопросы, которых становится все больше.

Прохожусь по магазину, выключаю повсюду свет, меняю вывеску на «Закрыто». Пока закрываю дверь, Беннетт снимает с моего плеча рюкзак и перекидывает через свое.

◄►◄►◄►

Мы медленно в полном молчании идем до конца квартала. Слышу шум, доносящий из кофейни, и чем ближе мы подходим, он становится все громче, в морозном воздухе проплывает аромат, превращается в облачко и исчезает где-то вверху. Мы входим, когда как раз уходит небольшая компания людей, и, лавируя между переполненными столиками, занимаем диван из мягкого бархата в углу.

— Чего бы ты хотела?

— Кучу объяснений, — я тянусь, чтобы достать бумажник из рюкзака, — и латте, пожалуйста.

— Понял. — Беннетт слегка дотрагивается до моей руки, тихо ругаю себя – опять это прикосновение вызвало дрожь во всем теле. Он поднимается и спустя несколько минут возвращается с двумя стеклянными бокалами, наполненными латте с горячей молочной пеной.

Он ставит их на столик и занимает свое место на диване. Выжидающе смотрю на него.

— Для серьезного разговора не помешали бы бисквиты, — говорит он. Позволяю себе ему улыбнуться.

Он несколько раз обмакивает печенье в свою кружку с кофе и начинает его жевать. Ловлю себя на мысли, что просто сижу, уставившись на него, приходится перенести свое внимание на кружку. Кофе теплый и нежный.

— Ну и? С чего мне начать? — Он продолжает макать печенье в кофе, но теперь уже смотрит на меня.

— Наверное, начать нужно с воскресного вечера. С парка? Должен признаться, мои воспоминания в некоторых местах весьма туманны, но я, кажется, уже говорил тебе про мигрень?

Чувствую, как мое лицо смягчается, мне очень любопытно, я киваю в ответ.

— Если честно, то даже не понимаю, что произошло. Я бродил по городу и вдруг почувствовал надвигающуюся головную боль. Но прежде, чем я успел сообразить, что происходит, она уже накрыла меня… — он снова откусывает печенье и делает глоток кофе прежде, чем продолжить. — В любом случае, совершенно не представляю, сколько времени я просидел в том парке, когда ты нашла меня. Все, что я отчетливо помню, это как пытался попасть домой.

— Я могла тебе помочь. Почему ты просто не дождался меня? Я бы проводила тебя. — Уставившись в свою кружку, делаю очередной глоток. А когда поднимаю глаза, вижу, что он все еще смотрит на меня.

— Я ушел, как только смог идти. — Он делает паузу и осматривается вокруг, как будто ищет что-то, что мне не дано увидеть, потом снова поворачивается ко мне и смотрит в глаза. — Мне жаль, но я совершенно не помню, почему ты ушла.

— Я побежала в кофейню, чтобы принести тебе воды.

Он кивает, возникает чувство, будто он начинает что-то вспоминать.

— Извини, я не собирался сбегать от тебя. Просто мои мысли перепутались.

Он качает головой, словно пытаясь отогнать воспоминания о том вечере.

Никогда еще не чувствовала себя настолько неловко, видно насколько он сбит с толку из-за всего произошедшего.

— Так ты болел всю неделю?

— Время от времени. Я уже собирался пойти в школу в четверг, но вновь почувствовал, как начинается приступ головной боли, и забеспокоился, что подобное может произойти снова. Было бы очень неприятно потерять сознание в новой школе, едва отучившись две недели.

Удивительно, что его волнует, что мы можем о нем подумать.

— И теперь за эти выходные мне нужно будет выполнить тонну домашних заданий. После того, как ты ушла, пришла женщина из школы и принесла их.

— Мисс Доусон.

— Когда ты пришла, я подумал, что это она. Вот почему я был так удивлен, увидев тебя.

— Удивлен? — Я приподнимаю брови. — Вот как ты это называешь.

Беннетт теребит рукой спинку дивана.

— Я и правда, сожалею, что заставил тебя уйти сегодня вечером. Он улыбается и отклоняется на спинку дивана, замечаю, что только что сделала то же самое. — Но сейчас все в порядке.

— Да ты практически… вышвырнул меня.

—Вышвырнул тебя?

Он опускает взгляд, затем снова поднимает на меня глаза, и я вижу на его лице смущенную улыбку.

— Но ведь я выглядел просто ужасно. У меня на пороге появляется красивая девушка, а я весь потный, воняю и выгляжу так, словно месяц не спал. — Он не сводит с меня глаз. — Но мне все равно не стоило быть таким грубым.

— Ладно, не беспокойся об этом. — И я улыбаюсь.

— Спасибо, что ничего не сказала Мэгги. Не хочу, чтобы она беспокоилась.

— Конечно. — Он продолжает пристально смотреть на меня, и из-за повисшего в воздухе напряжения решаю сменить тему.

— Твоя бабушка довольно милая, — говорю я, и замечаю, как просветлело его лицо.

— Да, она замечательная.

— Так ты переехал из Сан-Франциско, чтобы жить с ней?

— Я пробуду здесь только месяц, пока мои родители не вернутся из Европы.

— О, — вот и все, что мне удается сказать в ответ. Наклоняюсь вперед, а у самой сердце уходит в пятки. — Я этого не знала.

Ну, это объясняет, почему он так старается ни с кем не сближаться.

— Да, но это еще не все.. у меня такое ощущение, что тебе я могу сказать правду. Ты же сможешь хранить секрет? — Он замер в ожидании, пока я кивну. — Дело не только в том, что мои родители путешествуют.

— О? — Откусываю кусочек бисквита и жую. Надеюсь, он понял, что это значит, что ему нужно продолжить рассказ.

— Я должен был ехать с ними, но совершил ошибку, — говорит он. — И более того, в итоге она превратилась просто в огромную ошибку. Родители меня поняли, но сказали, как бы это поточнее выразиться, что сейчас лучшее место для меня – это Эванстон. Лучше заботиться о Мэгги, чем провести этот месяц с ними… или в исправительной школе.

Огромная во весь рот улыбка, застывшая на его лице, заставляет меня задуматься – а не разыгрывает ли он меня?

— Ну и? — спрашиваю я.

— Что «и»?

— Ты не собираешь рассказать мне, чем заслужил такое наказание?

В ответ он качает головой и снисходительно улыбается.

— Поверь мне, тебе не захочется об этом знать.

— Да ладно! Не может быть, чтобы все было настолько плохо. Ты же никого не убил. — Собираюсь откусить еще печенья, но рука застывает в воздухе, и я смотрю на него. — Или убил?

Он старательно помешивает кофе в кружке, словно пытается найти в ней ответы.

— Нет, я никого не убил. Но кое-кто… исчез. И это полностью моя вина.

Тут я вспоминаю, как он сидел на скамейке в морозном парке, раскачиваясь то назад, то вперед и постоянно бормоча, что ему нужно кого-то найти. Рассказываю ему, что слышала, и пытаюсь выспросить у него, что это значит, но одного взгляда на его лицо достаточно, чтобы прекратить расспросы. Повисает мучительное молчание, пытаюсь все-таки что-то выяснить.

— Ну не такой уж это и большой секрет. Это все, что ты хотел мне рассказать?

— Пока да. — Его лицо оживляется, и он спрашивает:

— Сколько лет ты уже живешь в Эванстоне?

Удивленно смотрю на него.

— Теперь мы будем говорить об этом? — спрашиваю я.

— Об этом, — отвечает он.

Позволяю ему сорваться с крючка, но одариваю таким взглядом, чтобы сразу было понятно – ему еще многое придется мне объяснить. Прежде, чем ответить, вздыхаю.

— Всю свою жизнь. Я выросла в том же доме, что и мой отец. В том же доме, где вырос мой дедушка.

— Ух ты! — Сначала мне показалось, что я вижу взгляд понимающих глаз, но уже потом осознаю, что за этим выражением кроется сочувствие. Словно я хоббит, который никогда не покидал Шир.

— Да уж. — Мне становится стыдно. — Ух ты.

Беннетт наклоняется ко мне как можно ближе, заполняя все оставшееся между нами пространство, словно ему действительно интересно, что происходит в моей жалкой и такой обыденной жизни.

— А ты никогда не чувствовала себя так… словно оказалась в ловушке?

Очень хочется рассказать ему о своей карте и планах путешествовать по миру, но, когда пытаюсь сформировать слова в голове, понимаю, как жалко они звучат. Да, сейчас я словно в ловушке, но так не будет вечно. Пока я способна не позволить реальности, в которой живу, полностью поглотить меня – пока я могу мечтать обо всем, о чем захочу. Может быть, когда я стану уже старой и седой, буду сидеть на крыльце с вязанием, а в магазине, который будет принадлежать мне, будут работать мои внуки, они будут считать меня сошедшей с ума старой летучей мышью, потому что я даже боюсь приближаться к разделу с Путешествиями. Но пока еще так далеко все не зашло.

— Каждый день, — отвечаю я.

— Даже представить себе не могу, как можно так долго оставаться на одном и том же месте. — Я отклоняюсь от него, но он наклоняется вперед и подпирает голову руками, заполняя возникшее по моей вине пространство. — Я вот побывал практически везде. Видел больше, чем многие успевают увидеть за всю свою жизнь.

Как это замечание может мне помочь, неужели не понимает? Видимо все-таки понял, потому что меняет тему.

— Но зато у тебя есть то, чего никогда не было у меня.

Выражение на его лице немного смягчается, оно становится даже немного печальным.

— Глубокие корни. История этого места. Ты видишь, как твои друзья, которых знала еще с детского сада, вырастают у тебя на глазах. В отличие от моих родителей и сестры, я живу с постоянным ощущением, что все, кого я знаю, — тут он делает паузу, чтобы подобрать правильное слово, — временные, что ли.

Теперь уже настает моя очередь сочувствовать ему. Я знаю Джастина дольше всех моих друзей, но даже и представить себе не могу, чтобы могла подумать о ком-то из них, как о чем-то временном.

— Только не говори мне, что собираешь поступать в Северо-Западный Университет. — Он продолжает открыто улыбаться мне, а я продолжаю все ему рассказывать, словно кто-то ввел мне сыворотку правды.

— Господи, нет, конечно. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Скорее всего, как и все, я буду подавать туда документы, но не думаю, что это будет мой единственный выбор. —

И я рассказываю ему о беге и о моих планах на стипендию, а Беннетт смотрит на меня и жадно ловит каждое мое слово, хоть мне и не понятно, почему. Его глаза широко раскрыты и наполнены интересом, поэтому, когда я в очередной раз вспоминаю о своей карте, то решаюсь рассказать ему больше.

— А еще есть один план, — говорю я, — о котором мои родители пока не знают.

Он восхищенно улыбается.

— Так я тоже узнаю секрет?

— Да, только с небольшим отличием – я собираюсь рассказать тебе все, — отвечаю я, это заставляет его улыбнуться так широко, что его глаза почти превращаются в щелочки.

— Я подумываю о том, чтобы посвятить год после окончания школы путешествиям. Я знаю, что мне нужно поступать в колледж, но чувствую, что для меня это будет единственная возможность увидеть мир после окончания школы.

Опускаю взгляд и сижу, уставившись на диван.

— Но, конечно же, мои родители этого никогда не одобрят.

— А что тебе мешает путешествовать уже после колледжа?

Ну да, он не мог этого не спросить. Я видела, где он живет.

— После колледжа мне нужно будет сразу же искать работу, чтобы выплатить кредит за учебу, — объясняю я. — Даже если я получу стипендию, как член команды по бегу по пересеченной местности, и финансовую помощь, мне все равно этого не хватит.

Его улыбка подбадривает меня, и я продолжаю.

— Поэтому думаю, что если не поеду сразу после школы, то не поеду уже никогда, а мне это просто… просто необходимо.

Он долго смотрит на меня, думает о чем-то.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Ты невероятно интересная. — Его рот изгибается в полуулыбке. «И красивая», так и хочется мне добавить. «Раньше ты говорил, что я красивая». — Я так и думал, что ты окажешься интересной.

Он опять смотрит на меня, а я все надеюсь, что он скажет что-нибудь еще.

В ответ смотрю на него и вдруг понимаю, что за этот час напрочь забыла о всех тех вещах, которые беспокоили меня в последнее время. О том, как он просто растворился в воздухе на треке, а потом это отрицал. О том, как он странно отреагировал, когда впервые услышал мое имя. О том, как я нашла его в парке тем вечером. Даже об этом странном посещении дома его бабушки несколько часов назад. Не знаю, что уж там он нашел во мне интересного, но вот он меня точно заинтересовал – я до сих пор ничего не знаю о нем. А так хочется сложить эту головоломку, но самые важные куски почему-то постоянно падают на пол, как назло приземляясь картинкой вниз, и так и остаются лежать вне зоны досягаемости.

Но все эти вновь возникшие в моей голове вопросы опять исчезают, стоит ему наклониться ближе ко мне, он медленно проводит линию на моем лице большим пальцем, от челюсти к подбородку. Я закрываю глаза – его палец скользит по направлению к моему рту и гладит нижнюю губу, чувствую, что непроизвольно наклоняюсь все ближе и ближе к нему, словно у его тела есть собственная гравитация, которая притягивает меня. Кажется, он хочет меня поцеловать, я снова закрываю глаза и делаю небольшой вдох в ожидании прикосновения его губ.

Но поцелуя нет. Я чувствую, как он останавливается. Его дыхание остается у меня на щеке, и я слышу, как он тихо шепчет мне на ухо: «Прости».

— За что? — бормочу я в ответ.

— За это. — Он вздыхает. — Прости. Но я не могу…

— А как же дерзкие приключения? — Очень надеюсь, что он услышит улыбку в моем голосе.

Чувствую, как рядом с моей шеей раздается смешок, и Беннетт снова вздыхает.

— Боюсь, что в одном таком я уже нахожусь. Но, к сожалению, не в этом. — Чуть отклоняюсь, чтобы заглянуть в его глаза, и удивляюсь, насколько они печальны. Он снова проводит большим пальцем по моей щеке и отодвигается от меня. Смотрит на часы.

— Послушай, мне уже пора возвращаться к Мэгги. Могу я проводить тебя до дома?

В смущении сильнее вдавливаюсь в спинку дивана. Я удручена.

— Все нормально, здесь идти всего пару кварталов.

— Я буду чувствовать себя ужасно, если с тобой что-нибудь случится.

— Например, если я исчезну? — саркастически отвечаю я. — Ведь кажется, именно такой эффект ты оказываешь на людей?

Я сижу пока еще достаточно близко, чтобы заметить, как Беннетт изменился в лице, его черты стали более жесткими.

— Спасибо. — Он отодвигается от меня еще дальше, и та часть меня, что расстроилась из-за несостоявшегося поцелуя, чувствует себя удовлетворенной. — Сейчас вернусь.

Он идет в уборную, а я остаюсь одна на диване, ругаю себя, на чем свет стоит.

— Беннетт, прости, — говорю я, когда он возвращается. — Я всего лишь пыталась пошутить.

Он наклоняется, чтобы подобрать с пола мой рюкзак.

— Все в порядке, не беспокойся.

Мы надеваем куртки, молча проходим мимо диванов и столиков, выходим на улицу. Вроде бы идем рядом, но между нами явно ощущается целая пропасть. За все три квартала мы так и не произнесли друг другу ни слова, тот Беннетт, который сейчас провожает меня домой, сильно отличается от того, с кем мы только что разговаривали весь последний час.

— А вот и мой дом, — говорю я, когда мы подходим к нему. Смотрю, как Беннетт разглядывает наш дом, который мои предки сами построили еще в 19 веке, разглядывает его осыпающуюся желтую краску и изогнутый фонарь, который служит единственным освещением на улице. Свет на кухне включен, но не заметно, чтобы там кто-то был – моих родителей не будет дома еще несколько часов.

— Может, хочешь…

— Нет, — резко отвечает он, и ставит рюкзак на землю у моих ног. — Послушай, ты была права… ну, то, что ты там сказала.

Его голос звучит мягче, но, похоже, он специально прикладывает усилия, чтобы он таким не казался.

— Да ладно тебе, я же пошутила. — Пытаюсь развеселить его, но он лишь стоит, засунув руки в карманы, и всячески старается избежать моего взгляда. В жизни бы не подумала, что мой комментарий настолько ранил его, что человеку достаточно просто сходить в уборную, чтобы вернуться оттуда уже совершенно другим. Тот первый пытался меня поцеловать. А этот дождаться не может, чтобы поскорее уйти отсюда.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

Подхожу ближе и улыбаюсь ему, флиртую, надеюсь, что смогу вернуть того Беннетта из кофейни.

— Я знаю уже два твоих секрета. — Тот почти случившийся поцелуй придает мне смелости, я подхожу к нему ближе и берусь за лацкан его шерстяного пальто. — А это уже что-то, так ведь?

Он придвигается ко мне ближе, как тогда на диване, но на этот раз лицо у него жесткое, и он даже не пытается приблизиться к моим губам. Он хватает меня за запястье, чтобы убрать мою руку, и я рефлекторно отпускаю лацкан. Выражение его лица становится еще холоднее.

Не могу поверить, что мое замечание так задело его.

— Да что с тобой такое?

Беннетт делает большой шаг назад.

— Послушай. Такого больше не должно произойти. Ты меня понимаешь, Анна? Это, — говорит он и делает движение рукой между нами, — не должно было произойти в это время.

— Совершенно не понимаю, о чем ты говоришь! И что значит «в это время»?

— Ничего. — Он скрещивает руки на груди и смотрит мне прямо в глаза. — Я пробуду здесь еще две недели, просто потому, что у меня нет другого выбора. Потом я уеду, и ты меня больше никогда не увидишь. Поэтому, пожалуйста, возвращайся к своей привычной жизни.

Он разворачивается и уходит, а мне ничего не остается, как лишь смотреть ему в след.

9

Тридцать пять дней. Беннетт появился у нас в городе тридцать пять дней назад, а значит, по моим подсчетам, он должен был уже уехать еще четыре или пять дней назад. Тем не менее, каждый раз приходя на урок испанского, я вижу его. После той ночи в кофейне, три недели назад, мы едва парой слов перекинулись. Он никогда не смотрит на меня, а если наши взгляды случайно и встречаются, то он небрежно улыбается мне, а я отвожу взгляд. Но воспоминания о том вечере не покидают меня. У меня все никак не укладывается в голове – как же так, вот он ворвался в мою жизнь, перевернул все с ног на голову, а сам остается прежним, в нем ничто не изменилось.

— У меня для вас новости! — Радостно произносит сеньор Арготта, широко улыбается и разводит руками. Он медленно окидывает взглядом класс, теперь мы все заинтригованы его словами и внимательно следим за ним – как он, не спеша, подходит к своему столу и садится на его край.

— Кто из вас уже слышал о моем Ежегодном конкурсе путешествий?

Несколько человек из класса поднимают руки.

— Хорошо, — говорит он. — Но в этом году даже вас мне есть чем удивить. Потому что в этот раз приз действительно стоящий и невероятный.

Он спрыгивает со стола и вытягивает огромный плакат с надписью «Мексика». Гигантская, раскрашенная во все цвета карта страны разворачивается от самого потолка.

— Но сначала, позвольте, я расскажу вам о самом задании. Каждый из вас должен спланировать потрясающие двухнедельные каникулы в Мексике. Все вылетают из нашего всеми любимого аэропорта О'Хара, а вот приземлиться вы вольны, где захотите. И с этого момента вы должны создать план путешествия, который позволит посетить в Мексике как

можно больше мест, сколько это вообще возможно за четырнадцать дней. Тот, кто создаст самый логичный, интересный, но в то же время еще и бюджетный план – выигрывает конкурс.

Он идет к доске и останавливается.

— Звучит здорово, не правда ли? — Двадцать учеников в унисон кивают головой.

— Что ж, замечательно. Планы путешествий вам необходимо сдать к следующему понедельнику, то есть ровно через неделю. — Он поворачивается спиной к классу и начинает вытирать доску.

В кабинете по-прежнему стоит тишина. Мы потихоньку переглядываемся друг с другом. Наконец, Алекс не выдерживает, прочищает горло и поднимает руку.

Тут Арготта поворачивается и всплескивает руками.

— Постойте-ка минутку! — Он начинает расхаживать взад-вперед по классу, ухмыляется.

— Держу пари, — говорит он медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, — вы хотели бы узнать, что получите, если выиграете, так?

Он останавливается перед доской, кивает и улыбается, мы киваем ему в ответ. Алекс опускает руку.

— Ну конечно же, конечно же. — Он опять начинает расхаживать по комнате в такт своим словам, напряжение в классе нарастает. — У меня есть друг, знаете ли, который работает в одной из основных авиакомпаний.

Почему-то меня не покидает мысль, что Арготта сегодня все утро практиковал свою речь перед зеркалом.

— Я рассказал этому своему хорошему другу о моем Ежегодном конкурсе путешествий, и ему показалась замечательной идея организовать от имени своей авиакомпании вознаграждение в виде чека на пятьсот долларов, благодаря которому победитель смог бы осуществить свое путешествие.

Мы снова переглядываемся друг с другом. Не могу удержаться и смотрю на Беннетта, в ответ он лишь дарит мне дежурную улыбку и отворачивается к окну.

— Итак. И что вы обо всем этом думаете? — Арготта внимательно осматривает класс. — Сможет кто-нибудь найти хорошее применение чеку на пятьсот долларов?

Конечно же, каждый сможет найти ему применение. Но мне кажется, что я здесь единственная, чью жизнь он сможет круто изменить.

◄►◄►◄►

Сижу на ковре, скрестив ноги, у полки с пометкой «Мексика» и просматриваю корешки книг. В магазине пусто, и из-за шторма, который свирепствует сегодня весь день, скорее всего никого больше не будет. Что просто замечательно, ведь мне нужно составить план путешествия.

Достаю с полки книгу «Поехали в Мексику» и кладу поверх нее еще три книги.

Просматриваю Мишленовский путеводитель карманного размера и вытаскиваю из него тоненькую книжку, которая раскрывается в огромную дорожную карту. Вскоре у меня уже накапливается целая стопка путеводителей, каждый из которых ценен по-своему. Вынимаю свою тетрадь из рюкзака и грустно осматриваю стопку. Понимаю, что мне срочно нужно выпить латте.

Надеваю пальто, вешаю на дверь табличку с надписью «Буду через десять минут» и закрываю дверь на задвижку. Еще только шесть часов, но на улице уже какая-то кромешная тьма. И если бы не календарь, то и в голову бы никому не пришло, что вообще-то сейчас на

земле должна уже быть трава, а на этих голых деревянных прутьях – листья. Остается всего два месяца до летних каникул, а на улице идет сильный снег. Снова.

Покупаю латте и возвращаюсь в магазин, занимаю насиженное место в разделе «Путешествия» и начинаю делить стопку на кучки поменьше. Я знаю, чего хочу – создать сбалансированную комбинацию из исторических мест и пляжей, где я могла бы пробежаться по песку и искупаться в настоящем океане. Так что провожу линию посередине листа и начинаю свой список.

Левая колонка быстро заполняется названиями археологических раскопок: развалины майя в Тулуме, Чичен-Ица и Ушмаль. С правой колонкой оказалось все не так просто. В Канкуне расположен Великий риф Майя, поэтому его обязательно нужно внести в список, а вот насчет более известных мест вроде Лос-Кабос, Акапулько и Косумель я не слишком уверена. Но выглядят они просто замечательно, поэтому все-таки вношу их в список, пометив маленьким знаком вопроса на полях.

В окно стучит град, а одна из веток гигантского дуба снаружи периодически скрежечет по оконному стеклу. Я уже перестала вздрагивать каждый раз, как это происходит, но все равно такой звук нервирует. Пытаюсь отвлечься от происходящего и позволить причудливым деревенькам Масатлана и открытым рынкам Гвадалахары унести меня прочь от снега и бушующего ветра.

Вдруг слышу какой-то шум, встаю, выглядываю из-за полки и тихонечко подкрадываюсь к окну. Ветер все так же шумит в кроне дуба, но сейчас ветка, которая еще недавно скрежетала по стеклу, сломана и молчаливо свисает над тротуаром. Ну вот, опять слышу звук позади себя, резко подскакиваю на месте и разворачиваюсь. В этот раз звук доносится не с улицы, он раздается из помещения в задней части магазина, и это вовсе не шум ветра – это голос. Задерживаю дыхание и прислушиваюсь.

Мое сердце бешено колотится, я осторожно пробираюсь к телефону за прилавком.

— Кто здесь? — кричу в сторону задней комнаты, а сама в это время снимаю трубку и дрожащими руками пытаюсь набрать 911. В ожидании пока мне ответят, замираю на месте, постоянно поглядывая на заднюю дверь.

— Ну же, отвечайте! — шепчу я в трубку.

Внезапно распахивается входная дверь, автоматически поворачиваю голову на звук колокольчиков, сейчас они звучат не так мелодично, как обычно. Возвращаю трубку на рычаг и бегу к двери.

— Привет! — Мой голос все еще дрожит. Кладу руку на грудь, будто это может успокоить бешеное сердцебиение, и стараюсь вести себя словно все в порядке.

— Чем я могу Вам помочь?

Вошедший не смотрит на меня, внимательно осматривает магазин, затем кидает взгляд через плечо на улицу. Я как раз подумывала, а не попросить ли его проверить, что там за шум раздается из задней комнаты, как он захлопывает входную дверь с такой силой, что дверные колокольчики просто ударяют по стеклу, затем натягивает свою шапку на лицо и запирает засов.

— Давай сюда деньги. — Из-под шерстяной лыжной маски раздается низкий голос, но мое внимание привлекает металлический блеск ножа, который он только что достал из мешковатых джинсов. Мужчина указывает ножом на меня. — Быстро.

С трудом показываю на кассу, руки-ноги ужасно трясутся от страха.

— Вот здесь. Тут не заперто. Забирайте все, что есть. — Говорить тоже тяжело.

И прежде, чем я успеваю отступить, он хватает меня, притягивает к себе и приставляет нож к горлу, а затем толкает к кассе.

— Сейф! — кричит он мне прямо в ухо и усиливает хватку.

— В задней комнате... — Мой голос дрожит, но я продолжаю придерживаться плана, который разработал мой отец с первых дней, как я начала здесь работать.

— Комбинация «девять – пятнадцать – тридцать три». У нас нет сигнализации. Я не буду звонить в полицию. Просто забирайте деньги и уходите.

Произвожу подсчеты в уме. В кассе где-то долларов пятьдесят, может даже меньше. В сейфе около тысячи.

Грабитель толкает меня к кассе, открывает ящик, ослабляет хватку всего на мгновение, пока складывает деньги в сумку. Потом снова хватает меня и толкает по направлению к задней комнате, все это время я смотрю в пол и усиленно пытаюсь не думать о холодном лезвии, касающемся моей шеи, и о тяжелом дыхании, которое раздается у меня в ухе.

— Шевелись!

Чувствую, как горлу подкатывает тошнота.

Наверное, поэтому мне и чудится всякое.

Чуть сужаю глаза, чтобы разглядеть движение, которое заметила возле книжных полок. Вижу, что все это не галлюцинация, хоть и понимаю, что такое не возможно. Дверь-то заперта, а магазин точно был пуст.

Присматриваюсь к верхним полкам и вижу, как копна темных волос движется по проходу. Задираю голову, чтобы получше рассмотреть, но тут же останавливаюсь, когда чувствую, как холодное лезвие плотнее прижимается к моему горлу. Вот мы доходим до задней комнаты, мужчина убирает свой нож и заталкивает меня внутрь, я падаю на пол прямо возле сейфа.

— Открывай! — приказывает он. Набираю код – вправо, влево, снова вправо – тяну вниз тяжелую ручку сейфа. Дверца широко раскрывается, и грабитель отшвыривает меня в сторону.

И тут я снова вижу движение, ошеломленная, я наблюдаю, как Беннетт медленно крадется из тени в углу, приложив палец к губам. Не думаю, что мы смогли бы вдвоем справиться с этим мужчиной, у которого в руках нож, а в глазах яростное чувство отчаяния, но все-таки чувствую невероятное облегчение.

Беннетт исчезает из моего поля зрения, но краем глаза я вижу – он тихонечко крадется по направлению ко мне. Сижу в полной тишине и стараюсь не шевелиться.

А пока вор отвлечен содержимым сейфа, происходят три вещи, так быстро, наслаиваясь друг на друга, что кажется, будто все это происходит в один момент. Вот Беннетт полностью исчезает и тут же оказывается на коленях на полу рядом со мной. Он берет меня за руки и закрывает глаза, должно быть я последовала его примеру, потому что когда я их открываю, магазина вокруг уже нет. Грабитель со своим ножом тоже исчез. А мы с Беннеттом находимся в тех же позах – он стоит на коленях, я сижу, и мы по-прежнему держимся за руки – только теперь мы сидим под деревом в парке, прямо за углом, а вокруг нас яростно кружит снег.

Беннетт отпускает мои руки, берет мое лицо в свои ладони, я слышу – он что-то говорит, но все слова какие-то приглушенные, словно раздаются откуда-то издалека.

— Ты в порядке, Анна. Дыши и ничего не говори. Только внимательно слушай и делай то, что я тебе говорю. Я все тебе объясню, но сейчас мне нужно, чтобы ты послушала меня.

Киваю в ответ, хоть и продолжаю сидеть с широко открытыми глазами и бессмысленным взглядом.

— Сначала нужно, чтобы ты пошла в кофейню. Закажи мне эспрессо и два больших стакана воды со льдом, сиди и жди меня. — Он пристально смотрит мне в глаза. — Сделай это, Анна. Ты нужна мне. Можешь мне довериться?

Снова киваю.

— Хорошо, тогда беги. Ни с кем не разговаривай, просто закажи кофе, воду и сиди, жди.

Поворачиваюсь и бегу в кофейню.

Я так дрожу, что с трудом выговариваю слова, но бариста оказывается довольно милым и предлагает мне помочь донести напитки до столика. Подхожу к диванчику у окна и, рухнув, падаю на него.

Слышен звук сирен, они становятся все громче и громче, и вот уже две полицейские машины останавливаются перед входом в книжный магазин. Мне почти ничего не видно с этого места, но могу различить отсветы сирен на соседнем здании, можно увидеть, как полицейские достают оружие и медленно крадутся к входу в магазин. Но они быстро исчезают из моего поля зрения, поэтому сильнее прижимаюсь к оконному стеклу, чтобы хоть что-то разглядеть из того, что происходит. Жду, что вот-вот они появятся вновь, но чувствую, кто-то присел рядом со мной.

Это Беннетт. Он сидит, наклонившись вперед, положив локти на колени, руками обхватив голову. Он дышит тяжело, каждый вдох дается ему с трудом, он издает сдавленные стоны точно так же, как тогда в парке.

На этот раз не задаю никаких вопросов, просто поглаживаю его по спине.

— Что мне сделать?

— Воды..

Оставляю одну руку лежать на спине, а второй подаю стакан воды. Он запрокидывает голову и осушает его тремя огромными глотками.

— Еще..

После второго стакана его дыхание становится более ровным.

Беннетт поднимает на меня взгляд и улыбается.

— Эй, ты еще здесь.

Он тянется за чашкой эспрессо и быстро опрокидывает в себя горячую жидкость. Не мигая, смотрю на него. Хочется что-то ему сказать, но просто не могу, мне кажется, что каждый раз, как я делаю хотя бы небольшой вдох, мое тело тут же выпускает воздух обратно. Пытаюсь глубоко вдохнуть, чтобы замедлить сердцебиение и прекратить дрожь в руках, но мои легкие словно отказываются мне помогать. *Да что, черт возьми, происходит?*

Совершенно не осознаю, что сижу, уставившись в упор на Беннетта, пока он не подносит руку к моему лицу и не начинает шевелить пальцами. Затем он произносит:

— Ты в шоке.

Он берет со стола стакан и машет им в воздухе, привлекая внимание бариста, потом указывает ему на меня.

— Выпей, — говорит Беннетт. Я беру стакан крепко обеими руками, хотя до сих пор не уверена, что мои конечности способны выполнить поставленную задачу, то есть поднести стакан ко рту. В это время Беннетт произносит:

— А сейчас нужно, чтобы ты послушала меня, Анна. Через пару минут нам нужно будет пойти в полицию. Скорее всего, они уже вызвали твоих родителей и тебя будут искать.

Он хватает меня за плечи и разворачивает лицом к себе.

— Обещаю, я расскажу тебе обо всем, что только что произошло, но пока нужно, чтобы мы придерживались одной истории. Ты можешь это сделать?

Допиваю воду и киваю.

— Хорошо. Оставим первую часть правдивой: мужчина ворвался в магазин и заставил тебя открыть сейф. Но потом скажи вот что: пока его внимание было отвлечено сейфом, ты воспользовалась моментом и выскользнула в заднюю дверь на аллею. Там я встретил тебя и остановился, чтобы помочь. Мы ждали какое-то время на улице и вернулись, только когда увидели, что прибыла полиция.

Беннетт приподнимает мой подбородок.

— Ты сможешь это сделать?

Снова киваю, глаза по-прежнему широко распахнуты.

— Не беспокойся. В основном буду говорить я, а ты старайся придерживаться этой истории.

Мне ничего не оставалось, как снова кивнуть.

В последний раз наклоняемся ближе к стеклу, чтобы посмотреть на две оставшиеся полицейские машины с включенными маячками. Спустя минуту уже стою в магазине, молчу, слушаю, как Беннетт объясняет, что произошло. Офицер старательно записывает все детали взлома и моего побега через заднюю дверь в блокнот с черной кожаной обложкой. Слушаю и

киваю, но сама знаю, что Беннетт лжет, потому что я хорошо и отчетливо помню, *что* произошло. Не выбегала я на аллею. *Как он попал в магазин? И как мы выбрались оттуда?*

Офицер просматривает свои записи.

— Оставайтесь здесь, — говорит он. — Я сейчас вернусь.

С удивлением слышу свой голос:

— Офицер?

Он останавливается и поворачивается ко мне.

— Вы поймали его?

— Да. Мы поймали его, у него возникли какие-то проблемы с замком в задней двери. Кажется, эта долгая зима многих людей приводит в полное отчаяние. Но вы можете не беспокоиться, он теперь долго никуда не выйдет.

После этих слов он разворачивается и снова уходит.

— Офицер? — повторяю я, и он снова поворачивается ко мне.

— А как вы успели прибыть сюда вовремя? — Беннетт кладет руку мне на плечо и слегка сжимает его. Офицер пролистывает свой блокнот.

— Кажется, поступил анонимный звонок. Кто-то позвонил и сообщил, что происходит ограбление. — Он смотрит на меня с сочувствующей улыбкой. — Должно быть, кто-то из ваших соседей увидел, как он вломился. У вас определенно есть ангел-хранитель, юная леди.

Тут открывается дверь и в комнату врывается мой отец, за ним следует мама. Беннетт вынужден отойти в сторону, родители окружают меня и крепко сжимают в объятьях.

— Анна… — говорит мама, лихорадочно перебирая мои волосы и постоянно останавливаясь, чтобы поцеловать меня в лоб.

— Мне так жаль, — шепчет папа и продолжает поглаживать нас по спинам.

Раздается покашливание, офицер пытается привлечь наше внимание, мы все поворачиваемся к нему.

— Извините, что вынужден вас прервать, но нужно, чтобы вы и ваша дочь прошли со мной в полицейский участок, чтобы подать заявление.

Полицейский участок – последнее место, где мне сейчас хотелось бы оказаться. Все, чего я хочу – это чашка горячего кофе и час наедине с Беннеттом.

Смотрю на отца и спрашиваю:

— Можем мы сначала поговорить минутку? — И указываю на Беннетта. Сперва мои родители его не заметили, но сейчас он полностью привлек их внимание.

— Здравствуйте. Мистер Грин. Миссис Грин. — Он протягивает руку сначала отцу, потом маме. — Меня зовут Беннетт Купер.

— Беннетт… мой друг. Мы учимся вместе. Он помог мне… — При виде того, как искажается мамино лицо, я замолкаю. Но после того, как рассказываю ей детали - ровно столько, сколько разрешил мне Беннетт - она расслабляется и улыбка озаряет ее лицо.

— Ну что ж, спасибо, Беннетт, — говорит она и пожимает ему руку, другой рукой обнимает меня, хотя глаза ее постоянно смотрят то на меня, то на него. — Не уверена, что вам стоило гулять в такую пургу, но, как бы то ни было, нам очень повезло. — В этот момент она украдкой смотрит на меня и поднимает брови. Я в ответ лишь пожимаю плечами.

— Дадите нам минутку? — еще раз спрашиваю я у отца.

— Хорошо, дадим вам даже пять минут, — говорит отец, взглянув на часы.

Веду Беннетта в отдел самообслуживания, ну вот мы, наконец-то, одни, хотя бы на несколько минут.

— Ну и… — Смотрю на него с серьезным выражением лица. — Это и есть твой тот самый большой секрет?

— Да. — И он тихонько смеется. — Вроде того.

Он придвигается ближе и берет меня за руки. Его ладони теплые и мягкие.

— Мне многое нужно тебе рассказать.

— Хорошо.

— А ты уверена, что захочешь это услышать?

Киваю.

— Как думаешь, ты смогла бы завтра прогулять школу?

Смотрю на часы. Еще только восемь тридцать, а такое ощущение, что уже близко к полуночи. К тому времени, как я вернусь из полицейского участка, точно будет поздно.

— Думаю, мои родители будут не против, учитывая обстоятельства.

— Тогда я подойду к десяти утра. И мы сможем пойти куда-нибудь поговорить.

Так не хочется ждать до завтра, чтобы получить ответы на все вопросы.

Беннетт наклоняется ко мне ближе и тихонько шепчет:

— Тебя не пугает то, что я умею делать?

Осматриваю комнату, вижу полицейского и родителей, снова перевожу взгляд на Беннетта. Я не боюсь, хотя, наверное, и должна бы. Но пока я просто счастлива, что жива. А то, что кусочки этой головоломки, которая никак не могла сложиться с самого первого дня, как я встретила Беннетта, наконец-то начинают вставать на место, образуя картинку, думаю, поможет мне с этим смириться.

— Нет, — отвечаю я, — вовсе нет.

В комнате все еще темно, но я чувствую – уже утро. Переворачиваюсь на другой бок, потягиваюсь и смотрю на электронные часы с радио, стоящие у меня на тумбочке. 9:15. Не припомню, когда это я в последний раз вставала позже семи утра, особенно в будний день.

Вдруг накатывают воспоминания о произошедшем вчера вечером, меня словно током ударило – Беннетт будет здесь уже через сорок пять минут!

Выскакиваю из кровати, натягиваю спортивный костюм и быстро сбегаю вниз по ступенькам. Чувствую дикий голод и вспоминаю, что ничего не ела со вчерашнего обеда. На столе рядом с тостером нахожу записку:

«А…

Рада, что ты сегодня проспала. Отец в книжном магазине, я буду на работе. Позвони, если тебе что-нибудь понадобится. Мы будем дома к пяти. Расслабляйся. И, пожалуйста, не бегай сегодня.

Целую и обнимаю, мама»

Хватаю со стола чашку и доверху наполняю ее хлопьями. Ем так быстро, что почти не чувствую вкуса, но хлопья и молоко все же делают свое дело – заполняют вакуум у меня в желудке, все утро причиняющий мне дискомфорт. Внезапно чувствую приступ тошноты. Мне приставили нож к горлу. Я оказалась в реальной опасности, а спустя какое-то мгновение все было уже позади.

Беннетт может исчезать. И снова появляться. Он может других людей заставить исчезнуть и появиться. У него какой-то тайный дар, я единственная, кто знает об этом, и сегодня он мне все расскажет.

Принимаю душ и мою волосы, наношу на тело масло, которое пахнет ванилью и придает коже мягкость. Затем наношу немного туши и блеска для губ, и направляюсь к шкафу, раздумывая, что сегодня надеть.

Как только раздается дверной звонок, кубарем слетаю вниз по ступенькам и с глухим стуком приземляюсь в фойе. Глубоко вдыхаю и распахиваю дверь.

— Привет! — Даже голова немного закружилась.

— Привет. — Беннетт выглядит немного смущенным. — Боже, ты выглядишь так… как будто… действительно рада меня видеть. Ты же помнишь, что произошло вчера вечером, так ведь?

Я улыбаюсь ему.

— Ты спас мне жизнь. И сегодня я узнаю, как именно тебе это удалось. — Кажется, я смутила его еще больше. — Ты ведь еще не передумал рассказать мне обо всем, нет же?

Он поднимает брови.

— Мне начинать рассказ прямо на пороге?

— О, Боже, конечно же нет. Входи. — Чуть отступаю назад, чтобы дать ему возможность пройти, и закрываю дверь, Беннетт смотрит на меня с улыбкой облегчения. Вешаю его куртку на крючок, и мы идем на кухню.

— Кофе? — спрашиваю я, но начинаю наполнять чашку, не дождавшись ответа. Протягиваю ему огромную кружку с изображением Северо-Западной арки, мы садимся на кухонные барные стулья друг напротив друга. Сидим в тишине, Беннетт пьет кофе мелкими глотками, я устраиваюсь на стуле, готовая к тому, что он может раствориться в воздухе в любой момент. Вроде бы Беннетт никуда не собирается, но все же выглядит немного напуганным.

— Все в порядке? — спрашиваю я. Я тоже взвинчена и напряжена, и это точно не из-за кофеина - хоть я и держу чашку кофе в руках, но так и не сделала ни глотка.

— Да. — Беннетт нервничает, ерзает на стуле, теребит ручку кружки. — Просто я не знаю, с чего начать.

Пытаюсь подбодрить его взглядом.

— Начни сначала.

— Знаешь, а ты первый человек, которому я все это рассказываю, в прямом смысле этого слова. — Он останавливается и смотрит на меня, будто ожидает какой-то реакции. — Мои родители знают об этом, сестра знает, но я им не рассказывал. Они вроде как случайно узнали. Так что вот, только моя семья, и сейчас еще ты.

Я киваю, и он продолжает:

— Если честно, я никому не собирался ничего рассказывать. Если бы не этот случай вчера вечером..

Я понимаю. Он едва знает меня, возможно, есть куча людей, с которыми он предпочел бы поделиться секретом. Но я не собираюсь позволять ему снова уйти от ответа. Не могу. Не сейчас.

— Ты можешь доверять мне. Это твой секрет, не мой, а значит, я никому о нем не расскажу.

— Спасибо. — Бормочет он и снова замолкает. — Эта вещь… ты даже не представляешь, что это. Я не хочу шокировать тебя.

Кладу руки на стойку и смотрю на него.

— Обещаю, я не буду шокирована.

Он прищуривает глаза, словно хочет сказать, что мне не стоит давать таких обещаний.

— Я очень постараюсь, быть не слишком шокированной, — исправляюсь я.

Он наклоняется вперед, тоже держа локти на стойке. Эти дымчато-голубые глаза просто необыкновенны, особенно в контрасте с его с кожей и волосами. Он выглядит восхитительно, даже когда так нервничает.

— Послушай, Анна. Это… — говорит он, раскачиваясь взад-вперед, как тогда возле моего дома в тот вечер, когда он чуть не поцеловал меня в кофейне. — …все-таки, наверное, плохая идея.

— Может и так, — соглашаюсь я.

Он смеется и качает головой, словно хочет подбодрить себя, чтобы, наконец-то все мне рассказать.

— Давай заключим сделку. Я тебе все расскажу, а ты потом сама решишь, что тебе обо всем этом думать, и если для тебя это окажется слишком, я пойму. И я снова стану странным парнем, случайно встретившимся у тебя на пути, а ты вернешься к своим друзьям и своей жизни.

— Или?

— Или.. ты решишь, что все это очень интересно. А может быть даже очень захватывающе. И тогда это хоть немного исправит тот факт, что я действительно очень странный парень, таким уж уродился.

— Ты не странный. И, кроме того, Беннетт, я ведь уже видела, что ты умеешь делать, и это потрясающе. И если бы все это не пугало меня, не представляю, чтобы еще такое ты мог сказать или сделать, чтобы мое мнение о тебе изменилось.

Черт! Я же не собиралась произносить эту последнюю часть. Чуть отклоняюсь, чтобы рассмотреть выражение лица Беннетта.

Впрочем, расстроенным он не выглядит, скорее даже счастливым.

— Рад это слышать. Но тебе известна лишь маленькая часть.

Издаю нервный смешок:

— Куда уж больше?

— Намного больше, — говорит Беннетт и внимательно смотрит на меня. Затем он отодвигается от барной стойки и встает. Ставит свою кружку в кофемашину, включает ее и достает два кубика льда из дозатора в дверце холодильника.

— Где у вас хранятся стаканы?

Он полностью увлечен, словно продавец, который собирается продемонстрировать новое чудесное чистящее средство.

— В том шкафу, — произношу я и указываю на шкаф, — справа от раковины.

Он достает два стакана и наполняет их холодной водой. Ставит стаканы и чашку с кофе на кухонную стойку перед собой и снова садится на стул.

— Так, — Беннетт делает глубокий вдох. — Теперь нужно, чтобы ты сидела тут и внимательно смотрела. Я исчезну, но через минуту вернусь, — и он проверяет свои часы. — Готова?

— Да, — киваю я в ответ, изо всех сил стараясь не выглядеть обеспокоенной.

Мгновение он смотрит на меня. Затем закрывает глаза. И я вижу, как он становится прозрачным – сквозь его просвечивающие очертания мне видна наша семейная фотография на противоположной стене — проходит секунда, и он пропадает совсем. Стул стоит пустой. Обхожу кухонную стойку и прикасаюсь к его поверхности.

М-да. Он исчез. Полностью.

Жду, неотрывно наблюдая за стулом, мое дыхание замедляется. Мне кажется, что проходит больше минуты, как вдруг он возвращается. На то же самое место, где сидел до этого.

Непрозрачный и твердый, каким, впрочем, и должен быть. Словно ничего и не происходило. Но ведь произошло же!

Беннетт залпом выпивает два стакана, а затем кофе.

— Тебе еще что-нибудь нужно?

Он отрицательно качает головой, смотрит куда-то в пол, на плитку.

— Куда ты уходил?

— В свою комнату. Досчитал до шестидесяти и вернулся. — Тут он поднимает глаза и осторожно наблюдает за мной, словно пытается понять мою реакцию.

— А зачем тебе вода и кофе? — спрашиваю я, вспоминая попутно его просьбу прошлым вечером в кофейне, бутылки из-под воды и кофейные стаканы, разбросанные по его комнате в тот вечер, когда приходила к нему.

— Эти путешествия обезвоживают меня, а кофе помогает от мигрени. Во время путешествия я обычно не испытываю боли. Меня убивает возвращение.

— Как в ту ночь в парке?

— Именно.

— Хорошо. Значит ты можешь исчезать и появляться? Так?

— Звучит так, словно я третьесортный маг, — произносит он и смеется. — Разве для тебя этого недостаточно?

— Конечно, — говорю я нервно. — Только я думала…

— Шучу. — И он снова становится серьезным. — На самом деле это только часть правды.

— Только часть?

— Да. Я же говорил тебе. Намного больше.

Я смотрю на него.

— Насколько больше?

— Две вещи. — Он пожимает плечами. — Еще только две вещи.

— Постой-ка, — говорю я. — То, что ты можешь исчезать – это всего лишь одна вещь из *трех*?

Он кивает.

— Я же говорил тебе. Я не объясню тебе все сегодня, но расскажу… многое.

— Что? Ты же не думаешь, что мне этого будет достаточно? — спрашиваю я, а у самой сердце начинает биться сильнее. Может быть это из-за того, что лицо Беннетта так близко к моему?

— Если кто и может все это понять, так только ты. Но для этого придется переварить слишком много информации. — И он смотрит на меня в ожидании, что я сейчас начну спорить. О чем я собственно уже и подумывала. — Послушай, сегодня я расскажу тебе, как вытащил тебя из книжного магазина вчера вечером. А при случае расскажу и остальное. Но все постепенно, доверься мне. Хорошо?

Он выглядит таким решительным, что я понимаю – любые споры тут бесполезны.

— Хорошо.

Я выпрямляюсь на своем стуле и обращаю на него все свое внимание. Но никаких действий от него дальше не следует.

— Я готова. Давай начнем сначала.

◄►◄►◄►

Беннетт копирует мою позу – выпрямляется на стуле, словно это наше с ним лекарство от нервозности. Делает пару глубоких вдохов, чтобы подготовиться, и начинает свой рассказ.

— Однажды поздно вечером, когда мне было еще десять лет, я лежал, читал книгу по греческой мифологии – когда я был ребенком, я очень увлекался всеми этими богами и мифами – и вдруг подумал, как было бы круто взять и очутиться там. Я сел на кровати в своей пижаме со Звездными войнами и попытался «представить» себя там. Я закрыл глаза и представил себе Древнюю Грецию, повторял про себя дату снова и снова. Ну… конечно же, ничего не произошло. Тогда я начал думать еще об одном лучшем для меня месте, я представил себе нескончаемые ряды книг по мифологии в моей школьной библиотеке. Потом я закрыл глаза, представил себе библиотеку и сосредоточился. Вдруг в комнате стало холоднее, а когда я открыл глаза, то обнаружил, что стою перед металлическими книжными полками. Сказать, что я тогда был в шоке, значит, ничего не сказать. В библиотеке было темно, все уже ушли, и я тут же кинулся к дверям, ведущим наружу. Но остановился. Заставил себя успокоиться. Снова закрыл глаза, представил свою комнату и сосредоточился. Когда я открыл глаза, то был уже дома.

Беннетт тянется за кружкой с кофе и делает большой глоток, а я просто сижу на стуле, вслушиваясь в каждое слово и наблюдаю, как искривляется его рот, когда он пьет кофе, как слизывает капельки кофе с губ.

Тут он отставляет кружку на кухонную стойку, и я заставляю себя оторваться от его губ и взглянуть ему в глаза.

— Постой-ка. Так ты действительно очутился в своей школе? Посреди ночи?

Он кивает.

— На той неделе, я проделал так еще несколько раз, стараясь не сильно далеко удаляться от дома – побывал в парке, в кинотеатре, в бакалейной лавке. Старался никогда не оставаться там дольше минуты. Со временем начал разговаривать с людьми, чтобы убедиться, что они видят и слышат меня. И они разговаривали со мной, а значит, я *действительно* был там.

— А как же мигрени? — спрашиваю я.

Сначала у меня их не было, это было вообще безболезненно. Тогда самой большой проблемой было – как рассказать об всем моим родителям. Я боялся, что они начнут водить меня по врачам или даже отправят в психушку.

Не могу представить себе, как я смогла бы утаить подобный секрет от своих родителей. Даже в шестнадцать лет, что уж говорить о десяти.

— Когда мне было двенадцать, я решил выяснить, что же происходит со мной, когда я ухожу в другое место. Я поставил видеокамеру на треногу, нажал кнопку записи, а потом сфокусировался на заднем сидении кинотеатра, находившегося на нашей улице. Я сидел там и с секундомером отсчитывал время, выждал ровно десять минут, затем вернулся. На видео я увидел, что сижу в своей комнате с закрытыми глазами, потом исчезаю, с того момента видеозапись показывала только пустой стул. Спустя ровно десять минут я появился вновь.

Он замолкает и смотрит на меня, затем снова продолжает:

— Через несколько недель после этого случая мои родители все узнали. Как-то раз мама проснулась посреди ночи и обнаружила, что моя постель пуста. Она обыскала весь дом, а поскольку так меня и не нашла, то решила позвонить в полицию. Она уже набрала девятку, как я появился прямо у нее на глазах. Как же я ее тогда напугал! — Беннетт улыбнулся своим воспоминаниям. — Той ночью я все им и рассказал. Показал свое видео.

Он снова замолкает.

— Ну, что думаешь обо всем этом?

— Осмысливаю. — По крайней мере, мне так кажется, что осмысливаю. Ловлю себя на том, что постоянно киваю, нужно бы остановиться. — И что сделали родители, когда обо всем узнали?

Беннетт расправляет плечи и чуть встряхивает руками.

— У мамы была истерика. Она до сих пор не может это принять. Все еще хочет показать меня врачам, психиатрам – кому-нибудь, кто смог бы «починить» меня – но я не позволяю им говорить, что со мной «что-то не так». А мой отец…сейчас ему это даже нравится. Он думает, что я мог бы стать кем-то вроде героя комиксов. Он видит, что я полностью все контролирую, поэтому слишком не беспокоится, хотя иногда бывает чересчур назойливым. — Теперь он разглядывает кухонную стойку. — В общем, относятся они к этому по-разному, и если не спорят со мной по поводу моего «дара», то ссорятся друг с другом из-за этого.

Мне было его жаль.

— Вчера вечером ты меня спас. Расскажи им об этом.

— Да…вчера вечером было весело. — В его глазах загорелся озорной огонек. — Меня всегда беспокоило, когда приходилось делать последовательные скачки, а прошлой ночью мне пришлось сделать сразу несколько таких скачков, но головной боли не было, совсем. Думаю, что это как-то связано с адреналином. — Он опять замолкает на секунду. — Но это было глупо. Мигрень могла накрыть меня, например, когда я шел от книжной полки к тебе, тогда этот парень мог бы тебя убить.

— Но этого же не случилось.

Он крепко закрывает глаза, потом открывает и смотрит на меня. Его голос звучит искренне, сожалеюще.

— Анна, я с самого начала ни о чем не подумал, просто увидел, что ты в беде и среагировал, но так делать нельзя. Нужно было сначала все спланировать и рассчитать, чтобы… ничего не испортить.

В ответ я лишь улыбаюсь.

— Я в любом случае тебе благодарна.

Он улыбается в ответ и смотрит на меня, не могу понять, что ему нужно.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Как ты смотришь на то, чтобы продолжить разговор в другом месте?

— Ты хочешь пойти туда? — Я киваю на кухонное окно и на то, что за ним: на улице идет снег с градом, добавляя к уже выпавшему за ночь слою лишние сантиметры. Даже дороги уже не видно.

— Вообще-то я думал о более теплом месте. О чем-то… тропическом. — Должно быть, по моему лицу видно, что я пребываю в растерянности, поэтому он подходит ко мне и спрашивает:

— Ты не хочешь попробовать?

— Я могу пойти с тобой? — Мда.. Соображать нужно побыстрее, наверное, я сейчас кажусь полным тормозом.

Он кивает и его лицо озаряет широкая улыбка.

— Если для тебя это слишком стремительно, то я все пойму.

— Нет, нет… просто я… — Я даже заикаться начала. — А это больно?

— У моей сестры болит живот. Мама никогда не пробовала, а у папы никаких последствий не обнаружилось. Формально, ты всего лишь третий человек, который будет со мной путешествовать.

Вспоминаю вчерашний вечер, парк и как меня тошнило, но Беннетту ничего не говорю, чтобы не передумал.

— Пусть это будет своего рода эксперимент.

— Думаю, я с этим справлюсь. — Нервно хихикаю. — Как долго нас не будет? Что если мой папа домой вернется?

Беннетт объясняет, что планирует вернуть нас на это же самое место и в этот же самый момент времени.

— Но пока нас не будет, — говорит он мне, — для всех остальных время будет течь как обычно. Но можешь позвонить своему отцу, чтобы он не беспокоился, если придет раньше нас.

Не уверена, что полностью все поняла, но на всякий случай звоню в магазин, говорю, что проснулась, хорошо себя чувствую, слышу, что папе вздохнул с облегчением. Пока мы говорим, я наблюдаю за Беннеттом, он нервно ходит по кухне и заполняет чашки кофе и стаканы водой.

— Готова? — спрашивает он после того, как я кладу трубку, улыбаюсь и киваю, в большей степени для того, чтобы придать себе уверенности. Беннетт подходит к кухонному окну, возле которого стою я, и берет меня за руки. Его руки теплые, сильные, и по какой-то необъяснимой причине я начинаю чувствовать себя в безопасности, хотя на самом деле жутко напугана.

— Закрой глаза, — командует он, делаю, как он говорит, и улыбаюсь, а живот уже начинает предательски сжиматься. Мой кишечник словно скрутили, и хотя совсем не больно, но точно уж неприятно. Снова чувствую тошноту, вижу свет сквозь закрытые глаза, от этого закрываю их еще плотнее. Вдруг чувствую тепло, теплый воздух сдувает волосы у меня со лба.

— Можешь открыть глаза. Мы на месте.

Мы стоим в той же позе, что и на кухне, лицом друг к другу и держась за руки. Вот только когда я смотрю вниз, вижу – мои ноги в песке.

Щурюсь от солнечного света и смотрю на яркую зелено-голубую воду, которая простирается настолько далеко, насколько может охватить взгляд. Бухта небольшая: если посмотреть направо и налево, можно увидеть, где она заканчивается. Гигантские валуны сдерживают безмятежную бирюзовую воду до самого места ее встречи с океаном, а высокие неровные скалы, врезающиеся в небо, словно стойки на книжной полке, удерживают белый песок. Оглядываюсь назад, не видно ничего, кроме деревьев. Кроме нас здесь больше никого нет. Ни души.

Беннетт смотрит на меня. Он все еще держит меня за руки, что очень хорошо, потому мне кажется, что я совсем перестала дышать.

— Я знаю, что это совсем не оригинально. Уединенный пляж на безлюдном острове… — Он замолкает и опять смотрит на меня. — Анна? С тобой все в порядке?

Я не могу оторвать взгляд от пейзажа. Не может быть, чтобы все происходило на самом деле.

— Где это мы? — Должно быть, я отпустила руки Беннетта, потому что уже отхожу от него, словно какая-то неведомая сила тянет меня к воде.

Его голос следует за мной.

— Это одно из моих любимых мест на земле… Ко Тао. Крошечный островок в Таиланде. Сюда можно добраться только на лодке, здесь нет пристани. То есть нужно идти по броду через…

— Не может быть! — Я останавливаюсь и, обернувшись, смотрю на него. — Мы в Таиланде? Прямо сейчас…мы в Таиланде?

— Добро пожаловать в Таиланд! — Беннетт смеется и широко раскидывает руки.

— Я в Таиланде. — Снова повторяю эти слова, надеясь, что это поможет мне поверить в происходящее. Ноги так и тянут меня к воде, такой блестящей, широко раскинувшейся передо мной. Все это напоминает мираж из мультфильма, такой красивый и освежающий до тех пор, пока один из персонажей недоверчиво не дотронется до него, и как раз в тот момент, как его пальцы касаются воды, он исчезает из вида. Я уже почти готова к тому, что именно так и произойдет, и скорее удивляюсь, когда встаю на колени, дотрагиваюсь пальцами до воды и чувствую на них влажность, влажность океана.

Чувствую, как Беннетт смотрит на меня, пока я озираюсь по сторонам, медленно кручусь на одном месте, рассматриваю каждый квадратный сантиметр острова. Каждую пальму. Каждый валун. Каждую волну. Каждую ракушку. Прямо-таки чувствую выражение своего лица: глаза широко распахнуты, рот открыт, лоб поднят в удивлении. Думаю, выгляжу я довольно глупо, смотрю на Беннетта. У него на лице такая улыбка, словно это он потрясен, а не я. Закрываю глаза и вдыхаю…все.

— Ты в порядке?

Киваю.

— Хорошо. Идем. — Беннетт берет меня за руку, и мы идем вдоль берега. Вода накатывает и омывает наши ноги, потом также стремительно откатывает назад, так мы и идем, шлепая по песку, пока не доходим до гигантских валунов. Беннетт подводит меня к склону, к небольшому клочку песка, теплому и сухому, снимаю свой свитер, чтобы между моей кожей и песком не было ничего, кроме футболки. Ложусь на спину и растворяюсь.

— Здесь намного лучше, чем на моей кухне, — говорю я в небо и снова смотрю на Беннетта.

Он растягивается на песке, опирается на локоть и смотрит на меня с довольной улыбкой, я поворачиваюсь на бок и повторяю его позу. Теперь одной рукой я подпираю голову, а вот что делать со второй, не знаю. Может быть, все дело в тепле, исходящем от песка, или может все потому, что он невероятно привлекательно выглядит в этой футболке и джинсах, но все, чего мне сейчас хочется – это дотянуться до него и положить свою свободную руку на маленький кусочек тела, выглядывающий из-под задравшейся футболки. В голове уже возникает картинка – Беннетт притягивает меня, впивается в мои губы страстным поцелуем, и мы перекатываемся по песку, в общем, словно на фотосессии для рекламы туалетной воды. Но тут я вспоминаю тот вечер, когда он провожал меня домой после кофейни, и я, собрав все свое мужество, схватила его за лацкан пальто, а в итоге осталась стоять одна, отвергнутая, в снегу. Поэтому не могу заставить себя дотронуться до него, и вместо этого начинаю свободной рукой чертить круги на песке.

— Так значит… — говорю я, — Таиланд.

На его лице торжествующая улыбка.

Буквально мгновение рассматриваю его, теряясь в догадках – почему он так беспокоился, захочу ли я попасть сюда. Разве кто-нибудь смог бы отказаться от участия в чем-то таком необычном, невозможном? Таком… магическом?

— Не понимаю. Что здесь может не понравится?

Посмотрев на его улыбающееся лицо, начинает возникать ощущение, словно я только что прошла какой-то тест для перехода на следующий уровень, будто у него в голове выстроен некий список, а напротив слов «телепортироваться на безлюдный остров / не шокирована» теперь стоит «галочка».

Но я помню, что Беннетт еще о многом должен мне рассказать. А точнее, еще о двух вещах. Наверное, мне стоит просто расслабиться, сидеть на песке и наслаждаться видом, но я не могу. Мне нужны ответы.

— Как ты вчера узнал, что мне нужна помощь?

— А я и не знал. Я просто зашел, чтобы взять книгу про Мексику. Для задания Арготты о путешествиях.

Я, конечно, не во всем, что происходило вчера вечером, уверена на сто процентов, но вот в том, что была в магазине одна, когда вошел грабитель с ножом, уверена полностью.

— А вот и нет. Тебя не было в магазине.

Он придвигается ближе ко мне, и мое сердце начинает бешено стучать просто от мысли, что он сейчас может дотронуться до меня, но вместо этого он набирает горсть песка и пропускает его через пальцы.

— Уверена, что хочешь знать, как все было на самом деле?

Молча смотрю на него и, наконец, киваю.

— Ограбление происходило не совсем так, как ты его помнишь.

Песок в руке Беннетта заканчивается, он вытирает ладонь о джинсы и смотрит на меня, оценивает реакцию.

Удивленно приподнимаю брови и жду.

— Я вошел в магазин. Мы говорили о Мексике. А потом в дверь ворвался этот парень.

— Исключено. Я все помню. Я была в магазине одна.

Тут Беннетт обрывает меня:

— Позволь мне объяснить. В той версии, которую ты помнишь, ты была одна. Но в первый раз все было по-другому.

— В *первый* раз?

— В первый раз я был в магазине. Мы обсуждали наши планы путешествий. Когда открылась дверь, ты поднялась с пола для того, чтобы помочь человеку, ты ведь думала, что это покупатель, а он схватил тебя. Но меня он не видел, так что у меня было время, чтобы исчезнуть.

Вспоминаю фокус, который Беннетт не так давно показал мне, – Боже! Сколько времени уже прошло? Минут пятнадцать или около того? – как он сидит на стуле в кухне, в следующую секунду уже растворяется в воздухе, и появляется вновь на том же месте минуту спустя. Хорошо, допустим, он точно так же исчезал вчера вечером, но это не объясняет, как я только что была с ножом у горла, и вдруг оказалась стоящей под вязом посреди метели.

— Я исчез из книжного магазина, вернулся на пять минут раньше, но уже в задней комнате и позвонил 911.

Тот голос. Звук, доносившийся из задней комнаты.

— Я слышала тебя…

Отдельные детали начинают всплывать в памяти по кусочкам, но в общую картину все еще не складываются. Что он имеет ввиду, говоря «в первый раз»?

— Постой-ка. Ты только что сказал, что вернулся? На пять минут раньше?

Он кивает. — Да, я вернулся.

— Назад во времени?

Он качает головой и стыдливо улыбается: — Так я тоже умею…

— Ты *вернулся* в прошлое. И *изменил* то, что произошло?

Он глуповато усмехается, словно сожалеет о том, что произошло, но для меня сейчас это уже слишком: — Будто второй дубль какой-то.

— Так почему ты просто не предупредил меня о том, что будет ограбление? Или, скажем, не закрыл засов до того, как он вошел?

Не хочу показаться неблагодарной, но сама мысль о том, что можно было избежать удовольствия почувствовать холодный нож у горла, мне невыносима.

— Я так не поступаю, — говорит Беннетт. — Я не допускаю, чтобы событие совсем не происходило. Я лишь изменяю небольшие детали, чтобы повлиять на исход события. Если бы я предотвратил ограбление, - а я ничего подобного раньше никогда не делал и поэтому даже не знаю, смог бы - могло произойти что-то более ужасное. Этот парень с ножом мог бы ограбить кого-то другого, и его бы не поймали. Или, например, он мог бы видеть, как ты возвращаешься домой пару часов спустя и … — Тут его голос начинает дрожать, и он ненадолго замолкает. — Что бы ни случилось, у меня есть правило – не вносить больших изменений.

— Получается, что остановить ограбление ты бы не смог? А вернуться на пять минут в прошлое мог?

В ответ он кивает.

— Чисто теоритически. Раньше я такого не делал, но да.

— И позвонил в 911 с телефона в задней комнате?

Он снова кивает.

— Тогда почему полиция не приехала во время?

— Она же приехала, только вот недостаточно быстро. После того, как я им позвонил, я спрятался за книжным шкафом. К тому времени он уже вел тебя к сейфу. Тогда я решил, что больше не могу ждать, когда приедет полиция, и сам забрал тебя оттуда. На всякий случай.

Внезапно меня осеняет: получается, что Беннетт не просто может исчезать и появляться в разных местах, он еще может во времени путешествовать? Мне очень хочется казаться смелой, невозмутимой и готовой услышать все, что расскажет Беннетт, но пока я даже это не могу уложить в голове.

— Я так понимаю, это и есть вторая вещь?

Он кивает.

— Отчасти.

— Отчасти? — Мои глаза непроизвольно расширяются. Я ложусь на песок и смотрю в небо.

— Все в порядке? — спрашивает он. Чувствую, как моя голова делает отверстие в песке, когда я киваю. Но он прав – мне нужно все осмыслить. Закрываю глаза руками, чтобы солнце не слепило, так лежим в молчании несколько минут. Одной рукой я закрываю глаза, а вторая лежит на песке между нами. Вдруг я чувствую, как эту руку щекочут теплые песчинки, падают, ссыпаясь в мою открытую ладонь. Открываю глаза и вижу, как Беннетт склоняется надо мной, наблюдая, как песок пересыпается из его руки в мою.

— Ну вот, видишь, — говорит он, ухмыляясь, — я ведь говорил, что смогу шокировать тебя.

— Я не шокирована.

— Ну да, — говорит Беннетт и нервно смеется, — ты определенно шокирована.

Облокачиваюсь на локти, разрушив его маленькую песочную кучку, и смотрю на него. Затем осматриваю этот прекрасный вид – пальмы, белый песок и бирюзовая вода – просто

открытка, в которую Беннетт удивительным образом перенес нас. Начинаю понимать, насколько все это невероятно. Чтобы добраться досюда из Чикаго, нужно лететь на двух самолетах и плыть на лодке, и вообще понадобится не менее тридцати часов. На самом деле я должна быть сейчас во многих часовых поясах отсюда, там, где темно. И должна сейчас жаловаться на промозглый ветер, а не наслаждаться теплым бризом, обдувающим мою кожу. Оглядываюсь на Беннетта и дарю ему благодарную улыбку.

— Спасибо, что перенес меня сюда.

Мне кажется, что он почувствовал облегчение.

— Пожалуйста.

— То, что ты можешь делать, это… — Каждое слово, которое приходит мне на ум, кажется неадекватным, но я все-таки останавливаюсь на слове «изумительно».

— Спасибо. — Беннетт еще не рассказал мне остальное об этой второй вещи, но я уверенно двигаюсь вперед, хоть и маленькими шажками.

— Слушай, я знаю, что не могу дать тебе ответы, на все твои вопросы, но, по крайней мере сегодня, я могу подарить тебе это дерзкое приключение. — Он встает, отряхивает песок с джинсов, потом протягивает мне руки.

— Знаешь, я никогда прежде не видела океана. — Пытаюсь придать своему голосу легкость, сделать его флиртующим, чтобы он не догадался, как мне на самом деле страшно.

— Знаю. Ты мне вчера говорила. Ты пыталась выяснить, какой пляж лучше всего добавить к твоему плану путешествий, чтобы ты могла пробежаться по нему и поплавать в океане.

Ну это уж совсем ненормально.

— И у тебя, наверное, было предложение?

— Ла-Пас, — отвечает он прозаично. Точно ненормально. Голова уже совсем кругом от того, что у нас с Беннеттом был разговор, о котором я ничего не помню. Но я не успеваю даже рассердиться, потому что он стягивает футболку через голову. Его руки оказываются еще более мускулистыми, чем я себе представляла, а грудь просто великолепна, думаю, что со стороны видно, как у меня отвалилась челюсть.

Он протягивает вперед ногу и большим пальцем прочерчивает линию на песке, прямо перед нами.

— Это, конечно, не Ла-Пас, но здесь есть песок и вода. — Он широко улыбается и встает в стойку, как перед началом забега. — Занимайте ваше место, Грин.

Вот уж не знаю, рассчитывал ли он, что я сниму лифчик и нижнее белье, но от одной только мысли об этом мое лицо вспыхивает, и местная температура точно не причем. Смотрю на свои босые ноги, на джинсы. Думаю, насколько прозрачной станет моя футболка от воды. Но стоит еще раз посмотреть на воду, пропустить песок между пальцев ног, и решаю не заморачиваться по этому поводу. Делаю выпад.

— Внимание, — он поворачивается ко мне с хитрой улыбкой. — Марш! — кричит он, и мы срываемся с места и бежим так быстро, насколько только можем, пока песок не становится темным, холодным и очень мокрым, и вот уже волны уносят нас от теплого пляжа.

Заплываю в течение. Ныряю. Чувствую, как волны омывают мое тело, когда я врезаюсь в них. Смотрю в сторону и вижу Беннетта, он ныряет, и я следую за ним, позволяя воде обжигать мне глаза. Чувствую вкус соленой воды на языке. Наслаждаюсь каждой минутой этих невероятных ощущений. И очень хочу, чтобы все это никогда не заканчивалось.

◄►◄►◄►

Четыре часа спустя мы возвращаемся домой, судя по часам, прошла всего минута. От чашек с кофе до сих пор идет пар. Вода все еще такая же холодная. А у меня началась сильная тошнота.

— Ты что-то неважно выглядишь. — Беннетт ведет меня к дивану в гостиной и просит прилечь. Его голос, который звучит словно издалека, говорит:

— Я принесу тебе немного крекеров.

Слышу, как открываются и закрываются дверцы шкафа. Беннетт возвращается, неся с собой пачку с соленым печеньем.

Он садится на край дивана, потирает виски и смотрит на меня.

— Интересно. — Он продолжает наблюдать за мной с улыбкой, будто я какая-то неизвестная жидкость в чашке Петри. — У меня болит голова, а у вас с Брук – живот.

Вижу, как белый крекер приближается ко мне, но даже взять его не могу, лишь закрываю глаза, чтобы комната вокруг меня прекратила вращаться. «Господи, пожалуйста» - твержу я про себя. «Пожалуйста, не позволь, чтобы меня вырвало у него на глазах. Пожалуйста. Всего лишь одна просьба». Не знаю, то ли просто потому, что прошло время, то ли действительно вмешались высшие силы, но спустя несколько минут все эти ужасные ощущения уходят, и я снова могу открыть глаза. Беннетт все еще здесь. Выглядит виноватым, и все еще держит в руке тот маленький крекер. На этот раз беру его, откусываю уголочек, а потом пытаюсь откусить побольше.

— Прости меня, — говорит он, смущенно смотрю на него, и хотя мой рот полон, все же пытаюсь что-то сказать.

— Что ты сказала? — спрашивает Беннетт. Выглядит он обеспокоенным.

С трудом сглатываю.

— Это того стоило. — Дарю ему слабую улыбку и беру еще один крекер. Съедаю еще несколько и только потом сажусь, он предлагает мне воды, но просит пить мелкими глотками. Комната уже не расплывается перед глазами.

Провожу ногтем по штанине вверх-вниз и обнаруживаю комочки мокрого песка. Мы дома, за окном холод и снег, а я мокрая и в песке с тайского острова.

— Невероятно. — Энергия начинает потихоньку возвращаться ко мне. Смеюсь и недоверчиво покачиваю головой.

— Это так здорово! — Смотрю на Беннетта и вижу, что его штаны точно в таком же состоянии, что и мои.

Встаю, чувствуя себя уже практически совсем нормально, и мы с Беннеттом поднимаемся наверх, в комнату моих родителей, где я выуживаю из ящика пару старых брюк и футболку отца, отдаю стопку ему и отправляю в ванную комнату.

Остаюсь в комнате одна и стаскиваю с себя одежду. Снимаю футболку и встряхиваю волосами, с трепетом наблюдая за тем, как песок взлетает в воздух и падает на кровать, и все не могу перестать хихикать. Натягиваю пару брюк, плотно обтягивающих мои ноги, и какую-то толстовку, с очередного десятикилометрового забега, который я выиграла в прошлом году, снова сажусь на кровать. Мечтательно вожу ладошкой по песчинкам и думаю о Ко Тао. О теплом солнце и соленом океане, и неожиданно чувствую огромную благодарность за каждую песчинку на моей кровати, на ковре, в волосах, прилипшую к моей одежде, потому что это единственные осязаемые вещи, которые останутся на память об этом чудесном дне.

— Куда это положить? — Голос Беннетта возвращает меня к реальности, оборачиваюсь и вижу его, стоящего в дверях, он просто очарователен в этой толстовке моего отца с надписью «Марафон отцов в Чикаго».

Собираю вещи с пола, которые еще до сих пор в песке, и подхожу к нему.

— Давай я возьму, — говорю я и добавляю его вещи к своим.

Когда прохожу мимо, он аккуратно берет меня за руку.

— Эй…с тобой все в порядке? В какой-то момент мне показалось, что ты грустишь.

— Что ты! Совсем нет. — Я смеюсь. — Просто мне захотелось, чтобы остался какой-то сувенир, например, открытка или что-то вроде того. Но это глупо. Подожди здесь, сейчас вернусь. — И я быстро слетаю вниз по ступенькам, едва касаясь ступнями пола.

Я уезжала из Эванстона!

Я уезжала из страны!

Кладу стопку одежды на сушилку и иду в кухню за пластиковым пакетом.

А еще Беннетт у меня в спальне!

Возвращаюсь в прачечную, внимательно смотря себе под ноги.

Беннетт просто закрыл глаза, взял меня за руки, и мы очутились в Таиланде!

Старательно чищу одежду, стараясь собрать как можно больше песка в пакет и закрывая его на молнию.

А сейчас мы вернулись. И он у меня в спальне!

Закидываю одежду в стиральную машинку и стою, держа пакет с песком в руках, слушаю, как вода наполняет барабан, а мысли возвращаются к вчерашнему вечеру. Вспоминаю выражение лица Беннетта, как дрожал его голос, когда он, пока мы находились в отделе самообслуживания, задавал мне вопрос: «Тебя не пугает то, что я умею делать?». Тогда я не боялась. А теперь?

Меня не пугает, что он может исчезать и снова появляться. Меня даже не пугает, что он может путешествовать во времени. Меня не пугает то, что он умеет делать. Но ведь есть что-то еще, что-то, чего я не знаю, и в этот момент мне кажется, что все внутри у меня скручивается в узел. Все-таки я боюсь. Меня пугает то, что будет дальше. Что бы это ни было, оно может заставить меня задать себе вопрос – а хочу ли узнать его лучше, даже после того, как мы провели сегодняшний день, плавая в соленом океане, где вода буквально держала нас на поверхности. Нет! Оно не может оказаться настолько плохим, чтобы мне не захотелось пуститься в это дерзкое приключение. Тут я представляю Беннетта одного, в своей спальне, и мне очень хочется увидеть его снова. Зажав пакетик с песком в кулаке, бегу наверх по ступенькам, перепрыгивая через одну.

Беннетт стоит перед встроенным стеллажом и изучает мои награды.

— Ух ты! И в скольких соревнованиях ты участвовала?

— В восьмидесяти семи. — Пересекаю комнату и бросаю пакетик с песком на тумбочку. Ударяясь о поверхность, он издает негромкий звук, и я счастлива – это подтверждает, что он настоящий.

Беннетт ходит по комнате, изучает каждую награду, каждую фотографию.

— Просто невероятно. У тебя, видимо, талант к этому.

— Ты, кажется, удивлен?

— Нет. — Он смотрит мне прямо в глаза, и от этого взгляда у меня перехватывает дыхание. — Впечатлен, да. Но не удивлен.

Тут он переключает свое внимание с наград на нечто другое, расположенное между ними – на мои диски. Он идет вдоль полок, проводя пальцами по пластиковым корешкам футляров, пока не останавливается на одном, вытаскивает его, изучает обложку и ставит на место. Облокотившись на стол, наблюдаю, как он изучает мои любимые диски: Blink-182, Cheshire Cat. Bush, Sixteen Stone. The Smashing Pumpkins, Siamese Dream.

— А у тебя внушительная коллекция.

Наверное, со стороны это выглядит так, словно все деньги, заработанные в книжном магазине, я трачу на диски.

— Мой отец и владелец магазина компакт-дисков, который находится через дорогу, - давние друзья. Поэтому мы меняем книги на диски. Для меня это довольно выгодно.

Беннетт отодвигает еще несколько коробок с дисками, пока его пальцы не останавливаются на одной, с ремиксами.

— А это что? — Он достает один из двадцати дисков, раскрашенных фирменными завитушками Джастина.

— Это ремиксы. Мой друг Джастин записывает их для меня. Его отец – владелец того самого магазина компакт-дисков.

Он кивает и тут же отворачивается, так что я даже не успеваю заметить выражение его лица. Пока он продолжает изучать мою музыкальную коллекцию, я включаю стерео, начинает играть песня «Walk on the Ocean»:

«We spotted the ocean

At the head of the trail…»

— О! А я видел этих ребят…— говорит он, не прерывая своего занятия, — в маленьком клубе, в Санта-Барбаре. Они довольно неплохо выступили.

— Ты видел их в живую? — Вообще-то, я и с первого раза услышала, что он сказал, мне просто нужно было что-то сказать. Слушая эту песню, рассказывающую о путешествии к далекому океану и о возвращении домой без единой фотографии в качестве доказательства, тут же вспоминаю уединенный остров Ко Тао и у меня перехватывает дыхание.

— У меня это что-то вроде хобби.

— А кого ты еще видел?

Беннетт пожимает плечами и показывает на полки.

— Почти всех, кто здесь есть. — Видимо, одних путешествий в экзотические страны ему не хватает.

— Серьезно? — Мои глаза скользят по доске для заметок, где приколот одинокий корешок билета с концерта Pearl Jam, и я вздыхаю. Все то, чем я дорожила еще пару дней назад, кажется теперь жалким и тривиальным, если посмотреть на это глазами Беннетта.

Он проследил за моим взглядом и подходит ближе, чтобы изучить корешок.

— Надо же.

— Что такое?

Беннетт резко встряхивает головой, словно пытается избавиться от каких-то неприятных мыслей.

— Да так. Ничего… просто у меня огромная чаша с корешками от билетов. — И он разводит руки, показывая ширину чаши и подтверждая мое предположение. Вероятно, он не может поверить, что я была всего лишь на одном концерте.

И тут он замечает мою карту. Вот теперь я действительно чувствую себя жалко.

Он подходит ближе, останавливается, скрещивает руки и с серьезным видом рассматривает ее, словно в картинной галерее. От чувства неловкости закрываю глаза и практически заставляю себя подойти к нему.

— Папа сделал ее для меня, чтобы я могла отмечать на ней места, в которых мне удалось побывать.

Мысленно возвращаюсь к тому вечеру в кофейне, когда я рассказывала ему о своих планах однажды посмотреть мир, и украдкой наблюдаю за ним. Любопытно, о чем он думает? Хотя нет, я знаю, о чем. Думаю, для человека, для которого не существует границ, один корешок билета и четыре маленьких кнопки - довольно жалкое достижение.

— Как видишь, начало положено.

Но Беннетт все еще смотрит на карту и вдруг произносит:

— Фантастика.

После долгой паузы он отступает назад, чтобы охватить взглядом карту полностью.

— Знаешь, а я ведь никогда не был ни в одном из этих мест.

В ответ я могу лишь рассмеяться.

— Я серьезно, — добавляет он. Ну конечно. Можно подумать я поверю, что он не хотел посмеяться надо мной.

Поворачиваю руки ладонями вверх, словно это чаши весов.

— Давай посмотрим. Сегодня вторник. Мне поехать заняться греблей на каноэ в Баундари-Уотерс или лучше на рафтинг по Амазонке? Амазонка или *Баундари-Уотерс*? — Делаю акцент на последнем направлении, будто оно самое экзотичное и интересное из двух предложенных. — Да ладно, Беннетт, не нужно делать вид, что тебе кажется это фантастическим.

Стараюсь не смотреть ему в глаза, смотрю куда-то сквозь него.

— Говоря по правде, эта карта вызывает у меня грусть. Иногда.

Он подходит ближе, сокращает расстояние между нами, мне кажется, я перестаю дышать, когда чувствую тепло его тела. Толстовка ему большевата и скрывает рельефы его тела, но это не мешает представлять мне его сильные плечи, вспоминать, как его руки сильным взмахом разрезают волны, как они выглядят, когда он выныривает из воды.

— Почему она вызывает у тебя грусть?

Смотрю на него, и чувствую, как стягивает грудь, так старательно я сдерживаюсь, чтобы не высказать свои настоящие желания.

— Четыре кнопки, — наконец-то выдавливаю из себя, фальшиво улыбаюсь и стараюсь не подавать вида, что меня все это беспокоит. Мы молча смотрим друг на друга.

Вдруг Беннетт тянется к коробке с кнопками и вытаскивает одну. Держит ее в руках. Эта крошечная красная кнопка кажется огромной, настолько расстояние между нами сократилось.

— Пять, — произносит он и протягивает руку.

Беру у него кнопку. Смотрю на нее и плотно сжимаю губы, только бы не заплакать.

— Но я ведь даже не знаю, где это, — в итоге произношу я с нервным смешком.

— Вот здесь. — Голос у Беннетта добрый и совсем не снисходительный, он указывает на точку в Сиамском заливе.

Рассматриваю эту точку на карте, размером она не больше булавочной головки, и вот теперь нечто такое крошечное будет для меня связано с четырьмя незабываемыми часами в моей жизни. Потом смотрю на Беннетта, он одет в штаны моего отца, его волосы взъерошены и все еще припорошены песком. Выражение лица у него мягкое и приятное и, мне кажется, даже выражает благодарность. И я не могу избавиться от чувства, что не только он сделал мне сегодня подарок, но я сделала подарок ему.

Рассматриваю кнопку еще раз и подхожу к карте. Все еще пытаясь сдержать переполнявшие меня слезы счастья, трясущимися руками вдавливаю кнопку в крошечный островок Ко Тао.

◄►◄►◄►

Я сделала сэнвичи с сыром, и теперь мы сидим на диване, едим и пытаемся о чем-нибудь поговорить. Беннетт даже не пытается начать рассказ об оставшихся секретах, и мы проводим время за пустой болтовней. Чтобы чем-нибудь нас занять, включаю телевизор и начинаю переключать каналы, но смотреть в будний день в половине третьего дня совершенно нечего. А вот Беннетта это, похоже, совсем не заботит, причем реклама кажется ему намного забавнее идущих по телевизору шоу, почему - объяснить он мне отказывается. Но самое важное то, что его не беспокоит и тот факт, что день наш подходит к концу, а он так и не рассказал мне всего. Мне все еще не известна оставшаяся половина второго секрета.

В итоге драматическим жестом поднимаю пульт, смотрю на него и выключаю телевизор. Тишина наполняет комнату, и Беннетт поворачивается ко мне.

— Я готова услышать вторую часть твоего секрета.

— Неужели для одного дня тебе не достаточно?

Я качаю головой.

— Ну, хорошо. — Он откидывается на подушки и поворачивается лицом ко мне. Он облокачивается одной рукой о спинку дивана, на какое-то мгновение у меня возникает ощущение, что мы снова вернулись в кофейню, чтобы поведать друг другу все свои секреты. Он несмело улыбается мне, и этот небольшой, незначительный жест вызывает у меня огромное желание наклониться к нему и поцеловать, чтобы наконец-то уже покончить с этим. Но я боюсь, боюсь, что если сделаю так, то никогда не услышу оставшуюся часть истории.

Беннетт делает глубокий вдох.

— Я могу попасть в любое место в мире, но моменты, *когда* я могу путешествовать, они…ограничены. Я могу перенестись в другое время, но только в пределах определенных дат.

Он замолкает и смотрит на меня, ждет моей реакции, но ее не последовало, и он продолжает.

— Подожди. — Я прикладываю палец к губам и прислушиваюсь.

— Что такое? — спрашивает он.

Я слышу, как хлопает дверца машины. Если бы это были мама или папа, то они прошли бы через гараж, а значит, это может быть только один человек!

— Эмма, — в панике выдыхаю я. Я пока еще не готова к уходу Беннетта, но и объяснять, почему он сидит сейчас у меня в гостиной, я тоже не готова.

— Не беспокойся. Я сейчас уйду. — Он хватает меня за руку и слегка пожимает ее. — Увидимся завтра, — говорит он, и я вижу, как его рука, которая все еще держит мою, становится прозрачной. А потом и весь он полностью исчезает. Интересно, я к этому когда-нибудь привыкну?

Эмма изо всех сил стучит во входную дверь и для пущего эффекта звонит.

— Иду! — кричу я, заталкивая две тарелки с остатками сэнвичей под диван и осматривая комнату на предмет других признаков, говорящих о том, что этот день я провела не одна. Когда, наконец, я открываю дверь, Эмма чуть ли не вваливается внутрь.

— Боже мой! — кричит она и, бросая рюкзак на пол, сразу же кидается меня обнимать. — Я слышала, что произошло вчера вечером. Ты как? В порядке?

Вчера вечером? Ограбление? Оно что, было вчера вечером?

— Я в порядке. — Еле слышу себя сквозь оглушающее биение сердца.

— Я хотела приехать сюда, как только обо всем узнала, но Доусон застукала меня, когда я пыталась покинуть школу, так что сбежать мне не удалось. — Ее голос высокий и драматический. — Я так беспокоилась. С тобой, правда, все в порядке? Хочешь об этом поговорить?

И она плюхается на диван, как раз на то самое место, где только что сидел Беннетт.

— Вообще-то нет, — говорю я раздраженно. Но один взгляд в горящие глаза Эммы и я понимаю: Эмма-защитница хочет удостовериться, что со мной действительно все в порядке, а вот Эмма-сплетница жаждет знать каждую деталь. А поскольку рассказать ей о том, что этот день я провела на пляже в Таиланде, я не могу, и про Беннетта я еще рассказывать не готова, то думаю лучше посвятить ее во все подробности вчерашнего события.

— Все произошло так быстро.

— Нет, — говорю я самым твердым голосом, на который только способна (между прочим, все утро пришлось тренироваться). — Скажи, что ты это не серьезно?

— Боишься, что я не смогу выдержать темп? — Папа, одетый в зимний спортивный костюм, делает довольно комичные выпады перед холодильником, наверное, именно так и разминались бегуны в пору его молодости.

— Нет. — Я закрываю глаза. — Послушай, я буду бежать только по улице. Я буду держаться в стороне от университетского городка. Правда. — Умоляю я. Указываю на кухонное окно.

— Не нужна мне сиделка. Через несколько минут уже взойдет солнце. Все будет в порядке.

Последнюю фразу произношу, почти хныкая, словно я превратилась в десятилетнюю девочку. Поскорее бы уже прошла эта родительская гиперзабота.

— А ты просто не обращай на меня внимания. — Папа отпивает воду из бутылки и снова делает выпад в сторону. — Со мной не нужно разговаривать, даже смотреть на меня не нужно, я буду просто держаться прямо позади тебя, дочка.

Очевидно, ничто уже не сможет убедить моего отца, что его дочь в безопасности, если ее недавно пытались ограбить, приставив нож к горлу.

— Нет, что ты! Побежим рядом. — Оставляю свой плеер на столике в фойе, и мне его уже не хватает. Мне сейчас очень нужна музыка, чтобы привести свои мысли в порядок прежде, чем я увижу Беннетта в школе.

Мы выходим за дверь и бежим рядом по направлению к озеру. Практически одновременно машем мужчине в зеленом жилете с седым хвостом. Мы четыре раза оббежали трек – через кампус и мимо башенных часов, не так давно пробивших семь. Последние полмили до нашей лужайки я гнала так, что сейчас папа не мог отдышаться – наверное, не стоило так делать.

— Уверен, что все в порядке? — спрашиваю я у него.

Он весь покрылся красными пятнами, но кивает и пытается изобразить на лице улыбку.

— Просто. Здорово. — С отдышкой произносит он. — Почему. Ты. Спрашиваешь?

— Ты перестарался, — браню я его, точно так же, как завтра сделает мама, когда он не сможет двигаться. Встаю рядом с ним и делаю растяжку. — Ну что, в школу со мной тоже поедешь?

— Нет. Это я доверяю Эмме.

— Просто ты еще не видел, как она водит. — Заканчиваю растяжку, встряхиваю ногами и бегу к ступенькам.

— Эй! Анни! — Окликает меня отец, останавливаюсь и поворачиваюсь к нему, положив руки на бедра. Он все еще отчаянно борется с отдышкой.

— Пригласи Беннетта на ужин. Мы с твоей мамой хотим с ним познакомиться. Обязательно.

Мрачно смотрю на него с крыльца.

— Пап. У нас еще не такие близкие отношения. — Сам факт, что он сказал об этом, кажется мне обидным.

— Хорошо. Но если у вас все будет серьезно, мы бы хотели с ним встретиться, — отвечает он своим самым строгим родительским тоном.

◄►◄►◄►

— Доброе утро, дорогая. — Эмма выдает свое обычное приветствие и треплет меня по щеке. — Мой маленький и храбрый друг.

Но я совсем не чувствую себя храброй – очень нервничаю перед встречей с Беннеттом. А еще чувствую себя виноватой, что не рассказала вчера Эмме о нем. Ну и, наконец, очень устала, потому что плохо спала сегодня ночью.

Эмма включает заднюю передачу и начинает выезжать с подъездной дорожки. Папа, стоя у кухонного окна, наблюдает за нами с легкой паникой на лице, в ответ я лишь пожимаю плечами.

— Эм, — начинаю я разговор. — Если я тебе сейчас кое-что расскажу, обещаешь не ругаться?

Она раздраженно смотрит на меня.

— Не понимаю, почему люди постоянно задают этот вопрос. Как я могу не ругаться, если понятия не имею, о чем ты хочешь мне рассказать? — Ее взгляд заставляет меня подумать, что еще чуть-чуть и меня отнесут к категории «Тупых американцев». — Просто говори уже.

Начинаю говорить очень быстро, чтобы не успеть передумать.

— Я тебе вчера не все рассказала об ограблении. — И рассказываю ей об основных моментах, но, естественно, не говорю всей правды. Даже если бы я не обещала Беннетту хранить его секрет, она все равно бы мне не поверила. Поэтому рассказываю историю, которую придумал для меня Беннетт, включая ту часть, когда я выбегаю через заднюю дверь и натыкаюсь на него. Потом я признаюсь ей, что Беннетт вчера прогулял школу, чтобы провести этот день со мной.

— Что? — Она резко выкручивает руль и чуть не ударяет припаркованную рядом машину.

— Черт! Ладно, я в порядке. Я в порядке. — Она внимательно смотрит на меня. — Вы провели *день* вместе.

Я улыбаюсь, вспоминая лицо Беннетта, то, как он нарисовал линию на песке и как мы бежали вместе к океану. В голове у меня прокручивается небольшое кино, словно в замедленном темпе – вот Беннетт плывет в бирюзовой воде, его руки мощно разрезают волны.

Да, мы провели этот день вместе.

И я не могу рассказать своей лучшей подруге о лучших моментах этого дня.

— Просто он беспокоился обо мне. — Чуть ли не пищу я, но, кажется, Эмма ничего не заметила.

— Так вот почему я не видела его вчера на английской литературе…

Кино в моей голове резко остановилось.

— Замечательно. А я даже об этом не подумала. Нас ведь обоих вчера не было на испанском…

Интересно, Кортни уже начала рассуждать об этом вслух?

— Почему бы нам не сменить тему. Давай-ка лучше расскажи мне о том, как вы двое провели целый день в пустом доме. — Эмма приподнимает бровь и переключает свое внимание на дорогу, она заставляет меня нервничать, так может только Эмма.

— Наверное, не очень. Он даже не поцеловал меня. — Отчетливо слышу разочарование в собственном голосе.

— Мы разговаривали, слушали диски, пообедали. Он… — Чуть не произношу «исчез», но вовремя успеваю остановиться. — Он ушел как раз перед твоим приходом.

— И почему же ты мне всего этого вчера не рассказала?

— Папа пришел домой.

Она смотрит на меня и закатывает глаза. Ну началось!

— Конечно-конечно. Вот скажи, у тебя есть телефон? Есть. И у меня есть. Так вот он прекрасно подходит для того, чтобы рассказывать твоей лучшей подруге обо всех интересных событиях твоей жизни, если лично сделать это не получается.

Я даже не успеваю выдавить из себя ни слова извинения, как мы останавливаемся на светофоре на красный свет, и она поворачивается ко мне.

— Анна, вот что ты делаешь? — Сейчас у нее такой голос, какой бывает у моей мамы, когда я не иду сразу же мыть посуду или запихиваю слишком много белья в сушку за один раз.

— Разве он не предупредил тебя, что уезжает? — Она намеренно делает акцент на последнем слове, будто просто его наличия не достаточно.

— Предупредил, — больше ничего произнести не могу. Совсем не хочу, чтобы Эмма напоминала мне о том, какое это сумасшествие - связываться сейчас с Беннеттом.

— И все это ради разбитого сердца? — спрашивает она. — Ради короткого яркого полета, даже если заранее знаешь, к чему это приведет?

Нет. Это не короткий полет. Это мое дерзкое приключение.

— Да, Эм. Ради него.

Эмма закусывает нижнюю губу.

— Добром это не кончится.

Старательно разглядываю коврики в машине. Она права, и я это знаю. Просто правда в том, что сейчас я не смогу остановиться, даже если очень захочу. Я не спала всю ночь, раздумывая, каким будет окончание, но вот прямо сейчас могу думать лишь обо одной вещи: еще будет и середина.

— Он мне нравится, понятно? Ну вот. Наконец-то я это сказала. Он и правда мне очень нравится. — Смотрю ей прямо в глаза. — Может быть, все это и ошибка, но, пожалуйста, просто… позволь мне насладиться происходящим…

Мы сверлим друг друга взглядом.

— Зеленый, — произношу я, указывая на лобовое стекло.

Эмма продолжает пристально смотреть на меня. На газ она так и не нажимает, но кивает в ответ – теперь я знаю, она будет вести себя наилучшим образом. По крайней мере, сегодня. Водитель в машине прямо за нами начинает нетерпеливо сигналить, и Эмма, наконец, выезжает на перекресток. Следующие два квартала мы едем в полной тишине, но я догадываюсь, о чем она думает.

— Что ж. Раз уж мы решили все прояснить, то я тебе вчера тоже кое о чем не сказала. — Ого! Возможно я и поторопилась, сказав, что догадываюсь, о чем она думает. Поднимаю на нее глаза и жду продолжения. — Твой друг из магазина компакт-дисков, Джастин… он вроде как пригласил меня на свидание.

— Джастин? Мой Джастин? — И как только слово «мой» сорвалось у меня с губ, сразу захотелось вернуть его назад. Как бы мне пригодился дар Беннетта изменять некоторые вещи сейчас, когда я сижу, боясь вымолвить хоть что-то, и все чего мне отчаянно хочется, так это вернуться хотя бы на одну минутку назад, чтобы убрать лишние слова.

— Прости, я просто имела ввиду… — Сказать по правде, я даже не знаю, что я имела ввиду. — Просто… Обычно мы вместе с тобой, когда он рядом, и я ни разу не слышала, чтобы он флиртовал..

Пожалуй, пора бы замолчать, пока я не сказала то, что думаю на самом деле: «Мне всегда казалось, что ему нравлюсь я».

— Ну, знаешь, не всегда. Я заезжала иногда в его магазин после того, как отвозила тебя на работу. — Я этого не знала.

— Несколько недель назад мы с ним разговорились о музыке. О, он многое знает о музыке.

Да. Это я знаю. И вообще, я знаю Джастина с пяти лет.

— А потом он пригласил меня выпить кофе, и позавчера вечером мы ужинали.

— Вы ходили ужинать? — спрашиваю я. — Вы с Джастином пошли выпить кофе, а потом поужинали? Почему ты не рассказала мне об этом, ну скажем…на прошлой неделе? Или хотя бы вчера?

Но когда я вспоминаю о том, что и сама ничего не говорила ей о нашем с Беннеттом вечере в кофейне, мне становится немного стыдно. Хотя… учитывая, что из этого все равно ничего не вышло, получилось бы странно.

Она смотрит на меня, будто извиняясь, и виновато пожимает плечами.

— Он сказал, что как-то пытался поговорить с тобой обо мне, когда впервые подумал о том, чтобы пригласить меня на свидание, но… — Тут Эмма умолкает, и я вдруг вспоминаю один из дней в магазине компакт-дисков в прошлом месяце. Джастин тогда хотел меня спросить о чем-то, но я постаралась избежать этого разговора, потому что подумала, что он хотел пригласить меня на свидание. И вот сейчас чувствую себя полнейшей идиоткой: во-первых, потому, что неправильно его поняла, во-вторых, потому, что он и моя лучшая подруга говорили обо мне и, наверное, решили, что со мной что-то не так.

— Я знаю, он твой друг, — продолжает Эмма. — И знаешь, я всегда думала, что ему нравишься ты, но… — Так ей нравится Джастин? Эмма и Джастин? Даже звучит как-то дико. —

Впрочем. Я даже и не думала, что у нас что-то может получиться. Я хочу сказать, что он мне казался милым, но как-то не думала, что мы сможем найти с ним общие темы для разговора.

— Но нашли же.

— Да, думаю, нашли.

И снова повисает тишина. Что-то не припомню ни одного раза, чтобы в машине Эммы так долго было тихо. Через несколько кварталов она снова подает голос:

— Мы планировали вместе провести день в городе в субботу. — Она смотрит только на дорогу, изо всех сил стараясь изображать спокойствие, но ее лицо расплывается в широкой улыбке.

— Это же просто здорово, Эм!

— Ты уверена? — Она поворачивается ко мне. — Нет, правда? Все в порядке? Ну, я имею ввиду, особенно сейчас.

Это, конечно, странно, но да, все в порядке. Да и какое право я имею вмешиваться.

— Конечно, — говорю я, хотя и чувствую небольшую печаль, потому что это Джастин. А это Эмма. И Джастин. И они мои друзья. И прежде, чем успеваю остановить свои мысли, уже подумала о том, как их отношения могут изменить мою дружбу с ними. Вдруг им станет намного интереснее друг с другом, нежели со мной. И с кем из них мне придется перестать общаться, если у них ничего не выйдет. Ну и самой эгоистичной оказалась мысль – а будет ли Джастин продолжать делать для меня ремиксы.

Эмма драматически вздыхает.

— Хорошо. Самое главное, что тебя это не беспокоит. — Ее лицо становится светлее, и она тут же меняет тему, снова переводя ее на меня.

— Значит, ты и Беннетт, — начинает она, в ее голосе опять слышны дразнящие нотки. — И что же будет сегодня в школе?

Я нервно смеюсь в ответ:

— Понятия не имею.

Эмма поворачивает на парковку для студентов и занимает свое обычное место.

— Что ж, скоро узнаешь, — певучим голосом произносит она. Проследив за ее взглядом, я вижу Беннетта – он стоит на лужайке и ждет меня. Мне становится не по себе.

— Бо.Же.Мой. — Эмма фыркает и переключает рычаг в режим «парковка». — Что ты сделала с этим парнем? Только посмотри на него!

Беннетт подстригся. Хотя, на мой взгляд, все еще было довольно длинновато, но выглядит он бодрым и чистым в школьной униформе, без всяких там своих фишек – хотя после вчерашнего дня мне невероятно сложно перестать представлять его в футболке и джинсах, которые великолепно сидели на его бедрах. И тут вдруг я вспоминаю, что его одежда до сих пор лежит в сушке у нас дома, начинаю паниковать, но с облегчением вспоминаю, что сегодня не день стирки.

— Он просто очарователен. — И Эмма слегка машет ему, будто заигрывает, я одергиваю ее руку.

— Ой, да брось! Ты так говоришь просто из вежливости. — Хоть я и знаю, что все это притворство, но все равно благодарна ей за то, что она изменила свое мнение.

Эмма поворачивается и пристально смотрит на меня.

— Я никогда ничего не говорю из вежливости, дорогая. Даже тебе.

— Вот и хорошо. Тогда продолжай вести себя как верный друг и прекрати меня смущать.

Пытаюсь одновременно справиться и с бабочками в животе, и с дверной ручкой, в то время как Эмма выходит из машины и бросает мне через плечо:

— Ах, сегодня определенно будет замечательный день!

Она хлопает дверью и направляется в сторону Беннетта, видимо окончательно отказавшись от любых опасений по поводу моего разбитого сердца.

— Ну, привет! — говорит она ему, и я спешу побыстрее присоединиться к ним, пока Эмма не успела ничего наговорить.

— Я знаю! — Слышу я ее слова, произнесенные с улыбкой. — Наверное, мы впервые разговариваем с тобой с тех пор, как ты приехал сюда?

Как только я подхожу к ним, Беннетт переключает свое внимание на меня. Господи, какой же он красивый!

— Привет! — говорит он. У него такая теплая улыбка, что кажется, снег у него под ногами вот-вот начнет таять.

— Привет.

— Беннетт, я обратила внимание, что тебя вчера не было на литературе, — говорит Эмма. Беннетту приходится отвести глаза от меня и посмотреть на нее. — Ты был болен?

Он опускает глаза, а я кидаю на Эмму предупреждающий взгляд.

— Нет, — отвечает Беннетт, — я провел этот день вместе с Анной. — И он снова смотрит на меня.

Раньше мы делали вид, что практически не знакомы с друг другом, потому что так хотел Беннетт. Теперь же мы с ним уже друзья, только потому, что он решил – мне можно доверить свой секрет, секрет такой невероятный, что я ни за что не поверила бы, если бы не видела своими глазами.

— А.. Понятно. — Эмма смотрит на него, затем переводит взгляд на меня, потом снова на него. — И не подстригайся больше, иначе мне придется придумывать тебе новое прозвище, Лохматик. Увидимся за обедом, Анна.

И она медленно уходит, затем вдруг резко поворачивается к нему и произносит:

— Кстати, насчет обеда. Не хочешь присоединиться сегодня к нам?

— Да, — отвечает Беннетт, не переставая смотреть на меня, я улыбаюсь.

— Лохматик? — спрашивает он, когда Эмма уходит достаточно далеко, чтобы не слышать о чем, мы говорим. — И это лучшее, что она смогла придумать?

Закатываю глаза, смотрю на его прическу и улыбаюсь.

— И все-таки, когда ты успел подстричься?

Он пожимает плечами.

Озираюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто нас не подслушивает. И спрашиваю:

— Ты путешествовал?

Беннетт подходит ко мне ближе и шепчет на ухо:

— Нет, я ходил в парикмахерскую.

Так и прыскаю от смеха.

Окружающие внимательно смотрят на нас – проходят мимо, наблюдают, перешептываются.

— Просто я хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Знаешь, после всего этого… — говорит Беннетт.

— Анна! — Трое моих подруг по команде налетают на нас; не обратив на Беннетта совершенно никакого внимания, они начинают говорить, перебивая друг друга:

— Боже мой! Я слышала об ограблении! С тобой все в порядке? — У всех троих одинаковый озабоченный взгляд.

Ах да! Ограбление! Так вот почему все так странно смотрят на меня. Ну конечно. Студентка их школы оказалась заложницей с приставленным к горлу ножом. Теперь я знаменитость Уэстлейка.

— Да, спасибо, девчонки. Со мной все в порядке.

На их лицах написано облегчение, мы болтаем еще пару минут прежде, чем они быстро обнимают меня и убегают, так стремительно, что одна из них чуть не подскальзывается на льду и не улетает в заросли шиповника.

— В общем, я хотел убедиться, что с тобой все в порядке… учитывая все…

— Да, — улыбаюсь я, — со мной все в порядке. Но я все еще хочу услышать продолжение.

Я жду, *что* Беннетт скажет, но он не отвечает.

— Ты услышишь, — внезапно говорит он.

— Может пора идти в класс, — говорю я. А он одновременно со мной произносит:

— У меня есть кое-что для тебя.

— Правда?

Он роется в рюкзаке и вытаскивает из него клочок бумаги, протягивая его мне. У меня перехватывает дыхание, когда я понимаю, *что* это. И откуда. Смотрю на открытку с Ко Тао и глупо улыбаюсь.

— Ты возвращался? За этим?

Беннетт пожимает плечами и смущенно улыбается:

— Ты же хотела сувенир.

Звенит звонок, мы опаздываем.

— Мне пора поспешить на урок. Увидимся за обедом. — И он разворачивается, чтобы уйти, но я окликаю его:

— Беннетт! — Он поворачивается ко мне.

— Да.

— Твоя одежда все еще у меня. — Черт! Не стоило говорить ему об этом здесь, и я быстро оборачиваюсь, чтобы убедиться, что меня никто не слышал.

Его рот растягивается в довольной улыбке.

— Хорошо. Думаю, мне стоит как-нибудь зайти и забрать ее.

◄►◄►◄►

Сеньор Арготта просит меня задержаться после урока, скрепя сердце отпускаю Беннетта на обед одного. Арготта спрашивает, все ли у меня в порядке, и повторяет для меня некоторые задания вчерашнего урока. Через пять минут уже вхожу в столовую и вижу – Беннетт сидит за нашим столиком с Эммой и Даниэль. И кажется, никакой неловкости не испытывает.

— Ты как раз вовремя, — говорит Эмма, когда я ставлю свой поднос на стол. — Беннетт рассказывает нам о себе.

Тут она поворачивается ко мне и говорит:

— А ты знаешь, что он совсем не любит спорт? — Эмма пожимает плечами и откусывает сэнвич.

— Как я уже сказал, скейтборд – это вообще-то тоже спорт, — отвечает Беннетт.

— Может и так. Но есть и другие варианты, не так ли? Я имею ввиду наш школьный спорт. Футбол. Баскетбол. Бейсбол. Лакросс. Хоккей. Вот эти виды спорта.

— Командный спорт.

— Ну, не обязательно. Например, можно заняться плаванием. Или играть в теннис. Это ведь тоже спорт.

— Или кататься на скейте, — спокойно говорит Беннетт. Мне кажется, я вижу, как вертятся колесики в голове Эммы, когда она пытается придумать остроумный ответ. Краем глаза она смотрит на меня, но я напоминаю ей предостерегающим взглядом, *что* она пообещала мне сегодня утром: быть милой и не смущать меня.

— Конечно, можно и на скейтборде кататься. — Эмма смотрит на меня, ища на моем лице подтверждения, что все сделала правильно, я благодарно улыбаюсь ей в ответ. А сама мысленно желаю, чтобы она помолчала немного. Но она уже снова поворачивается к Беннетту:

— А какое у тебя хобби?

Так… теперь еще и хобби. Смотрю на него и вижу мальчика, у которого нет необходимости ни в хобби, ни в спорте, ведь то, что он умеет, описать невозможно. Но Беннетт, похоже, опять готов начать спорить о скейте, поэтому отвечаю за него.

— Он путешествует, — говорю я, и три головы поворачиваются ко мне. — Он уже практически везде побывал, так ведь?

Внимание снова приковано к Беннетту, он в ответ лишь пожимает плечами, словно ничего важного в этом нет. Так что остаток обеда я провожу за тем, что слушаю, как эти трое с важным видом обсуждают места, где им удалось побывать. Участвовать в этом разговоре мне не хочется. Вместо этого внимательно их слушаю, мысленно делаю себе пометки и начинаю гадать, куда Беннетт может меня перенести в следующий раз.

15

Эмма останавливается возле книжного магазина, чтобы высадить меня, не успеваю даже выйти из машины, а она уже вертит головой, пытаясь разглядеть магазин компакт-дисков через дорогу.

Это уж совсем не нормально для нее.

— Зайдешь? — спрашиваю я, открывая дверь и выходя из машины на тротуар. Наклоняюсь к ней поближе, чтобы услышать ее ответ.

— Не сегодня. Сегодня, стоит заглянуть к нему, он будет скучать по мне, если я этого не сделаю.

Закатываю глаза. Не думаю, что все это в духе Джастина, но, учитывая, что я не заметила, как он проявляет интерес к моей подруге, видимо, я не так уж и много знаю, что в его духе, а что нет.

— Ладно. Тогда увидимся утром.

— Пока, дорогая, — говорит она, и я наблюдаю, как ее машина отъезжает от магазина.

Колокольчики на двери нашего магазина издают привычный звук, но сегодня, услышав его, я невольно вздрагиваю. Обычно звук этих колокольчиков вызывал у меня в памяти приятные воспоминания – вот я прихожу в магазин в субботу утром, чтобы помочь дедушке расставить книги по полкам, вот папа дает мне мой собственный набор ключей и позволяет самостоятельно закрыть магазин вечером. Последние два дня я благодарила полицию за то, что они поймали грабителя, и он не успел унести наши деньги, но сейчас я понимаю, что он украл нечто большее, он украл мои колокольчики.

— Привет, Анни. — Отец стоит за прилавком, что-то подсчитывает на калькуляторе, кучка квитанций около него потихонечку растет.

Чмокаю его в щеку.

— Привет, пап. — Он целует меня в ответ и возвращается к своей бухгалтерии. Никто из нас не признается, что атмосфера в магазине как-то изменилась, но уверена, мы оба это чувствуем.

— Я собираюсь забежать в банк и положить деньги на депозит, — говорит он, не глядя на меня. — Отныне ты не будешь работать по вечерам. Я об этом позабочусь.

Жаль. Мне нравилось работать по вечерам. Наблюдаю за папой – он собирает вместе квитанции, скрепляет их, деньги из кассы складывает в сумку с молнией.

— Я договорился на счет установки сигнализации в выходные. Звучит обнадеживающе? В комплект входит даже пульт управления, так что ты сможешь просто нажать кнопку в любом месте магазина, а система уже сама тут же вызовет полицию.

Сбоку смотрю на него.

— Здорово, еще и пульт будет.

— Ну да, наверное, — смеется он. — Думаешь, это уже перебор?

— Вовсе нет. Мы можем заказать для него подходящую кобуру на кожаном ремне. — Лезу в воображаемую кобуру за невидимым пультом и наставляю его на папу. Он делает то же самое.

— Знаешь, я тут вот что подумал, — начинает отец.

— Ого!

— Наверное, пришло время нанять студентов из Университета для работы в магазине. Ты сейчас очень занята – тренировки для соревнований Штата, да и экзамены уже скоро…

— Через месяц.

— А потом к колледжу готовиться нужно…

— Еще шесть месяцев.

— И хотя я еще толком с ним не встречался, но мне кажется, у тебя появился парень.

— Нет у меня парня.

— Не думаешь, что у тебя могут найтись занятия и поинтереснее, чем торчать почти каждый вечер в затхлом старом магазине? А для студента колледжа это будет замечательная работа.

— Нет, не будет, потому что это уже замечательная работа для меня. Спасибо, пап, но со мной все в порядке. Мне нравится работать здесь. — Кроме того, мне очень нужны деньги для моего «фонда путешествий», и лучше, если я буду зарабатывать их здесь.

Папа обнимает меня.

— Уверена?

— Абсолютно, — отвечаю я, но его шерстяной свитер заглушает мой голос.

Наконец он выпускает меня из своих объятий, натягивает пальто и хватает сумку с наличностью. Не успевает он выйти из магазина, как снова звенят колокольчики.

Поднимаю глаза и вижу, Беннетт идет прямо ко мне.

— Привет.

— Привет, — отвечает он.

Стоим друг напротив друга, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая, что сказать.

— Я рада, что ты пришел, — говорю я, стискивая руки от волнения. — Еще раз хочу поблагодарить тебя за открытку. Это было очень мило.

— Не за что. — Вижу, как Беннетт краснеет – ну в этот раз хоть не я первая, так, для разнообразия. — Я и себе одну взял. Чтобы запомнить тот день.

Беннетт нервничает не меньше меня, и это придает мне уверенности.

— Вообще-то я заглянул, чтобы поздороваться и взять книгу. О Мексике. Для задания Арготты.

— Ну да, точно.

Он следует за мной в секцию «Путешествия», мой палец скользит по корешкам книг, я останавливаюсь, только когда достаю мои любимые. После того, как выбраны шесть или семь книг, я сажусь, скрестив ноги, на берберский ковер и облокачиваюсь на стеллажи.

— Садись, — зову Беннетта присоединиться ко мне, он садится на пол и повторяет мою позу. Тянусь к стопке и достаю первую попавшуюся книгу.

— Эта отстой. Вряд ли там есть фотографии, — откладываю книгу и, просмотрев стопку, достаю другую. Внезапно меня посещает странное чувство «дежавю». — Ого!

— Что?

Буквально минуту смотрю на него.

— А мы не сидели точно так же в тот вечер? Еще до ограбления и до того, как ты все изменил?

— Ну да. Почти точно так же. — Беннетт улыбается. И тут вдруг удивленно смотрит на меня. — Что? Ты что-то помнишь?

— Не знаю. Наверное, нет.

Он выбирает книгу из стопки и открывает ее.

— Эта хороша для бюджетного путешествия, но не то, что нам нужно. — Он улыбается и кладет ее поверх уже отложенной, той, что без фотографий.

А ведь я именно так и сказала бы.

Беннетт берет следующую.

— Здесь дорогостоящие отели и рестораны, так что для нас будет дороговато. Но зато здесь замечательные фотографии.

Точно. Это мои слова. И это уже начинает меня бесить.

Он берет очередную книгу, и уже открывает было рот – видимо, чтобы повторить еще какие-то мои слова – но я тут же прерываю его и говорю:

— Почему бы тебе уже не назвать ту, которую я тебе рекомендовала?

Беннетт протягивает руку, поверх моего плеча тянется к полке и достает книгу.

— Извини. — Его пальцы случайно касаются моей руки, он возвращается на свое место, но в этот раз оказывается чуть ближе ко мне, чем раньше. Настолько близко, что наши колени почти соприкасаются.

— Вот твоя любимая.

Я одобрительно киваю.

— Много деталей. Живые фотографии. Есть описания бюджетных отелей, но это не хостелы или что-то вроде того. Есть предложения для трехдневных туров, пятидневных туров, а также для тех, кто хотел бы остаться в стране подольше, так что нам нужно просто собрать все…

— Я хочу услышать оставшуюся часть второго секрета.

Беннетт буквально мгновение внимательно смотрит на меня.

— На чем я…

— Ты можешь изменять незначительные детали в прошлом, чтобы повлиять на результат, но никогда не меняешь все событие целиком. Ты можешь переместиться в любое место в мире и в другое время, но только в пределах определенных дат.

Беннетт пораженно смотрит на меня – удивлен, что я так точно запомнила его слова. Но как я могу их забыть? Они всю ночь крутились у меня в голове.

— Точно. — Он слегка улыбается. — Я могу путешествовать только в пределах дат, относящихся к моей жизни. Я не могу переместиться в день, предшествующий дню моего рождения и не могу переместиться ни на секунду вперед текущей даты и текущего времени. Однажды я попробовал, и у меня получилось, но что-то пошло не так. С тех пор я пробовал тысячу раз, но больше ничего не происходило.

Я представляю линию жизни у себя в голове, начиная от года его рождения до сегодняшнего дня.

— Получается, что ты не можешь перемещаться в даты ранее 1978 года и после сегодняшнего дня?

Беннетт берет один из путеводителей по Мексике и начинает перелистывать его страницы, старательно избегая моего взгляда.

— Вообще-то я могу переместиться в день и подальше сегодняшнего.

— Я думала, что ты не можешь. Тогда как… — Что-то не могу понять. И Беннетт как-то не очень мне помогает. — Ладно, давай спрошу по-другому: как далеко после 1995 года тебе удалось переместиться?

Беннетт тяжело вздыхает. И по-прежнему избегает моего взгляда.

— В 2012 год.

— Но разве этот год не находится за линией твоей жизни?

Он смотрит на меня так, словно ответ на этот вопрос совсем не положительный, чувствую, как желудок начинает сжиматься.

Брови Беннетта подняты, словно ждет, когда я сама все пойму.

— Постой-ка.. когда ты родился?

Мне кажется, что проходит целая вечность прежде, чем я получаю ответ.

— 6 марта 1995 года.

Пристально смотрю на него.

— То есть ты родился в прошлом месяце.

— Да, знаю.

— 6 марта 1995 года?

— Да.

И вот тут до меня доходит. Фотографии в гостиной его бабушки. Фотография в рамке с изображением ее дочери и сына. По имени Беннетт.

— Не может быть! — Беннетт все еще старается не смотреть на меня. — Так значит, фотографии на каминной полке в доме Мэгги… — Не сразу осознаю, что произнесла эти слова вслух, но, видимо, произнесла, потому что Беннетт, наконец-то, поднимает на меня глаза и кивает.

— Так Мэгги – твоя бабушка?

Он снова кивает.

— А настоящий ты… — Никак не могу заставить себя произнести слово «младенец». — Сейчас в Сан-Франциско. — Так вот почему в доме Мэгги нет фотографий взрослого Беннетта.

— Ну и это тоже настоящий я. — Беннетт бьет себя по руке, чтобы доказать, что она твердая. И смотрит на меня. — Но, да. В 2012 году мне семнадцать. А вот в 1995, формально… нет.

И тогда я представляю себе уже другую линию жизни. Она начинается в 1995 году и заканчивается в 2012.

— А как же… тот другой ты? Тот, что на фотографиях.

— Думаю, другой я все еще в Сан-Франциско, наверное, лежит в колыбели, уставившись на игрушки-погремушки.

Слегка отшатываюсь, Беннетт сбоку смотрит на меня. Старательно пытаюсь выбросить все, что только что услышала, из головы и сделать вид, что наличие Беннетта-малыша меня не слишком шокирует. Но, видимо, все-таки выгляжу озадаченной, потому что Беннетт решает пояснить:

— Вообще-то я могу находиться в разных местах в одно и то же время, но не в одном и том же месте в одно и то же время.

— А что случится, если ты окажешься? В одном и том же месте в одно и то же время.

— Ну, я никогда не позволял такому произойти случайно. Но если я делаю это намеренно, то первый «я» исчезаю и тогда «я» нынешний занимает его место, как это произошло в момент ограбления. Так и происходит замена.

Теперь уже я беру книгу и перелистываю страницы.

— Так ты мне солгал насчет болезни твоей бабушки?

— Не совсем, у нее и правда болезнь Альцгеймера, просто… в 1995 году ее еще не было.

— Тогда почему она считает тебя студентом Северо-Западного университета? — Поднимаю на него глаза.

Беннетт вздыхает.

— Просто я так сказал ей, когда снимал комнату.

Рука Беннетта прижимается к моему плечу, но я отодвигаюсь от него подальше и начинаю нервно дергать нитку, торчащую из ковра, стараюсь унять участившееся дыхание.

Он может переноситься в будущее после 1995 года потому, что именно с этой точки и начинается *его* будущее.

Он живет у женщины, которая даже не подозревает, что он – ее внук.

Да и вообще, его не должно быть здесь в 1995 году!

— Сейчас ты в своем прошлом, — заявляю я.

— Да.

— Как долго ты оставался где-нибудь в прошлом? — Закрываю глаза, не могу смотреть на Беннетта.

— Тридцать шесть дней, — чуть слышно выдыхает он.

— И когда они истекают?

Возникает пауза.

— Завтра будет ровно тридцать шесть дней.

Еще крепче закрываю глаза. Не уверена, что способна такое вынести.

А ведь я еще даже не слышала всего остального. Не знаю, о чем он бормотал в тот вечер в парке, как он попал сюда, откуда он пришел, и, вообще, что он делает в Эванстоне. Почему он предполагал пробыть здесь только месяц, но все еще здесь.

Наконец все-таки открываю глаза и смотрю на него.

Я на шестнадцать лет старше него. Но это не так.

Он на год старше меня. Нет. И это не так.

Беннетт смотрит мне прямо в глаза.

— Послушай. Я знаю, все это звучит довольно дико. И хотя я рассказал тебе второй секрет полностью, тебе все же известны только два из трех. — Он смотрит на потолок и молчит какое-то время прежде, чем снова перевести взгляд на меня.

— Дело в том, что меня не должно быть здесь, Анна. Ни в Эванстоне. Ни в 1995 году. Я не должен знать тебя, Эмму или Мэгги. Не должен ходить в эту школу, делать домашние задания или зависать в вашей кофейне.

Тут Беннетт берет меня за руки, словно собирается перенести нас куда-то, но мы не покидаем комнату, а лишь садимся ближе друг к другу.

— Я нигде не остаюсь. Я посещаю, наблюдаю и ухожу. Я *никогда* не остаюсь.

Не знаю, что теперь мне делать со всей этой информацией. Сказать, чтобы он уходил? Или чтобы остался? Но у меня не оказалось времени, чтобы придумать еще какие-то варианты, потому что Бенннетт стремительно приблизился ко мне, я оказываюсь притиснутой к шкафу, он берет мое лицо в свои ладони и начинает страстно целовать меня – словно он *хочет* быть здесь, словно, если он долго и страстно будет меня целовать, то все, о чем он только что мне рассказывал, никогда не станет правдой. Но я знаю, что все это правда, что невероятно глупо испытывать чувства к кому-то, кто даже не принадлежит к этому времени, к кому-то, кому даже не нужен самолет, чтобы уехать отсюда, и все же мои руки отрываются от ковра, находят его спину, притягиваю Беннетта к себе. Потому что сейчас он здесь. А я вполне уверена, что не хочу, чтобы все это заканчивалось. Никогда.

Вдруг он отодвигается от меня.

— Извини.

— Ничего. Все в порядке, — говорю я и пытаюсь выровнять дыхание.

— Нет. Ничего не в порядке. Я это не планировал – мне не следовало усложнять все еще больше. — Беннетт встает, запустив руку в волосы. — Мне нужно идти. Извини.

— Беннетт. — Я пытаюсь улыбнуться, пытаюсь не подавать вида, что все только что произошедшее слегка выбило меня из колеи, но он даже не смотрит на меня.

— Все хорошо. Беннетт, пожалуйста, не уходи.

Но он уже вышел, оставив меня наедине со своим вторым секретом и словами, которые произнес перед тем, как поцеловать меня: «Я никогда не остаюсь».

— Эй, Анна. Подожди! — Кортни захлопывает свой шкафчик и идет за мной. — Ты уже закончила свой план?

— Еще нет. — Попав в группу студентов, толкущихся возле шкафчиков, мы чуть ли не сталкиваемся друг с другом, но пройдя их, расходимся вновь. — Я работаю над ним. А как твой?

— Хорошо. Я вот тут вчера подумала, что нужно, наверное, добавить какие-нибудь развалины – в общем что-нибудь… образовательное. — И она смотрит на меня такими глазами, словно ждет, что я с ней соглашусь, поэтому я киваю. — Но пляжи там просто восхитительны. Клянусь, я бы провела все время, валяясь на различных пляжах.

— Ну тогда оставь только пляжи.

— А у тебя будут пляжи?

— Будет несколько. — На самом деле я сама еще до сих пор не знаю, что будет у меня в плане. Вчера вечером я пыталась продолжить свой жалкий список из двух колонок, который начала составлять еще в прошлый вторник, но большую часть времени я отвлекалась на путешественника во времени, который только посещает и никогда не остается. На невероятного, красивого парня с глазами, которые я еще не скоро смогу выбросить из головы, с телом, от которого мне совсем не хочется находиться далеко, и с руками, которые способны перенести меня куда угодно со скоростью мысли. На парня, которого не должно быть в 1995 году и который сидел вчера вечером на полу в моем магазине, словно лучшего места в мире нельзя было найти, и целовал меня так, словно нет в мире больше никого, кого можно было бы так целовать. На парня с секретами, один из которых пока так и остался нерассказанным.

— А что еще будет у тебя в плане? — невинно спрашивает Кортни, будто мы не участвуем в одном и том же конкурсе за приз в виде чека в 500 долларов.

Ее слова возвращают меня в школьный коридор, и я задумываюсь, что ей ответить.

— Ну… у меня множество… — начинаю я, но тут же снова теряю мысль, потому что вижу Беннетта, такого милого и немного лохматого, который оперся на шкафчики напротив кабинета Арготты и явно ждет меня. Стараюсь не сбиться с темпа, идя рядом с Кортни, хотя сердце у меня так и выпрыгивает из груди.

— Чего? Развалин? Я так и знала, что у тебя будет множество археологических мест. Наверное, и мне стоит… — Но после этих слов я уже больше ничего не слышу, мы поравнялись с Беннеттом, и я останавливаюсь. Сердце начинает биться еще сильнее.

— Привет, — говорит он и дарит мне свою невероятную улыбку, так что для меня Кортни совсем исчезает, словно ее никогда и не было, а я изо всех сил стараюсь не выглядеть безумно счастливой.

— Привет. — Ну вот, теперь еще и руки трясутся.

Кортни, тем не менее, все еще здесь, и я вижу, как она притворно оглядывается вокруг, словно пытается понять, откуда же возникли эти искры. Она переводит взгляд то на меня, то на Беннетта, и на губах ее возникает легкая загадочная улыбка.

— О, как интересно, — говорит она и направляется в класс с насмешкой на губах. — Прошу меня извинить.

— Мы можем поговорить? — спрашивает Беннетт.

Кошусь на дверь, ведущую в класс.

— Но ведь испанский вот-вот уже начнется.

— Я знаю. Идем. — Он проводит меня через боковую дверь школы, и мы идем по дорожке, спрятавшейся в зарослях кустарника, где-то в отдалении звенит звонок. Мы взбираемся по склону к растущим на его вершине деревьям и останавливаемся у самого высокого. Беннетт усаживается под ним и хлопает по земле, приглашая меня сесть рядом. Когда я сажусь, то сразу же понимаю, где мы находимся. Отсюда хорошо видна стеклянная стена столовой, даже можно разглядеть наш столик.

— Я просто хотел извиниться… снова… за прошлый вечер. — Он поднимает какой-то камешек и нервно теребит его в руках. Потом поднимает на меня глаза, такой грусти на его лице я еще никогда не видела. — Просто… мне столько раз хотелось тебя поцеловать.

Я наклоняюсь еще ближе к нему, надеясь, что ему захочется поцеловать меня еще раз, но вместо этого он отклоняется назад и опирается на ствол дерева.

— Каждый раз напоминаю себе, что нужно сдерживаться, потому что по отношению к тебе это будет нечестно. Я не хочу все усложнять. Понимаешь? Хотел бы я все тебе рассказать, и позволить тебе самой решать, что ты обо всем этом думаешь. Что чувствуешь ко мне.

— Я знаю, что чувствую, — говорю я, сокращая расстояние между нами, которое он создал минуту назад, хотя для этого и понадобилось все мое мужество. — Но тебе в любом случае лучше все мне рассказать, чтобы я могла решить…

Ободряющее улыбаюсь ему, чтобы он понял - я готова его выслушать. Хотя и знаю, что здесь замешана девушка. Пусть это и было почти месяц назад, но я так и не забыла, как он выглядел той ночью в парке – как он раскачивался взад-вперед и бормотал, что ему нужно ее найти. И как он рассказал мне потом в кофейне, кто-то пропал, и это его вина.

— Я потерял сестру. — Мои глаза раскрываются от удивления. — Мы с Брук ходим на концерты. Нам нравится проводить так время.

Брук. Не сразу я поняла, что речь идет о маленькой девочке с темными волосами и челкой, держащей на руках маленького братика на одной из фотографии в доме Мэгги. Его сестра. Которой два года. Или все-таки девятнадцать.

— Для нас это стало своего рода хобби. Я выбираю группы, которые мне нравятся, и нахожу их самое раннее выступление, на какое только могу попасть. А Брук всегда путешествует со мной.

Вижу, что ему трудно говорить. Такое впечатление, что рассказ о том, как он спас мою жизнь, или о том, что он на самом деле не из 1995 года, были всего лишь подготовкой к самому сложному – к рассказу о Брук.

— Помнишь, я говорил тебе, что могу путешествовать только в пределах линии своей жизни.

В ответ только нервно смеюсь.

— Да уж, сложно это забыть.

— Каждый раз, когда я пытался переместиться в дату раньше дня моего рождения, это не срабатывало. Закрываю глаза, представляю дату и… ничего не происходит. Но Брук так хотела попасть на это шоу, что все-таки убедила меня попробовать еще раз. Это был просто эксперимент. Никто из нас и не предполагал, что может что-то получиться. — Беннетт улыбается своим воспоминаниям. — В общем, мы взялись за руки, закрыли глаза, я представил место, куда мы хотели попасть, и дату в 1994 году, и…

— У тебя получилось?

— Да, но только на пару минут. Вот только что я был там, и вдруг меня там уже нет. Меня выбросило обратно в Сан-Франциско.

— Выбросило?

Беннетт пожимает плечами, словно это всего лишь небольшое неудобство.

— Обычно я полностью контролирую, куда и в какое время я отправляюсь, но тут я нарушил границы, всеобщие временные правила. И видимо, меня вернуло туда, где мое место.

— Но если ты отправился туда вместе с Брук, почему тогда тебя выбросило, а ее нет?

— Я не мог оставаться потому, что в марте 1994 года меня еще не существовало.

Внимательно смотрю на него, ожидая продолжения.

— А Брук могла. Потому что родилась в 1993 году.

— Ого! Серьезно? — задаю я вопрос, Беннетт в ответ кивает. — И куда же ты ее перенес?

— 10 марта 1994 года. Стадион Чикаго. — Он смотрит мне прямо в глаза и спрашивает: — Тебе ни о чем не говорит эта дата?

Задумываюсь. 10 марта. Прошлый год. 10 марта. Что-то не понимаю, о чем он говорит.

— Корешок от билета, — произносит он. — У тебя на доске над столом. Pearl Jam. Это не было какое-то особо крутое шоу. Брук просто хотелось прослушать их песни с альбомов «Ten» и «Vs.».

— Надо же. — Произношу я те же самые слова, которые он сказал, увидев у меня корешок от билета. — Я была там. С Эммой. Мы были там.

— Уж в любом случае дольше меня. У меня не хватило времени даже, чтобы купить футболку.

Видимо, предполагалось, что здесь я должна была рассмеяться, но я лишь продолжаю недоверчиво смотреть на него.

— Как ты собираешься вернуть ее обратно?

— Точно не знаю. Сперва я подумал, что нужно вернуться в самую раннюю дату, какую только могу – в 6 марта 1995 года – Брук могла бы пожить годик у Мэгги и подождать меня там.

Но у Мэгги ее не оказалось, и, судя по всему, никогда и не было. Поэтому мне остается только оставаться здесь и ждать, может она сообразила, что я жду ее в марте 1995 года, или что время само все расставит по местам и выбросит ее обратно в 2012 год, … или куда-нибудь еще, между сейчас и потом…

— Боже, как же, наверное, она напугана. — Я представила себе, как Брук бродит по улицам, потерянная во времени в поисках пристанища.

— Я знаю Брук, может сначала она и была слегка шокирована, но у нее с собой достаточно денег, хватит, чтобы выжить. Думаю, с ней все в порядке. А вот мама моя от этого не в себе, и, конечно же, винит во всем меня. Хотя, может она и права, и я не способен справиться со своим «даром».

Даже не знаю, что тут можно сказать.

— Как бы то ни было, вернулся я один и был настолько потерян, что пришлось сообщить об этом родителям и о том, что на поиски нужно время. Мама настаивала на том, чтобы я вернулся и оставался здесь до тех пор, пока не найду Брук. Но я объяснил ей, что смогу оставаться здесь только несколько недель, так что она заставила меня перенести в Эванстон отца, чтобы он записал меня в школу, где она когда-то училась.

Слышу горечь в его голосе.

— Вот поэтому я здесь. Иногда возвращаюсь домой, чтобы проверить, как там дела.

Мигрени. Расскачивание. Бормотание «Я должен найти ее. Я не могу еще уйти». Теперь все становится понятным.

— Значит, тогда ты вернулся из Сан-Франциско?

— Да. Я делал так множество раз в первые две недели. Просто исчезал из Эванстона и переносился в свою комнату в 2012 году, затем снова закрывал глаза и заставлял себя возвращаться сюда. На самом деле, в тот вечер, когда ты пришла к Мэгги, я только что вернулся. И выгнал я тебя только потому, что боялся, что меня может выбросить назад. Но этого не произошло. Было больно, но я смог остаться здесь, и с тех пор меня пока не выбрасывало.

Я вспоминаю тот свой визит – кофейные стаканы и бутылки из-под воды разбросаны по его комнате, помню, как он смотрел на меня там, в гостиной у Мэгги. Не удивительно, что он повел себя тогда так странно, когда обнаружил меня у себя в доме, болтающей с его бабушкой и рассматривающей фотографии его двухлетней сестры. Не удивительно, что выставил меня.

— То есть ты останешься здесь до тех пор, пока не найдешь Брук? — Беннетт кивает, мне становится не по себе. Но я ведь знала, что так и будет – просто где-то глубоко в душе запретила себе об этом думать, - с тех самых пор, как мне стал известен его секрет, я знала, что он не может остаться.

— Пора возвращаться в класс. — Он берет меня за руки, и я, не задумываясь, закрываю глаза. Но мы никуда не перемещаемся. Прохладный ветер продолжает обдувать мое лицо, я слышу его голос:

— Анна. — Открываю глаза и вижу, что он, не отрываясь, смотрит на меня. — Нам не стоило сближаться. Я бы очень хотел, но для тебя в этом случае многое поставлено на карту, даже больше, чем ты можешь себе представить.

Чувствую, что киваю. Беннетт наклоняется ко мне и нежно закрывает мне глаза. Он снова берет меня за руки, и я начинаю чувствовать, как знакомо скручиваются мои внутренности.

Когда я вновь открываю глаза, мы стоим у дорожки, теряющейся в зарослях кустарника, а у меня опять крутит живот. Беннетт лезет в рюкзак и достает небольшой пакет с солеными крекерами, начинаю их есть, откусывая маленькими кусочками. Потом он выуживает из

рюкзака бутылку воды, откручивает крышку и осушает ее практически одним глотком. Кладет пустую бутылку обратно в рюкзак, и мы проходим через двери в школьный коридор. Беннетт останавливается на том же самом месте, где мы стояли не так давно. Заглядываю в класс и вижу, как Кортни занимает свое место.

— Теперь ты знаешь все мои секреты.

Киваю и тайком оглядываю коридор. Мы вернулись обратно в тот же самый момент.

— Пообещай, что подумаешь обо всем, что я рассказал, ладно? И задавай мне вопросы, если нужно.

Вопросы? Да у меня куча вопросов! Все, что мне сейчас нужно, так это оказаться с ним наедине в каком-нибудь уединенном месте, где никто не сможет нас прервать и где мы могли бы оставаться до тех пор, пока я не пойму, что, черт возьми, он имел ввиду, когда сказал, что для меня многое поставлено на карту.

Беннетт уже развернулся, чтобы войти в класс, но тут я хватаю его за руку.

— Постой! Когда мы снова сможем поговорить? — Уж что-то, а сидеть все выходные в нервном ожидании, когда же судьба опять сведет нас вместе, я не собираюсь.

— Скоро, — говорит он и улыбается. Потом заходит в класс, а я следом за ним, хоть я и полностью погружена в свои мысли, тем не менее замечаю все, что происходит вокруг. Вот сеньор Арготта занял свое привычное место в начале кабинета, склонившись над учительским столом. Через парту от меня сидит Алекс со своими неприлично белыми зубами. Кортни с первой парты в первом ряду многозначительно поглядывает на нас с Беннеттом. И как только раздается звонок, слегка подмигивает мне.

◄►◄►◄►

— Хотите услышать последнюю сплетню? — спрашивает Эмма, ставя свой поднос на столик и присаживаясь.

Даниэль откидывает волосы и поворачивается к ней.

— А что за сплетня? — Глаза у нее так широко раскрыты, что, кажется, вот-вот выскочат и покатятся по столу. — И о ком?

— Об Анне… — мурлычет Эмма. — И о Беннетте.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, то я ухожу. — Я облокачиваюсь на спинку стула и вгрызаюсь в яблоко. Совсем не хотелось быть предметом сплетен, но сейчас я даже благодарна, что есть возможность подумать о чем-то другом, кроме путешествий во времени и 19-тилетней девушке, оказавшейся во временной ловушке.

Поворачиваюсь на своем стуле и нахожу глазами Беннетта, он стоит в очереди за ланчем, наполняет свой стакан кока-колой. Эмма следит за моим взглядом, видит Беннетта и лукаво мне улыбается.

— Люди говорят… Неужели тебе совсем не интересно узнать, что они говорят, пока он еще не подошел к нам?

— Неа. — Я не выгляжу заинтересованной потому, что так оно и есть. — Совсем не интересно.

— Ну и хорошо, — говорит она нараспев.

— А мне все равно, — также нараспев отвечаю я и снова откусываю яблоко.

— Я слышала, что он живет с бабушкой, — произносит Даниэль, я перестаю жевать. Мы с Эммой одновременно поворачиваемся к ней. Потом Эмма переводит взгляд на меня.

— Это так? — Она морщит нос. Не понятно, то ли она шокирована этой информацией, то ли ее просто раздражает, что кто-то узнал об этом раньше нее.

— А как ты узнала об этом? — спрашиваю я у Даниэль, но тут же замолкаю, понимая, что прозвучало это как-то очень уж оборонительно, и пытаюсь выдавить из себя улыбку.

— Джулия Стеферд мне сказала.

— Аа. Джулия. — Сейчас мой голос звучит мягко и обыденно, пришлось приложить массу усилий, чтобы он так звучал. Снова откусываю яблоко, пытаюсь еще больше создать видимость, что эта тема меня совсем не волнует. — А Джулии откуда это известно?

Даниэль складывает ладони в молитвенной позе и склоняет голову к пальцам.

— Пончик не умеет хранить секреты. — Она смеется и откусывает сэнвич.

— Умно.

— Так это правда? — спрашивает Эмма.

Убираю с лица следы раздражения и говорю спокойным и уверенным голосом:

— Да. Ее зовут Мэгги. И Беннетт заботится о ней.

— Ой, как это мило, — произносит Даниэль, благодарно ей улыбаюсь.

— А где же его родители? — шепчет Эмма, наблюдая за тем, как Беннетт пересекает столовую. — Разве им не пора было уже вернуться?

Лучше бы она об этом не упоминала, потому что я вдруг понимаю, что мне не известна его легенда. До того, как рассказать мне все свои секреты, Беннетт говорил, что его родители путешествуют по Европе. Но что он рассказал о своей семье в школе, я не знаю, но уж точно не оставлял для экстренной связи телефоны людей, которые живут в 2012 году.

Поворачиваюсь на стуле и вижу, как Беннетт подходит к нам.

— Спроси у него сама, — говорю я, указывая на него. Будем надеяться, что у него найдется подходящий ответ.

— Привет, — здоровается Беннетт, ставя поднос на стол.

— Привет, — одновременно откликаются Эмма и Даниэль, со слишком уж большим энтузиазмом.

По крайней мере, эти двое были так любезны, что позволили Беннетту пару раз откусить свой сэнвич прежде, чем начать свои расспросы. Но вот Эмма поднимает брови и многозначительно смотрит на Даниэль. Игра началась.

— Итак, Беннетт. — Даниэль складывает руки на стол. — Я слышала, что ты живешь с бабушкой.

Он отпивает глоток из своего стакана и кивает, кажется, его ни сколько не смутил тот факт, что она лезет в его личную жизнь.

— Мои родители в Европе, и пока их нет, я живу с бабушкой.

— Здорово, — подключается Эмма, — но я думала, что ты пробудешь здесь только месяц. Они решили задержаться в Европе подольше?

— Да. Так что я пока не знаю, как долго я еще остаюсь здесь.

Пока они разговаривают, я думаю о Брук, гадаю, где же она может быть и что сейчас делает. В голове мелькает эгоистичная мысль – хорошо бы она замечательно проводила время и не торопилась возвращаться в 2012 год.

— Мой отец сейчас работает над каким-то крупным проектом в Женеве, — рассказывает Беннетт.

Я улыбаюсь и закатываю глаза, он подмигивает мне.

И дальше они начинают обсуждать, как же красива Женева.

— Итак, — решаю впервые вторгнуться в их разговор, — как проходит аукцион?

Так-то лучше. Теперь уже мы вместе с Беннеттом сидим и наблюдаем за тем, как, перебивая друг друга, с восхищенными интонациями и употреблением разных словечек типа

«самый клевый» или «самый знаменитый», разговаривают Эмма и Даниэль. Пока они болтают без умолку, Беннетт периодически бросает на меня взгляды, словно пытается понять, о чем я сейчас думаю, но это невозможно – я и сама не знаю, о чем думаю. Может какая-то мысль и придет мне в голову, но сейчас, все, что меня волнует, - это то, что Беннетт сидит рядом, а у меня такое ощущение, что его место именно здесь.

Звенит звонок. Эмма и Даниэль поднимаются со своих мест и идут к мусорным бакам, не прекращая разговора. Мы с Беннеттом идем следом за ними, его рука случайно касается моей, и он тихо шепчет мне:

— Какие у тебя планы на завтра?

Думаю, что он даже не заметил, что Эмма и Даниэль сразу же прекратили разговаривать.

— Завтра вечером?

— Нет. Завтра. Весь день. — Он улыбается и добавляет: — Или я много прошу?

Никаких планов на завтра у меня нет. И мысль о том, чтобы провести столько времени с Беннеттом, с трудом укладывается у меня в голове. Я радостно улыбаюсь.

— Нет. В смысле, у меня нет планов на завтра.

— Замечательно. Тогда я заеду за тобой в восемь?

— Утра?

— Да.

Даниэль издает тихий смешок, Эмма хватает ее за локоть.

— А куда мы пойдем?

— Это сюрприз.

Снова начинаю радостно улыбаться, а может и вовсе не переставала. В любом случае, говорить мне сейчас явно трудно.

— Ах, да. И надень свою одежду для бега.

— Зачем?

— Это тоже сюрприз. Извини, мне пора. — Миновав Эмму, он бросает свой поднос в мусорный бак и стремительными шагами направляется к Пончику. Пока он не скрывается из виду в коридоре, никто не произносит ни слова.

Потом Эмма поворачивается ко мне и произносит тонким голосом:

— Ой! Это было так мило!

— Да, но причем здесь одежда для бега? — спрашивает Даниэль.

Эмма опустошает свой поднос и упирается рукой в бедро.

— Ну разве это не очевидно? Он повезет ее на стадион и заставит бегать, а сам будет наблюдать с трибун.

И она чуть не лопается от смеха.

— Да замолчи ты! — Сильно толкаю ее в плечо, но смеяться она не перестает.

— Да, он действительно милый, — глубокомысленно изрекает Даниэль.

— Ну да, — соглашается Эмма.

— Но я все еще наблюдаю за ним, — произносит она, словно является членом британской разведки, — хотя думаю, мы поладим.

— И так мило, что он заботится о своей бабушке, — добавляет Даниэль.

Тут Эмма смотрит на меня так, словно ее только что озарило.

— Ха! Да у нас с тобой у обеих завтра свидание! Встречаемся в воскресенье утром. В кофейне. Сравним.

17

Ровно в восемь утра у моего дома останавливается голубой внедорожник, я с грохотом опускаю окно и спускаюсь вниз. Уже в сотый раз перебираю в уме варианты, куда Беннетт собирается меня перенести. Раньше я надеялась, что он магическим образом перенесет нас в Париж, но после его странной просьбы всю ночь изучала места, для посещения которых может понадобится спортивный костюм. Швейцарские Альпы? Мачу Пикчу? Борнео? На самом деле мне было абсолютно не важно, куда мы перенесемся, просто удивило его требование к одежде.

В дверях сталкиваюсь с отцом, он пожимает руку Беннетту, а сам смотрит на меня упрекающим взглядом. Да уж. Когда вернусь вечером домой, мне выскажут все по поводу того, что я не представила их надлежащим образом. Он читает Беннетту лекцию о безопасном вождении и напоминает, что меня следует привезти домой до того, как стемнеет. Наконец, мы идем к двери, отец провожает меня глазами и шепчет одними губами «ужин». Я киваю и закрываю за собой дверь.

— Это твоя машина?

Беннетт открывает дверцу новенького джипа Grand Cherokee и ждет, когда я залезу внутрь. В принципе ожидаемо. Ведь все те, кого я знаю, водят машины слишком дорогие для учащихся старших классов.

— Это машина Мэгги. — Внутри все очень опрятно, даже чувствуется запах салона нового автомобиля. Беннетт закрывает за мной дверь, обходит машину, залезает на водительское сидение и поворачивает ключ в замке зажигания. Машина с урчанием заводится.

— Готова? — спрашивает он меня, пока еще не трогаясь с места. Облокачивается на спинку кожаного сидения и склоняет на бок голову, наблюдает за мной, пока я пытаюсь прочитать на его лице хоть какие-то подсказки.

— Конечно. И куда мы направляемся?

— В путь. — Он пристегивает ремень и улыбается мне.

— Мы поедем на машине? И как далеко?

— Около трех часов в одну сторону. — Беннетт смотрит через плечо на дорогу и начинает выезжать с подъездной дорожки.

— Ехать…а куда именно?

Он поднимает брови и мрачно смотрит на меня.

— Это все еще сюрприз.

— Мне еще нужно с собой что-нибудь взять?

Беннетт внимательно рассматривает меня сверху донизу. Я одета в длинные брюки для бега, кроссовки и флисовую кофту на молнии. Все, как он и просил.

— Нет. Ты великолепна.

— Хорошо. Тогда почему мы едем так далеко, когда можем просто… ну ты знаешь… — И я делаю какой-то странный жест, словно он должен обозначать путешествие во времени.

— Вы поглядите-ка, кто у нас тут все портит! — Он едет по кварталу к шоссе, двигаясь на север. — Во-первых, поездка дает нам уйму времени для разговора. Во-вторых, я еще ни разу никуда не выбирался из Эванстона с тех пор, как попал сюда. И, в-третьих, мне захотелось сделать для тебя что-то обычное.

— Обычное.

— Понимаешь. Что-то, что не связанно с моим маленьким странным талантом.

Устраиваюсь на сиденьи поудобнее и очень стараюсь не выглядеть разочарованной.

Мы разговариваем и слушаем музыку, а спустя три часа и двадцать минут въезжаем в парк Девилс-Лейк. Я знаю об этом не потому, что Беннетт все-таки сообщил мне какую-то информацию по дороге, а потому что так написано на вывеске у въезда в парк. Он паркует машину, и мы выходим. Беннетт открывает багажник. Внутри лежат два доверху набитых красных рюкзака, чувствую, что от неожиданности делаю шаг назад, пораженная таким количеством неопрена, липучек и блестящих кусочков металла.

— Что это? — спрашиваю я и указываю на рюкзаки.

— Это рюкзак, Анна.

— Да, спасибо, я вижу. Но для чего он?

— Он для тебя.

— И что в нем?

— В твоем - ланч. Еще туфли и страховочный пояс. Все остальное оборудование у меня.

— Оборудование?

— Веревки, карабины…

— Ты привез меня сюда, чтобы убить и закопать?

— Нет, тебе понравится. Поверь мне.

— Что именно понравится?

— Скалолазание.

У меня не хватает духу сказать ему, что, хоть я не считаю себя трусихой, но все же стараюсь избегать видов спорта, где отсутствует твердая земля под ногами. Например, парашютный спорт, прыжки с тарзанкой. И скалолазание.

Беннетт похлопывает меня по спине, словно мы закадычные друзья.

— Ты атлетически сложена. Тебе понравится. — Он берет меня за плечи, разворачивает и надевает мне рюкзак. Второй рюкзак одевает сам, затягивает лямки и закрывает багажник. Он очень воодушевлен, хватает меня за руку и ведет к тропе. Немного разочарована, что мы не будем пить кофе на берегу Сены, но вида не показываю.

Молча идем по тихой тропинке, пока спустя полмили не доходим до места, которое Беннетт находит «просто превосходным». Для меня же это просто очень высокая скала. Очень высокая. И если не ошибаюсь, именно на нее мы и будем взбираться.

— Постой пока здесь, — говорит он, открывает наши рюкзаки и начинает доставать какое-то оборудование. Наблюдаю, как он переобувается, застегивает толстый страховочный пояс и забрасывает свернутый моток веревки себе на плечо.

— Сейчас вернусь, - с этими словами проворно, словно для него это не составляет никакого труда, Беннетт начинает подтягиваться и карабкаться по практически отвесному склону скалы. Всего пара минут, и вот он уже на вершине, перелезает через уступ и исчезает из вида. Проходят минуты, а Беннетта все нет, начинаю уже подумывать, а не решил ли он оставить меня тут.

— У тебя там все в порядке? — кричу я.

Его лицо появляется на вершине скалы.

— Просто здорово. Сейчас спущусь. Отойди чуть в сторону.

Следую его инструкциям и делаю несколько шагов назад, может даже чуть больше, чем предполагал Беннетт. Тут с вершины горы опускаются две толстые белые веревки, их концы приземляются в нескольких фунтах от меня. Потом по одной из них спускается Беннетт, скользит вниз, попутно отталкиваясь от скалы. Светящийся от счастья, он опускается на землю.

— Ну что, готова?

— Нет.

— Сначала нужно переобуться. — Он достает из моего рюкзака пару забавных красных туфель, у них тонкая резиновая подошва и остроконечные носы.

— Шикарно. — Переворачиваю туфли, они выглядят абсолютно новыми. — Ты купил их специально для меня?

Он улыбается.

— Это маленький подарок.

— Как ты узнал мой размер? — Одеваю туфли - подходят идеально.

Беннетт пожимает плечами, снова лезет в мой рюкзак и вытаскивает второй страховочный пояс, поменьше, очевидно, для меня. Оттуда же появляется маленькая сумочка, которую он крепит к ремню.

— Твой мел, — поясняет он.

— Мел, — словно эхо повторяю я. Встаю. Туфли эльфа выглядят очень забавно.

— Он поможет тебе лучше цепляться, — объясняет Беннетт. Он раскрывает страховку, чтобы надеть ее на меня, закрепляет пояс вокруг моей талии, поднимает конец веревки, обхватывает меня руками и начинает возиться с чем-то у меня на спине. От него хорошо пахнет.

Окидываю взглядом отвесную скалу.

— Никакое количество мела не поможет мне взобраться на эту штуковину.

— Следуй за мной. Трусишка. — Он поднимает другой конец веревки, пропускает ее через какое-то хитроумное приспособление и закрепляет его на своем поясе.

— Это спусковое страховочное устройство. Все это время ты будешь привязана ко мне.

Все еще до конца не уверена на счет восхождения, но последние его слова заставляют меня улыбнуться.

— Все, что от тебя сейчас требуется, - научиться доверять устройству, доверять мне и знать, что ты не упадешь. — И он подводит меня к той части скалы, которая усеяна большим количеством желобков и глубоких трещин. Беннетт говорит, что это великолепная «скала для начинающих», и показывает, куда мне поставить руки и ноги, когда я, как он полагает, начну взбираться.

— Что-то я не очень уверена, — признаюсь я.

— Почему? — Кажется, мое чувство тревоги искренне расстраивает его. — Ты в безопасности. Что может произойти?

— Ну, для начала…ты можешь раствориться в воздухе, пока я буду на полпути к вершине.

— Этого не произойдет.

— Но в отличие от большинства людей ты ведь действительно можешь исчезнуть.

— Этого не произойдет. — И он широко улыбается. Его чертова улыбка успокаивает меня, хотя и не должна бы.

— Какой же ты оказывается противный. — Смеюсь я и подхожу к скале, погрузив пальцы в сумочку с мелом.

— Итак, первое, что тебе захочется сделать, - это убедиться, что ты надежно прикреплена к веревке. В этом случае ты говоришь: «Я готова идти».

— А я готова идти?

— Я отвечаю: «Страховка готова!». И тогда ты говоришь «Пошли!».

— Пошли, — раздраженно произношу я.

— Поднимайся! — командует он. Что-то он слишком развеселился.

Поднимаю правую ногу и ставлю ее в расщелину, на которую мне указал Беннетт, чуть подтягиваю себя к этой точке. Чувствую, что мои ноги застыли в неестественной позе, поэтому ищу новый выступ и подтягиваюсь к нему.

— Так и знал! Ты словно всю жизнь этим занималась.

Ищу следующую расщелину и хватаюсь за нее. Все это похоже на одну большую головоломку – нужно постоянно искать подходящую расщелину для рук и достаточно твердую опору для ноги, да еще и на нужном расстоянии.

— Хорошо. Остановись на секунду.

Ну вот. А я только сообразила, что и как делать.

— Почему?

— Полностью отпусти, словно ты падаешь.

Но я же не падаю.

— Просто…отпустить?

— Да. Оттолкнись от скалы и отпусти.

Делаю глубокий вдох. Отталкиваюсь от скалы… И отпускаю.

Захватывает дыхание, когда падаю спиной вниз. Повисаю. Свободно болтаюсь в воздухе.

— Просто нужно, чтобы ты запомнила это чувство – я держу тебя. Сейчас ты всего лишь на высоте десяти футов над землей. Когда окажешься выше, все будет точно так же, если вдруг потеряешь опору или тебе потребуется отдых. Поняла?

— Поняла. — Чувствую себя в безопасности, хоть это и очень странное ощущение.

— Как только будешь готова, оттолкнись от скалы и скажи «Пошли!»

Так я и делаю.

— Поднимайся! – слышу я голос снизу.

Продолжаю выискивать подходящие расщелины для рук и ног, ловко управляя ими, сама удивляясь тому, что не падаю. Вниз не смотрю. Да и не хочется. Все мое внимание

сфокусировано на решении головоломки, которую создала скала – нужно взломать этот код, чтобы добраться до вершины, - совершенно неожиданно вижу солнечный свет. И небо.

Подтягиваюсь и, выбрасывая руки вверх в стиле Рокки Бальбоа, танцую на вершине скалы.

Как выясняется позже, вниз спускаться гораздо страшнее.

Беннетт снизу инструктирует меня, как лучше двигаться, куда ставить ногу.

— Веревку держать не нужно? — кричу я, не смотря вниз.

— Нет, просто ставь ногу на скалу и отклоняйся назад. Понимаю, что это очень странное ощущение, но я держу тебя. Так что просто расслабь руки.

Но расслаблять что-либо почему-то не хотелось.

— А что, если я упаду?

— Не упадешь. Анна, просто отпусти веревку, или ты перекрутишься.

Все-таки заставляю себя свесить руки по бокам.

— Доверься мне, — говорит Беннетт. Закрываю глаза и позволяю ему спустить меня.

Все, что мне дозволялось делать, - это держать ноги перед собой, параллельно земле, но постепенно ловлю ритм, и вот уже я на твердой земле.

— Ты была просто восхитительна! — говорит Беннетт, обнимая меня. — Ну и как тебе?

— Здорово! — Я пребываю в эйфории, хотя руки у меня еще трясутся. — Это было реально круто!

— Я знал, что тебе понравится. — Беннетт чуть ослабляет хватку, и я чувствую, как его руки оставляют мои плечи и движутся вниз к страховочному ремню, чтобы отвязать веревку. Он стоит так близко, что я чувствую его дыхание, но могу только лишь стоять и терпеливо ждать, пока работают его пальцы, развязывая узел у меня на спине. Спустя минуту, веревка падает на землю, его руки перемещаются с моего ремня на спину. Он притягивает меня к себе и целует, чувствую, как адреналин начинает стучать в висках. Потом он улыбается и говорит:

— Теперь моя очередь.

С трудом получается ответить.

— Что?

— Готова научиться страховать?

— Серьезно? Ты доверишь мне себя подстраховывать?

— Вполне. — И он отходит назад, стоило перестать ощущать его руки на своем теле, как я уже начинаю по ним скучать. Беннетт отстегивает металлический карабин от своего страховочного пояса и цепляет к моему.

Он занимает место у скалы и произносит:

— Пошли!

— Поднимайся! — отвечаю я.

18

Забираюсь на вершину скалы уже в девятый раз, мои предплечья дрожат от перенапряжения. Делаю глубокий вдох, подтягиваюсь за край уступа и закидываю на него ногу. Встаю в полный рост и смотрю на верхушки деревьев, простирающихся на мили вперед и прерываемые посередине только ярко-голубым пятном озера. Расплываюсь в улыбке, охваченная благоговением и ощущением победы.

— Оставайся там, — кричит снизу Беннетт, с рюкзаком на плечах он легко поднимается на скалу без страховки, причем делает это в два раза быстрее, чем получается у меня. Достигнув вершины, он отряхивается.

— Проголодалась? — Он усаживается, расстегивает молнию на рюкзаке и достает стопку пластиковых пакетов и четыре бутылки Gatorade (прим.переводчика *энергетический напиток*).

— Не знаю, что ты предпочитаешь – индейку со швейцарским сыром или ростбиф с сыром чеддер?

— Gatorade, — отвечаю я. Я так сильно хочу пить, что при виде ярко-желтых бутылок меня охватывает дрожь. Беру одну, откручиваю крышку и залпом выпиваю. Краем глаза наблюдаю за Беннеттом, он делает то же самое. Допив свою бутылку, он отклоняется назад, опирается о высокую скалу и закрывает глаза.

Солнце стоит высоко, и хотя все еще по-весеннему прохладно, поверхность скалы уже нагрелась. Сегодня действительно идеальный день, сажусь рядом с Беннеттом и тянусь к сэнвичу с индейкой и швейцарским сыром. Внезапно понимаю, что голодна, думаю, что и он тоже, в тишине, не говоря не слова, лишь пару раз останавливаясь, чтобы переглянуться и улыбнуться друг другу, разделываемся с сэнвичами.

— Ну, — наконец произношу я, — значит скалолазание.

— Хорошее свидание получилось?

— Неожиданное.

— Разочарована?

Оглядываю взглядом пейзаж, словно сошедший с картинки.

— Ничуть. — Поездка в Висконсин, конечно, оказалась не слишком далеко от уже имеющейся кучки кнопок, связанных с поездками по Среднему западу, но, оглядывая окружающий меня лес, видя солнце, просвечивающее сквозь ветви деревьев, огромные камни, уходящие в небо, совсем не такое, как на Ко Тао, я понимаю, что по крайней мере сюда я всегда смогу вернутся, когда он уйдет. Когда я буду скучать по нему, то знаю, куда мне захочется прийти.

Теперь я знаю все, и думала об этом всю ночь. Он принадлежит ко времени, которое наступит только через семнадцать лет. Он может попасть в любую точку мира, стоит только ему подумать об этом. Он потерял свою сестру, а когда найдет ее, то покинет 1995 год и вернется в 2012. А еще, все это очень важно для меня, но почему, пока не могу понять. Но здесь и сейчас он хочет, чтобы я была с ним. И если первая часть заставляет меня испытывать беспокойство, то последняя вызывает широкую улыбку. Вот какие мысли проносятся у меня в голове, пока я смотрю на него.

Беннетт похлопывает по поверхности скалы прямо перед собой, я пододвигаюсь ближе и устраиваюсь поудобнее, кладу локти ему на колени, наклоняю голову вперед. У меня вырывается стон, когда он начинает массировать мне плечи. Мышцы болят невероятно.

— Ну и когда ты начал увлекаться скалолазанием? — Вообще-то в голове у меня роится миллион вопросов, но этот задать было легче всего.

Беннетт надавливает большими пальцами у основания шеи, тяжело дышу, пока не чувствую, что мышцы начинают расслабляться.

— На юге Таиланда есть небольшой прибрежный городок Краби. — Лица его мне не видно, но по голосу я слышу, что он улыбается. — Пляж Рейлэй известен своими скалами, но, конечно же, я не знал об этом, пока не встретил туристов, которые и рассказали мне о нем. Они взяли меня с собой туда, где я и совершил свое первое восхождение, с тех пор я подсел на скалолазание.

Его руки медленно двигаются по моей спине и снова останавливаются на плечах. Открываю глаза и вижу, Беннетт наклоняется ко мне ближе, берет прядь моих волос и накручивает ее на палец. Потом раскручивает ее, слегка дергает и отпускает, чувствую, как кудряшка возвращается на место.

— И как у твоих волос так получается?

— А что такое? Похожи на кучу маленьких пружинок? — Он так близко, что я чувствую его дыхание на своей шее, чуть кривлюсь от мысли, что мои волосы сейчас, должно быть пахнут скорее потом, чем шампунем с запахом ванили.

— В прошлом месяце, когда я сидел за тобой на испанском, мне все время хотелось это сделать. — Беннетт тянет еще одну прядь и весело смеется, когда она, как и предыдущая, возвращается на свое место.

— А ты? Как ты начала заниматься бегом?

Поворачиваю голову так, чтобы заглянуть в его лицо, он выпускает кудряшки из своей руки.

— Ну нет, так не честно.

— А что не так?

— Я думала, что моя очередь задавать вопросы. Ты же сам говорил. — Отклоняюсь назад, ложусь ему на грудь, а голову устраиваю у него на плече. Моя голова поднимается и опускает вместе с ритмом его дыхания, Беннетт нежно убирает волосы у меня со лба, я вздыхаю и еще ближе прижимаюсь к нему.

— Но ты – намного интереснее меня.

— А вот это не правда. — Чувствую, что он снова начинает играть моими волосами.

— Хорошо, — говорю я, — тогда будем задавать вопросы по очереди. Один – ты, один – я. Но спорю на десять баксов, что у тебя первого вопросы закончатся. — Протягиваю ему руку, и он пожимает ее.

— Договорились, — соглашается он.

— И я начинаю первой. — Мило улыбаюсь я ему. — По чему там, у себя дома, ты больше всего скучаешь?

Не задумываясь ни на секунду, он отвечает:

— По своему мобильному телефону.

— Да ладно, я серьезно. — Жду, что он рассмеется, но этого не происходит. — Что серьезно? Скучаешь по телефону?

— А ты думала, *что* я назову?

— Ну не знаю. Наверное, что по своей семье.

— Семьи со временем почти не изменились, здесь они такие же, как и в 2012 году. Но зато ты не знаешь, как выглядят мобильные в 21 веке.

— И что же в нем такого особенного?

— Много чего. Но рассказывать об этом я тебе не могу.

— Знаешь, это уже не смешно, — говорю я и слегка хихикаю. — Чего же в тебе тогда хорошего, если ты не можешь рассказать мне о будущем?

— Во мне есть много чего хорошего, — произносит Беннетт, и его пальцы оставляют в покое мои волосы, задерживаются на мгновение за ухом, скользят вниз к ключице. Закрываю глаза и пытаюсь выровнять дыхание, чтобы оно совпадало с его движениями. — И ко всему прочему, должны же оставаться во мне еще сюрпризы. Ты ведь любишь сюрпризы, не так ли?

— Не откажусь. Тем более, что ты явно полон ими. — Глубоко вдыхаю и пытаюсь сосредоточиться на вопросах. — Что ты там говорил – я никогда не увижу будущего? Никогда не увижу, где ты на самом деле живешь?

Беннетт тихонько издает звук, очень похожий на звук, который раздается в телевикторинах, когда участник нажимает на кнопку.

— Это уже следующий вопрос. Сейчас моя очередь.

— Так не честно…

— Эй! Но это же ты предложила сделку. Один – ты, один – я, — напоминает он. Сердито вздыхаю в ответ. — Где ты была, когда услышала, что Курт Кобейн совершил самоубийство?

— Хммм. Ух ты. — Мне понадобилось немного времени, но я все-таки смогла вспомнить тот день. — Так. Это было почти год назад. Мы с Эммой пошли после школы к ней домой, мы сидели в ее комнате и слушали радио, когда вдруг диджей сообщил, что Курт Кобейн застрелился. И тогда мы достали все диски Нирваны, которые только у нас были, и слушали их снова и снова.

Пальцы Беннетта задерживаются на моем плече на какое-то время, а потом скользят вниз по руке.

— Та неделя вообще была странной, — продолжаю я. — Люди плакали так, словно… знали его лично, что ли. Не очень это понимаю. Но в любом случае все было довольно печально.

Его большой палец скользит вниз и вверх по моей руке, я опускаю глаза и замечаю – я делаю то же самое с его рукой.

— А ты где был?

Чувствую, что он пожимает плечами.

— Это было в 1994 году, — произносит он, секунду недоумеваю, к чему это он. Но потом до меня доходит.

— Ну да. — Перестаю водить пальцем по его руке. — Ладно, это было глупо.

— Прости.

— Не могу поверить, что сразу не сообразила и впустую потратила свой вопрос.

Беннетт убирает мои волосы и целует сзади в шею.

— Вот что я тебе скажу: Ты можешь задать еще один, — шепчет он мне на ухо. Чуть вздрагиваю.

— Прекрати, из-за тебя я забываю все вопросы.

— Тогда ты проспорила десять баксов. – И он снова целует меня в шею, от чего я полностью сбиваюсь с хода своих мыслей. — Ты хотела знать, могу я ли взять тебя с собой в будущее.

— Мммм.

— Не могу. Хотя теоретически мог бы, наверное, но я никогда не делал этого прежде и совершенно не имею понятия, что может произойти, если все-таки так сделать.

— Почему? Ты боишься, что меня уже может не быть в 2012 году?

— Нет, об этом я не беспокоюсь. Просто обычно я могу путешествовать только во времени, которое уже прожил, а ты до этого момента еще не дожила. Я готов перенести тебя в любую точку земного шара, куда бы ты ни захотела, но только не раньше и не позже сегодняшнего дня.

— Правда?

Беннетт кладет подбородок на изгиб моей шеи и кивает. Ну и ладно, думаю, я это переживу. Никогда не мечтала попасть в другое время, только в другое место.

— Кроме того, тебе не нужно знать, что произойдет в будущем. Иначе будет неинтересно. — И он целует меня в плечо. — А теперь расскажи мне об Эмме.

— Об Эмме?

— Да. Расскажи мне о ней. Как вы с ней стали подругами?

Чувствую, что воспоминания вызывают у меня широкую улыбку.

— Я встретила ее в первый день моей учебы в Уэстлейке. — Смотрю на Беннетта, он явно ждет от меня продолжения.

Я хихикаю.

— Мама очень хотела, чтобы я произвела хорошее впечатление, поэтому заставила меня надеть джемпер. — Лицо мое на секунду искажает гримаса, как только вспомню про униформу. — А еще, согласно правилам школы, мы должны были носить уродливые платья в клеточку, хотя на самом деле никто и никогда их не носил. В довершении всего она заставила меня так же надеть колготки и нацепить кружевную тесемку на голову. Мне тогда казалось, что на улице не меньше 40 градусов, и все, о чем я мечтала весь день, - это поскорее переодеться в шорты и футболку. Мне было очень жарко, все тело чесалось, а волосы торчали во все стороны вот так. — Растопыриваю пальцы и подношу руки к голове, Беннетт смеется. — И вот после шестого

урока ко мне подходит девочка в брекетах и спрашивает, не хочу ли я зависнуть с ней после школы. И хотя мне очень хотелось пойти домой переодеться, я все же согласилась. Как-то так. С тех самых пор Эмма и стала моей лучшей подругой.

Когда вновь смотрю на Беннетта, невольно представляю, как мы с Эммой будем завтра сидеть в кофейне, а я буду рассказывать каждую деталь сегодняшнего дня. Однозначно, приз за лучшее свидание выиграю я.

— Расскажи мне о своей семье, - прошу я, с полным правом меняя тему разговора.

Тут Беннетт тяжело вздыхает.

— Особо и рассказывать не о чем. С моей мамой немного… сложно разговаривать. Если я спрашиваю у нее, что нового, разговор обязательно приведет к докторам. Если спросить о погоде, разговор тоже обычно заканчивается докторами. Спрашивать ее о научных инновациях даже не пытаюсь, потому что разговор опять перейдет к докторам. Она думает, что я болен. Ей нужен нормальный ребенок.

Подтягиваю его руки к себе на талию и тихонько начинаю поглаживать подушечкой пальца его ладонь. Его руки сухие и шершавые после восхождения, и линии на ладонях забиты грязной меловой пылью.

— Отец же, наоборот, считает меня каким-то магическим существом. После того, как он узнал, на что я способен, он никак не может оставить меня в покое. В первый год он изучил все катастрофы, которые произошли по текущий день с 1995 года, и составил список, в котором были записаны эти события, а также менее значительные события, которые в итоге привели к этим катастрофам, чтобы я мог переместиться в прошлое и все исправить.

— И ты это сделал?

— Нет. Не думаю, что имею право изменять вещи, которые уже произошли, только потому, что могу это сделать. Ты же слышала про эффект бабочки? Одно малюсенькое изменение может оказать большое влияние на что-то другое. А уж о том, чтобы производить большие изменения, и говорить нечего.

И он замолкает, я лежу у него на груди и слушаю тишину.

— И тогда он нашел способ, чтобы использовать мой дар во благо. В том числе для себя.

Продолжаю водить подушечкой пальца по его ладони, мне кажется, это помогает ему продолжать свой рассказ.

— Когда мы с Брук были маленькими, особо больших денег у нас не было. Нет, конечно, у нас была приличная квартира и все такое, но мама всегда была немного избалована деньгами, ну ты и сама, наверное, догадываешься – видела же дом Мэгги, в котором она выросла. Папа ненавидел свою работу – он работал в банке в центре города, если честно, то точно даже не знаю, что он там делал, но зато он всегда был в плохом настроении, и родители постоянно сорились.

— А потом отцу пришла в голову замечательная идея. Он снова вернулся к исследованиям, но на этот раз уже изучал компании и положительные курсы их акций.

— Что? — Я перестаю гладить его руку и оборачиваюсь, смотрю на него. — Не может быть.

— Может. Я отправлялся в прошлое, в дату, которая была указана в его списке, как правило, за неделю или около того до важных событий какой-то компании, тогда я отправлял своему отцу письмо, содержащее нужную информацию об акциях. Он их покупал. Акции резко подскакивали в цене. Потом я возвращался и отправлял еще одно сообщение о том, когда их продавать. Так у отца появилась новая работа.

— А разве это законно?

— Формально ничего незаконного тут нет. Законы об инсайдерской торговле запрещают покупать и продавать акции, основываясь на внутренней информации компании. А та информация, которую использовали мы, всегда была в общем доступе.

Недоверчиво смотрю на него.

— Хорошо, да, все это несколько натянуто. Но по крайне мере они от меня отстали. Мы с Брук посещаем все концерты, какие только пожелаем. Мама получила ту жизнь, к которой привыкла и которой всегда хотела, а папа чувствует себя так, словно он все это ей дал. Все счастливы, никто не обижен.

— Я так понимаю, твой отец сделал на этом неплохие деньги.

— Ну…в экономике всегда много спадов и подъемов, и если ты точно знаешь, куда инвестировать, то…

— И много удалось заработать? — спрашиваю я.

— Миллионы.

— Миллионы?

— Ну, мы особо к этому не стремились.

— Ну конечно. — Говорю я со смехом. — И к этому ты тоже не стремился.

Беннетт случайно оказался не только путешественником во времени, но еще миллионером.

— А как ты получаешь доступ к этим деньгам?

— Это уже следующий вопрос.

— Я знаю.

Он мотает головой, но потом сдается и улыбается мне.

— Я меня есть наличные. Конкретно для этой поездки мы взяли банкноты, большая часть которых была выпущена еще до 1995 года, они спрятаны в моей комнате в доме у Мэгги.

— А Брук?

— У нее рюкзак с наличкой. — Беннетт высвобождает свою руку из моей, разворачивает меня к себе и берет меня за подбородок. Целует в нос.

— Ну, все. Тут я прервусь. Моя очередь.

Как бы мне ни нравилось сидеть, прислонясь к нему, но я устала поворачивать шею, чтобы заглянуть в его лицо. Поэтому сажусь, скрестив ноги, и поворачиваюсь к нему, придвигаюсь ближе и кладу свои колени ему на ноги.

— Привет.

— Привет. — Он улыбается, но пока я наблюдаю за ним, выражение его лица меняется, из игривого становится серьезным.

— Знаешь, очень не хотелось говорить это сейчас. Но тот факт, что я здесь… — Его голос срывается, и он замолкает. — Все это оказывает на тебя больший эффект, чем на меня.

Мне совсем не нравится его внезапный переход к серьезному тону, поэтому теперь я имитирую звук кнопки из телешоу.

— Пожалуйста, перефразируйте ваше утверждение в форму вопроса.

— Ты понимаешь, что все это для тебя означает?

— Нет, — знаю, что должна переживать по этому поводу, но не хочу, не сейчас. Не хочу думать, что он может делать, куда он может ехать и когда он может уйти, но сейчас он здесь, со мной – в этом месте и в это время. И прямо здесь и сейчас мне хочется его целовать.

Беннетт кладет руки на мои запястья.

— Это очень похоже на список моего отца со всеми мировыми событиями. Я могу возвращаться и менять какие-то вещи, чтобы повлиять на результат, но моя жизнь при этом не

изменится. А вот жизни других людей – да. Может они станут лучше. А может хуже. Мое пребывание здесь, сейчас с тобой – это тоже изменение. Но не для меня – для тебя. Ты, как и я существуешь в 2012 году, но в твоем будущем нет меня. И то, что ты узнала меня здесь, в 1995 году, во времени, к которому я не принадлежу…

— Оказалось очень интересным, — прерываю я его.

— Изменит всю твою жизнь, — заканчивает он.

— И может быть к лучшему.

— Может быть. А может быть и нет.

— Что ж, но я уже узнала тебя, Беннетт. И какой у меня остается выбор?

— Помнишь, тогда у тебя дома я сказал тебе – я расскажу тебе все, но выбирать должна ты.

Я обнимаю его за шею и целую.

— Да. Давай послушаем, из чего мне нужно выбирать.

Беннетт тяжело вздыхает.

— Вариант первый – я снова становлюсь странным новичком, держусь подальше от всех, пока не вернется Брук, и тогда мы с ней возвращаемся домой. Мы будем здороваться в коридоре, может быть даже обмениваться взглядами, как люди, которых объединяет какой-то секрет. И твоя жизнь с этого момента не будет больше меняться.

— Ну уж нет, — говорю я и снова целую его. — А какие еще есть варианты?

Он улыбается.

— Второй вариант – все время, которое у меня здесь есть, я провожу с тобой: мы встречаемся, как обычные люди, и путешествуем по миру как ненормальные. Когда появляется Брук, мы с ней отправляемся домой, но потом я снова возвращаюсь. И буду возвращаться до тех пор, пока совсем не надоем тебе.

Он отклоняется назад и пытается понять выражение моего лица.

До этого момента мне все казалось простым, но сейчас, когда он вынуждает меня задуматься над этим всерьез, начинаю понимать, насколько важно мое решение. Итак, у меня два будущих: первое – безопасная, но прозаичная жизнь, которая так хорошо мне знакома; и второе – заполненное приключениями, но в котором нет определенности. Он покажет мне мир, но уедет. Будет время, когда мы будем вместе, но будет и время, когда мы будем врозь – разделенные не только расстоянием, но и двумя десятилетиями. Мое разумное «я» говорит, что я должна выбрать безопасный маршрут, как бы непривлекательно это не звучало. И когда смотрю в его глаза, почти убеждаюсь в этом решении. Но остается еще одна вещь, которую мне нужно понять.

— Знаешь, чего я не понимаю. Зачем тебе менять свою жизнь, чтобы быть со мной?

— Потому что ты… — Беннетт замолкает. Делает глубокий вдох. И начинает снова. — Мне понравилась твоя тяга к приключениям. И я подумал, что было бы здорово, отвезти тебя туда, где ты еще никогда не бывала. Но сейчас появилось еще кое-что. Я просто хочу узнать тебя поближе.

Его слова заставляют мое сердце биться чаще, закрываю глаза и глубоко вдыхаю. А когда открываю их, он все еще внимательно смотрит на меня.

— Но разве ты не говорил как-то, что это плохая идея?

Он тихонько смеется.

— Думаю, да.

— И, пожалуй, ты был прав.

— А я говорил тебе.

— И, тем не менее, я выбираю второй вариант.

— Уверена?

— Да.

Беннетт расплывается в широчайшей улыбке, он крепче притягивает меня к себе и начинает целовать, его поцелуй теплый, сладкий и длящийся так долго, что кажется просто бесконечным, теперь я лишний раз убеждаюсь – вот то, чего я хочу.

И еще я помню папину просьбу, нужно пригласить его на ужин, потому что теперь сомнений больше не оставалось – это серьезно.

◄►◄►◄►

Мы продолжаем обмениваться вопросами и по дороге обратно, мы подъезжаем к дому, и у меня в душе появляется ощущение, что я достигла невозможного: теперь я хорошо знаю Беннетта Купера. Он припарковывает джип, я смотрю на свой дом, а в груди у меня все сжимается. Мы провели вместе одиннадцать часов, а я все еще не чувствую, что готова с ним расстаться.

Он заглушает мотор машины и наклоняется, чтобы поцеловать меня, но я опережаю его и прикладываю палец к его губам.

— Подожди, у меня остался еще один вопрос. — Беннетт останавливается на полпути и ждет продолжения. — Так почему ты все-таки наблюдал за мной на треке Северо-западного университета в тот день, когда ты впервые появился в Уэстлейке?

— Ты опять об этом? — И он откидывается на сидении.

— Ну да. Я ведь так и не получила ответа.

— Но я, правда, не понимаю о чем речь - ни тогда, когда вы с Эммой допрашивали меня в столовой, ни сейчас.

— Это серьезно был не ты?

— Послушай, ты сейчас знаешь обо мне все. И я говорю тебе – меня не было там в тот день. Я до сих пор так ни разу и не побывал на территории Университета. И уж точно мне нечего там делать в 6:30 утра при погоде -30 градусов. Это просто игра твоего воображения. — И он смеется, я хочу верить ему. Все в его словах и взгляде говорит о том, что я могу верить ему. В конце концов, какие у него причины лгать мне сейчас, когда я знаю все.

— Так как я уже не раз отвечал на этот вопрос, то ты имеешь право задать еще один.

Я готова вернуться к нашей игре «вопрос-ответ», поэтому улыбаюсь ему в ответ и придумываю следующий:

— Какое у тебя самое любимое место в мире?

Его лицо расплывается в улыбке, а глаза светятся, когда он начинает рассказывать:

— Это просто. Вернацца. Маленькая рыбацкая деревушка на северо-западе Италии, в Чинкве-Терре, туда можно добраться на поезде – ну, по крайней мере, большинство людей делают именно так. Это самая живописная маленькая деревушка. Узкие мощенные улочки. Разноцветные лодки, пересекающие гавань. Ровные ряды крошечных, ярко выкрашенных домов, спускающихся по склону. Просто незабываемо.

Тут его взгляд падает на мои губы, и он наклоняется ко мне. На этот раз я просто закрываю глаза и жду.

— Тебе там понравится, — шепчет он, и мы целуемся.

◄►◄►◄►

— Я дома! — кричу в сторону гостиной и начинаю подниматься по лестнице, уставшая и ошеломленная. Руки и ноги у меня болят, от новых туфель у меня остались мозоли. Жду, не дождусь, когда попаду под душ, а потом лягу в кровать и усну, думая о Беннетте.

— Анни! Ты можешь подойти? — зовет меня отец, и я иду на звук его голоса. Заворачиваю за угол и вхожу в кухню, увидев меня, мама и папа встают со стульев и подходят ко мне.

Началось!

— Что случилось? — спрашиваю я, ожидая, что сейчас последует лекция о том, что я провела целый день с парнем, которого они даже не знают. Но когда они подходят ближе, я замечаю, что мама плачет.

— Что случилось? — повторяю я и смотрю поочередно то на одного, то на другого. — Что происходит?

— Джастин... — Мама пытается меня обнять, но я отстраняюсь от нее и делаю шаг назад.

— Что такое? Что случилось с Джастином?

Мама в ответ лишь снова плачет, тогда начинает говорить отец:

— Милая, он попал в аварию. Скорее всего, это случилось днем, но нам стало известно только час назад.

— В аварию? Вы уверены?

Мама пытается взять себя в руки, утирает слезы.

— У нас не слишком много информации, дорогая. Кажется, он ехал в город, а какая-то машина проскочила на красный свет. Рейли сейчас в больнице, уверена, что Джастин захочет тебя увидеть, поэтому мы ждали, когда ты вернешься домой, чтобы всем вместе поехать туда.

— А что Джастину в городе понадобилось? У него же даже машины нет.

И тут до меня доходит:

— Боже мой! Он же был с Эммой!

Папа ведет машину, мама сидит на пассажирском сидении, я сзади. За последние 15 миль ни один из нас не произнес ни слова.

Мы едем тем же маршрутом, каким Эмма обычно ездит в город, поэтому я старательно высматриваю на дороге осколки фар. Или крошечные кусочки каленого стекла. Или красный пластик задних фар. Ищу место, где их свидание приобрело новый оборот. Но ничего увидеть не могу.

Мы доезжаем до больницы, и папа высаживает нас у главного входа, а сам отправляется искать место для парковки. Мы с мамой быстро находим родителей Джастина. Когда мы входим в зал ожидания, они встают и идут нам навстречу, глаза у них заплаканные, опухшие, они благодарят нас за то, что мы приехали. Миссис Рейли начинает объяснять, что произошло, и хотя я стою рядом с ней, ее слова не задерживаются у меня в голове – я фиксирую только детали произошедшего. Несчастный случай произошел около двух часов. Они добрались сюда только к половине пятого. Родители девушки приехали сразу же, что очень хорошо, потому что ее состояние было намного хуже. Они сейчас на семнадцатом этаже в палате интенсивной терапии. Ее уже прооперировали, но состояние все еще остается критическим. С Джастином все будет хорошо, но его еще оставляют в больнице под наблюдением.

Видимо мне удалось найти стул, потому что в какой-то момент обнаруживаю, что сижу. Наблюдаю за мамой – она движется, словно в замедленном кино, обнимает миссис Рейли и что-то шепчет ей на ухо.

Внезапно голос миссис Рейли становится на октаву выше, и она произносит:

— Кто? Кто такая Эмма?

Люди, сидящие в приемном покое, поворачивают головы в ее сторону, - как они, наверное, сейчас рады, что здесь хоть что-то происходит, что-то, что позволяет им отвлечься от грустных мыслей, от того, из-за чего они вынуждены сидеть в приемном покое скорой помощи субботним вечером.

— Девушка, которая была с Джастином. Ее зовут Эмма, она лучшая подруга Анны.

Джастин. Эмма. И Джастин. Эмма и Джастин. Не могу дышать. Это не может быть правдой.

Мама продолжает разговаривать с миссис Рейли тихим шепотом, наверное, чтобы я не слышала. Но мне все равно. Все звуки сейчас мне кажутся глухими, словно доносящимися откуда-то издалека.

Спустя несколько минут мама подходит ко мне и садится рядом.

— Дорогая. — Она начинает поглаживать меня по спине. Какой знакомый, любимый жест. С тех пор, как мама использовала его для того, чтобы я заснула, прошло уже много лет.

— С Джастином все будет в порядке. Та машина врезалась в них со стороны водителя, поэтому Эмма пострадала сильнее. Рейли все пытались выяснить, с кем был Джастин, но никто так и не смог им ничего сказать, видимо, родители Эммы так и не выходили из палаты интенсивной терапии.

— Если бы мы сейчас были Северо-западном мемориальном госпитале, я бы уже владела всей информацией, но здесь… — Слышу, как чуть надламывается ее голос – она не любит, когда у нее в больнице нет своих людей.

— Оставайся здесь, я поднимусь наверх и попытаюсь что-нибудь узнать.

С тех пор, как мы выехали из дома, я не смогла произнести ни слова, но сейчас нахожу в себе силы, чтобы заговорить:

— Я пойду с тобой.

◄►◄►◄►

Эмма кажется такой маленькой и хрупкой на фоне белых стен. Ее глаза закрыты, а кожа под ними, вся, вплоть до ее знаменитых четко очерченных скул, опухла и в синяках. Левая сторона лица в красных пятнах, как объяснили мне ее родители, когда готовили к встрече с ней, врачам пришлось вытащить из нее кучу стекла. И всю эту безрадостную картину дополняет пластиковая трубка, торчащая у нее из носа, почему-то мне кажется, что именно она разозлила бы Эмму больше всего.

Но все эти раны снаружи незначительны, их можно легко исправить. Самые серьезные повреждения оказались внутри. В результате удара была повреждена селезенка, и ее пришлось удалить, кроме того бригаде хирургов понадобилось почти два часа, чтобы найти источник внутреннего кровотечения. Помимо всего прочего у Эммы небольшой перелом черепа, по словам врачей, он зарастет сам собой, но все равно нужно делать томографию, чтобы определить, не был ли поврежден головной мозг. Ну а когда все эти внутренние раны заживут, Эмме нужно будет заняться восстановлением левого плеча. Еще у нее сломаны три ребра, которые, к счастью, не проткнули легкое. Эту часть врачи назвали «хорошими новостями».

Та, вторая машина, въехала в них на скорости 50 миль в час, как раз в тот момент, когда они с Джастином выехали на перекресток. «Боковое столкновение» назвала его миссис Аткинс, и сказала, что вероятнее всего Эмма эту машину даже не заметила. Уверена, что так оно и было.

Сижу на кровати рядом с Эммой и качаю ее мягкую руку с великолепным маникюром в своей, все еще покрытой грязью и меловой пылью. Эта авария произошла в два часа дня. В то

время, как я сидела в объятиях Беннетта, смеясь, сюсюкаясь и целуясь с ним, мою лучшую подругу, изрезанную металлом и стеклом, везли в реанимацию, где собирали практически по кусочкам. Я узнала об аварии только через шесть часов, еще час мне понадобился, чтобы добраться до госпиталя, и час, чтобы попасть в палату. Всего восемь часов.

Стучание и писк всех этих аппаратов наполняют маленькую комнату. Очень хочется выключить их и подарить Эмме тишину, которой ей не хватает, но когда вспоминаю, что она жива только благодаря им, перестаю раздражаться и пытаюсь услышать в этих звуках музыку. *Бам-бип. Бам-бип-бип. Бип-биииип.*

Так и сидим: Эмма молчит, потому что не может говорить, а я молчу потому, что не знаю, что сказать. Но нужно с ней поговорить. Нужно дать ей знать, что я здесь. Но каждый раз, открыв рот, тут же замолкаю – не знаю, что сказать.

Слышу, как открывается дверь. В дверях стоит Джастин, он одет в больничный халат, весь в синяках, перевязан, двигать головой он не может, на шее закреплен голубой пластиковый фиксатор. Волосы спутаны и запачканы чем-то очень похожим на кровь. На запястье шина.

— Джастин. — Я кладу руку Эммы на простынь и подбегаю к нему. Но останавливаюсь рядом, просто боюсь прикоснуться к нему, боюсь сделать больно, поэтому очень ему благодарна, когда он обнимает меня первым. Царапины на его лице и теле вполне могут быть поверхностными, но из-за них он выглядит словно фарфоровая кукла, которую уронили на пол и разбили, а теперь склеили, и клей еще не высох.

— Ты в порядке? — хватаю его за руку, которая кажется мне не поврежденной, но Джастин тут же судорожно втягивает воздух, отшатываюсь, словно меня обожгло. — Извини.

— Ничего. Все нормально, — говорит он и слегка приобнимает меня. — Как она?

В ответ только качаю головой.

Тихо наблюдаю, как меняется его лицо, до него явно начинает доходить все, что с ними произошло, он, не мигая смотрит на Эмму. Уверена, что мы с ним думаем об одном и том же: с ним все в порядке, а с ней нет. Джастин подходит к кровати, где только что сидела я, и садится на мое место. Берет ее руку и начинает гладить большим пальцем тыльную сторону ладони.

— Знаешь, вообще-то ты должна быть сейчас дома и писать обо мне в своем дневнике, — говорит он. Вижу, как он улыбается ей, внимательно наблюдаю за ее лицом и жду, что она возьмет и тоже ему улыбнется, но нет. Она сейчас далеко отсюда. И это не мешает Джастину говорить с ней.

— Я записал кучу отличных новых шуток. И читал газету сегодня утром, так что мы может обсудить последние новости. Знаешь, что я скажу тебе – пора бы тебе очнуться. Посмотри! — И он опускает глаза на грудь. — Я порвал свой лучший свитер.

Он продолжает улыбаться ей. Он говорит с ней так, как должна была делать и я, но я не смогла.

— Она искала диск. — Джастин все еще смотрит на Эмму, но я понимаю, что эти слова адресованы мне, поэтому сажусь по другую сторону кровати и беру ее за руку. Вижу, как искривляется лицо Джастина.

— Мы разговаривали об одной британской группе в стиле инди-поп, которая нравится нам обоим, и она попросила меня найти футляр для дисков, который оказался на полу.

Я вспоминаю этот ярко-розовый замшевый футляр, который сама подарила ей в прошлом году, и мне становится не хорошо. Я всегда укладывала все ее диски в этот футляр. И на что он мне сдался! Нужно было позволять ей оставлять диски, где ей вздумается – хоть в бардачке, хоть на полу, где они обычно у нее всегда оказывались. Да и вообще не надо было дарить ей этот футляр.

— Она начала в нем искать и… - Тут он замолкает.

Сильнее сжимаю ее руку. Больше сказать нечего, в комнате повисает тишина. Она не была внимательна за рулем, и эта авария – ее вина. Она разбилась, держа в руках мой подарок, и хотя это не делало меня ответственной за произошедшее, но именно таковой себя я и чувствовала.

Раздается стук в дверь, и она открывается еще до того, как мы успеваем это заметить. Заглядывает медсестра.

— Простите, ребята. Но время вышло. — Она говорит громким голосом, чтобы перекричать шум аппаратуры.

— Вы же знаете, что я не должна была вас сюда пускать, — говорит она, словно мы начинаем с ней спорить. — Допускаются только члены семьи.

Мы знаем. Она повторила это раза три за то время, которое выторговала для нас мама – всего десять минут, таких коротких минут.

Еще раз сжимаю руку Эммы, наклоняюсь вперед и провожу пальцем по раненной скуле.

— Я вернусь завтра, — шепчу я ей на ухо. Потом поднимаюсь, иду к двери и там жду Джастина.

Он зачесывает ее волосы назад и целует в лоб.

— Увидимся завтра.

Он встает и мельком осматривает мрачную, стерильную палату.

— Я принесу музыку. Может быть она поможет.

Первая мысль, которая приходит в голову, что он хочет заглушить эти дурацкие звуки больничных аппаратов. Но увидев, как он смотрит на нее, понимаю, он надеется, что музыка поможет ей вернуться оттуда, где она сейчас.

◄►◄►◄►

В воскресенье Эмма выглядит не намного лучше, но вот зато в палате стало повеселее. Огромные букеты цветов закрывают стерильные поверхности, к пустым стенам приколоты открытки, а угол возле небольшого окна украшают несколько воздушных шаров с надписью «Поправляйся!».

— Десять минут, — как всегда категорично заявляет медсестра, — чтобы составить ей компанию, пока ее родители обедают. Вас здесь быть вообще не должно.

Она оглядывается, проверяя, что никто нас не видел, опускает занавеску и закрывает дверь.

Джастина еще не отпускали домой, но его мама принесла по его просьбе огромный магнитофон и подборку компакт-дисков. Он подходит к кровати Эммы, включает его в розетку прямо рядом с пищащими мониторами и открывает коробку с дисками. Это диски с его миксами, только вот его фирменных завитушек я на них не вижу. Джастин нажимает кнопку воспроизведения и звуки постоянно работающих аппаратов потихоньку угасают, растворяются в музыке. Сажусь на кровать рядом с Эммой и наблюдаю за ней, очень хочу поговорить с ней, как вчера это делал Джастин, но стоит мне только открыть рот, как чувствую себя жутко неловко.

Он смотрит на меня.

— Может быть мне ненадолго выйти? — Но так будет еще хуже, у меня тогда не будет причины не разговаривать с ней, а я пока не могу.

— Нет, — отвечаю я.

Джастин обходит кровать и садится с другой стороны, берет ее руку в свою. Так мы и сидим. Проходят десять минут, затем двадцать, но медсестра не приходит, чтобы прогнать нас, и мы продолжаем сидеть. Я молча наблюдаю, как движется ее грудная клетка, верх и вниз. Джастин тоже молчит, словно загипнотизированный наблюдает за красными точками на мониторе. Музыка помогла сделать эту комнату менее стерильной, но это все на что она способна. Эмма пока еще так же далека от нас.

Возвращаются Аткинсы, они смотрят на Джастина. Его выписали час назад, хотя его родители продолжают заполнять бумаги внизу. Он выглядит таким истощенным, что кажется, еле держит глаза открытыми.

— Не хочешь подышать воздухом? — спрашиваю я его, и после некоторых раздумий он соглашается. Оставляю все свои вещи в палате Эммы, чтобы у меня был повод еще сюда вернуться.

Стоит нам оказаться в коридоре, как Джастин тут же облокачивается на стену.

— Это все так ужасно, — произносит он и начинает чесать свой лоб, напрочь забыв про царапины. — О! Черт возьми!

Подвожу его к лифту.

— Езжай домой, Джастин. Отдохни. Вернешься завтра, когда будешь чувствовать себя лучше. — Очень хочется добавить – может и Эммы завтра уже здесь не будет, но мы оба прекрасно знаем, что это не так.

Спускаемся на лифте на нижний этаж и, следуя по указателям, направляемся во внутренний дворик. Гуляем несколько минут, но, поскольку на улице довольно морозно и ветрено, долго не задерживаемся, решаем вернуться в госпиталь и найти родителей Джастина. Мы быстро находим регистратуру, родители Джастина все еще там – ждут, когда медсестра закончит оформлять бумаги на выписку. Миссис Рейли говорит, что это займет еще некоторое время, поэтому мы отправляемся на поиски кафетерия.

И вот мы сидим, попивая самый худший кофе, который мне когда-либо доводилось пробовать. Теребя в руках безвкусный пончик, я, наконец-то, решаюсь спросить:

— Итак… ты и Эмма.

Джастин с виноватой улыбкой смотрит на меня.

— Что?

— Ничего. — Он отламывает кусочек пончика и глядит в окно.

— Извини. Мне следовало рассказать тебе о нас. Мне не нравится иметь от тебя секреты, Анна. Но все это казалось таким… странным. Я знаю тебя всю свою жизнь и… — Он сбивается, подносит к губам пластиковый стаканчик, делает глоток и внимательно смотрит на меня. — Я должен был все тебе рассказать.

— Да. Должен был. — Я улыбаюсь ему, чтобы он понял – я не сержусь. — На самом деле. Все в порядке. Эмма рассказала мне. Ты мой друг. Эмма моя лучшая подруга. Так что все хорошо.

— Ты не против того, чтобы мы встречались?

Не буду говорить ему, что до сих пор не могу сложить их имена вместе у себя в голове.

— Определенно. Я определенно не против.

Потом оба замолкаем, уставившись в стол. Он начинает чертить узоры пальцем на пластике стола, а я собираю крошки от пончика в маленькую кучку.

— Расскажи мне о вашем свидании. Наверняка все было здорово, до того как… — Тут же жалею, что произнесла эти слова, но Джастина они не задевают.

Он улыбается, все еще не отводя глаз от поверхности стола.

— Это был классный день. Мы обедали, пили кофе, все было очень мило, но лучше всего было просто побыть вместе у нее дома. Увидеть ее комнату, ее вещи. В общем, просто вместе зависать.

Потом он переводит взгляд на окно позади меня.

— А еще у нас была потрясающая беседа о… — Но тут он опять сбивается, а на губах у него появляется улыбка.

— О чем?

Он слегка качает головой и, наконец-то, смотрит на меня.

— Неважно… Все-таки Эмма очень клевая.

Кладу руки на подбородок и улыбаюсь ему.

— Она и правда тебе очень нравится? — спрашиваю я, он в ответ кивает. Откидывается на стуле и скрещивает руки на груди.

— Да. Должен признать, нравится. Если честно, то я этого не ожидал и даже не был ни в чем уверен до вчерашнего дня. Но теперь точно скажу – да, она мне нравится. Она меня приятно удивила, если можно так сказать.

Не знаю, чувствует ли Эмма то же самое по отношению к нему, но его она явно зацепила.

— Она и меня постоянно удивляет, — произношу я и ловлю себя на мысли, что повторяю слова, которые уже говорила вчера на скале Беннетту, когда описывала Эмму, ее знаменитые скулы, брекеты и как она себя повела с новенькой девочкой с кудрявыми волосами. С улыбкой вспоминаю, какая она сейчас. Точнее, какой была до вчерашнего дня. Те же скулы, но уже никаких брекетов. Просто великолепная, смешливая и очаровательная Эмма, способная очаровать каждого, кто встретится ей на пути – даже таких интровертов и скептиков, как мы с Джастином. Вдруг понимаю, что мы сидим и смотрим друг на друга с одинаково печальным выражением лица, словно не понимаем, что мы оба делаем здесь и почему говорим так о ней.

Неловкое молчание прерывает Джастин.

— Нуу ииии… — говорит он, растягивая слова. — Я придумал тему разговора получше – как прошло твое свидание?

Вопрос вызывает в мыслях воспоминания о вчерашнем дне, чувствую, как улыбка невольно расплывается на моем лице стоит только вспомнить, как мы с Беннеттом, все покрытые меловой пылью, свернувшись на вершине скалы, обменивались вопросами и рассказывали друг другу истории, целовались. Но тут на меня накатывает чувство вины – как я могу счастливо улыбаться, когда Эмма лежит в коме шестью этажами выше.

— Все было здорово.

Стараюсь держать свои эмоции под контролем, когда рассказываю Джастину о том, как мы взбирались на скалы, какие чувства я испытала, когда добралась в первый раз до вершины и увидела тот невероятный пейзаж. Рассказываю, как мы с Беннеттом сидели на вершине и все разговаривали, разговаривали – о музыке и о беге, о путешествиях и о наших семьях. И вдруг меня словно стукнуло. А ведь прямо сейчас я должна была бы сидеть с Эммой в кофейне и рассказывать о своем свидании, а вместо этого сижу в больничном кафетерии с Джастином и рассказываю все это ему. Замолкаю, уставившись на торговый автомат в дальнем углу кафетерия.

— И правда звучит здорово, — говорит Джастин, но его голос кажется мне каким-то тихим и далеким. После мы сидим, и каждый смотрит в свою сторону, никто из нас еще долго не произносит ни слова.

— Во сколько мама заберет тебя? — наконец произносит Джастин.

— В шесть, — отвечаю я и смотрю на часы. Еще только три.

— Пора пойти найти родителей, но если хочешь, то я могу остаться здесь, с тобой, а потом вместе поедем домой. Очень не хочется оставлять тебя здесь одну. — Он говорит очень искренне, но выглядит невероятно истощенным. Словно даже сидение здесь отнимает у него силы.

— Что ты! Со мной все в порядке. Мне лучше побыть с Эммой наедине.

Джастин внимательно смотрит на меня.

— Хорошо. Если ты в этом уверена. — Он тянется ко мне через столик и чуть сжимает мои ладони, чтобы поддержать.

Слабо улыбаюсь ему в ответ.

— Все хорошо. — Кажется, я выгляжу очень уверенной, хотя и лгу ему. Но это ради него. Если бы он не выглядел таким уставшим, то обязательно бы призналась ему, что хочу, чтобы он остался. Сейчас, когда мы сидим вот так, Джастин кажется мне привычным, таким же, как и всегда – моим хорошим другом, который делает для меня музыку и заставляет смеяться, единственным человеком, с которым можно поговорить обо всем – и мне так хочется, чтобы он сейчас меня обнял и сказал, что все будет в порядке, потому что, если он так говорит, значит, так и будет.

После того, как уходит Джастин, приезжает Даниэль, и мы с ней предпринимаем новую попытку прорваться в палату Эммы. Медсестра как раз собирается нас выгнать, как вмешивается мама Эммы и убеждает ее разрешить нам остаться. Но Даниэль не выдерживает в палате долго, спустя десять минут она выходит, и заставить себя вернуться обратно у нее не получается, тогда миссис Аткинс нежно обнимает ее, прижав к плечу, и предлагает ей прийти завтра. Даниэль уверяет ее, что тогда придет завтра утром, потому что в школу все равно не пойдет.

Следующие три часа мы с мамой Эммы проводим, болтая и поглядывая в окно, когда часы, наконец-то, отбивают шесть часов, я чувствую облегчение. Целую Эмму в лоб и обнимаю миссис Аткинс на прощание.

Направляюсь в зал ожидания, чтобы встретиться с мамой, когда слышу в отдалении звук открывающегося лифта. Поворачиваю за угол и нос к носу сталкиваюсь с каким-то посетителем, мы оба отступаем и начинаем бормотать извинения, пока я не осознаю, *кто* стоит передо мной.

— Вот ты где, — произносит он почти в то же время, как я говорю:

— Что ты тут делаешь?

— Ищу тебя, — отвечает Беннетт, на лице его написано беспокойство. — Почему ты ничего не сказала мне об Эмме?

Мне нечего ему ответить. Наверное, мне следовало позвонить ему и все рассказать, но почему-то я этого не сделала. В ответ лишь пожимаю плечами, а он притягивает меня к себе и спрашивает, все ли в порядке. Я киваю и утыкаюсь ему в плечо.

Сейчас самый подходящий момент, чтобы расплакаться, - мне так уютно в его объятиях, его голова прижата к моей, а рука покоится у меня на спине, — но я не могу. Вместо этого рассказываю ему о трубках, аппаратах и швах, о врачах и о реабилитации, которая предстоит Эмме, когда она наконец-то придет в себя. Что она выглядит просто ужасно, словно какой-то чужой человек. И от того, что все это рассказываю ему, чувствую себя еще более жутко.

Снова раздается звук открывающегося лифта, на этот раз из него выходит моя мама. Она выглядит немного удивленной, увидев меня в объятиях парня, которого видела до этого всего один раз и которого я пока ни разу не упоминала на наших семейных ужинах по вторникам.

— Ну, привет!.

— Привет, мам, — нервно отвечаю я. — Помнишь Беннетта… из книжного магазина.

Она кивает и протягивает ему руку.

— Да. Привет, Беннетт.

Она трясет его руку и внимательно рассматривает. Я жду, что она улыбнется ему своей коронной улыбкой медсестры, которая заставляет людей таять, но она этого не делает. И хотя ее взгляд холодным назвать нельзя, но и теплым его тоже не назовешь, и когда она, наконец-то , отпускает руку Беннетта, он выглядит как человек, который испытывает огромное облегчение. Потом она поворачивается ко мне.

— Как Эмма?

Пожимаю плечами.

— По-прежнему. Мама сейчас с ней.

— Пойду, навещу ее, узнаю, могу ли я чем-то помочь. Ты идешь?

Даже представить не могу, как опять вхожу в эту палату.

— Мам. Я пробыла там весь день. Ты не будешь против, если…может быть…Беннетт отвезет меня домой?

Она поворачивается к Беннетту и обеспокоено осматривает его сверху донизу.

— Как ты водишь? — спрашивает она.

— Хорошо. Обычно я осторожен. — Но выражение беспокойства не покидает ее лица, поэтому он добавляет: — Сегодня я буду особенно осторожен.

— Там очень ветрено.

— Я поведу медленно, миссис Грин.

— Ну, хорошо. — Мама притягивает меня к себе, крепко обнимает и целует в лоб. — Увидимся дома, Анна.

Но вместо того, чтобы сразу же направиться в палату к Эмме, она чуть медлит.

— Знаешь, Беннетт, отец Анны мне сказал, что она должна была пригласить тебя к нам на ужин, чтобы мы могли поближе познакомиться. Она тебя пригласила?

Он смотрит сначала на меня, потом на нее.

— Еще нет, миссис Грин, но я уверен…

— Тогда как насчет вторника?

— Вторника? — Беннетт снова смотрит на меня. Я закрываю лицо руками. Слышу, как он говорит:

— Вторник подойдет.

— Великолепно. Тогда еще увидимся. — И мама целует меня в лоб, прежде чем разворачивается и исчезает в глубине коридора.

В лифте Беннетт пристально смотрит на меня.

— Ужин. — Он кивает. — Во вторник.

— Прости за это.

— Ничего страшного. Все хорошо. Я люблю семейные ужины. — Лифт останавливается, и мы рука об руку направляемся к парковке. — Если честно, то я даже не могу вспомнить, когда в последний раз был на семейном ужине. Мы не часто их устраиваем, знаешь ли.

— А мы устраиваем. По вторникам. В этот день мы пораньше закрываем магазин, чтобы и я, и папа оба были дома, а мама никогда не берет дежурства на этот день. Она настаивает, чтобы у нас был один совместный вечер в неделю. И это вторник.

Беннетт открывает для меня дверь машины, и я проскальзываю внутрь. Мы снова наедине, в машине, как и вчера вечером. Только сегодня едем в противоположном направлении, не смеемся и не играем в вопросы и ответы.

— Ты в порядке? — опять, только уже шепотом, спрашивает Беннетт, я киваю, хотя это и не правда.

Свет уличных фонарей, светофоры и фары проезжающих мимо машин движутся словно в замедленном кино, потому что Беннетт едет очень медленно, даже медленнее разрешенной скорости. Видимо, мама его напугала. А может быть дело во мне – может быть для меня сейчас все движется, как в замедленном кино.

— Они были совсем одни. — В итоге произношу я, продолжая глядеть в пассажирское окно. — Джастин ждал четыре часа, пока приедут родители. А к Эмме приехали через два часа.

Я веду пальцем по стеклу и продолжаю, не мигая, смотреть вдаль.

— Не знаю почему, но меня все время это беспокоит, постоянно представляю их лежащими в разных отделениях больницы, окруженными толпой незнакомцев. Возможно, родители и должны ждать хотя бы снаружи, но оставить их вот так одних?

— Они знали, что все уже едут.

— Думаешь? — спрашиваю я, Беннетт тянется ко мне и берет за руку.

Мы молчим еще какое-то время, и, наконец, я решаюсь сказать то, о чем действительно думаю все это время:

— И меня там не было.

Беннетт смотрит на меня.

— Я приехала вообще только через восемь часов.

— Все нормально, Анна. Ты приехала, как только смогла.

Он сжимает мою руку в своей, и хотя он не говорит ничего, но это пожатие действует на меня ободряюще. Рассматриваю наши переплетенные пальцы — под его ногтями все еще осталось немного грязи после вчерашнего восхождения — и вспоминаю, как я довольная лежала у него на груди и изучала линии на его ладони. Его руки кажутся такими обычными, что можно даже забыть, какие необычные вещи они могут делать.

— Боже мой! — Вскрикиваю я и отстраняюсь от него. — Тормози!

— Почему? Что случилось?

— Тор-мо-зи! — Меня трясет, чувствую себя глупо и не могу поверить, что эта мысль раньше не приходила мне в голову.

Беннетт сворачивает на соседнюю улицу, припарковывает машину. Не произнося ни слова и практически не мигая, он глядит сквозь лобовое стекло, в этот самый момент я понимаю – хоть эта мысль и не пришла мне в голову раньше, но его она определенно посещала. Он знает, о чем я хочу его попросить, хоть я на короткое время и забыла об удивительных способностях Беннетта Купера, но он о них никогда не забывал.

— Верни все назад. — Я резко разворачиваюсь лицом к нему. — Беннетт. Пожалуйста. Верни все назад. Верни все на день назад.

— Я не могу, — произносит он, не глядя на меня.

— Ты можешь. Ты можешь все исправить. Перенеси нас в момент перед аварией. Мы остановим их, и они никуда не поедут. Мы все исправим. Беннетт?

Он выходит из машины и громко хлопает дверью, оставляя меня, дрожащую, сидеть на пассажирском сидении. Свет фар выхватывает из темноты его лицо, оно искажено от ярости, Беннетт ударяет кулаком о крышку капота с такой силой, что я подпрыгиваю от неожиданности. Он ходит взад-вперед, потом поворачивается спиной ко мне и облокачивается на капот машины. Наблюдаю, как опускаются и поднимаются его плечи. Наверное, я должна сожалеть о своей просьбе, но не сожалею.

Спустя какое-то время Беннетт возвращается к машине, открывает дверь и садится. Он уже немного успокоился, но его все еще потряхивает от ярости. Он хватается за руль так сильно, что костяшки на его пальцах становятся белыми.

— Пожалуйста, больше никогда не проси меня об этом.

— Послушай, я понимаю эти *твои* правила. — Я намерено делаю акцент на слове «твои», надеясь, что и он поймет меня. — Я понимаю все эти твои, так называемые «эффекты бабочки» и твои суеверия на счет оказания влияния на будущее…

— Это не какой-то там так называемый «эффект бабочки». Это *эффект бабочки* – основная концепция теории хаоса, которая не имеет ничего общего с суевериями. Даже самое небольшое изменение в одной части сложной системы может оказать огромный эффект на другую ее часть – не я это придумал, Анна.

— Ладно, понимаю. Но ты же можешь вносить небольшие изменения? Влиять на маленькие детали? Как это отличается от того, что ты сделал для своих родителей? Или от случая в прошлую пятницу перед испанским? Или когда ты в ночь ограбления изменил те ужасные для меня последствия – ведь тогда для меня все могло кончиться плохо – но не закончилось, потому что ты вмешался. И посмотри… — Я развожу руки и обвожу ими, указывая на пространство вокруг машины. — Ничего ужасного не произошло. Мы все еще здесь. И никакого хаоса из-за бабочек.

— Не все так просто. Наверняка это где-то уже аукнулось. Я просто не могу этого сделать.

Внимательно смотрю на него и жду, жду, когда он сделает то же самое, и наконец-то он поворачивается.

— Не можешь или не будешь?

— Не буду.

— Почему?

— Послушай, мне и тогда не следовало ничего делать, Анна, кроме того, все эти случаи были другими. Я возвращался назад на пять минут или час, но не на целый день. Я не останавливал парня, который приставил нож к твоему горлу, я просто вытащил тебя оттуда и ускорил приезд полиции. А в тот день в школе вообще ничего не изменилось, мы так же пошли в класс, просто я сделал так, словно этого часа и вовсе не было. Все это были самые минимальные изменения. Но предотвратить целую аварию? Значит изменить очень важное событие.

— Извини, но я не понимаю разницы.

— Да? Ты прямо как мой отец. — Беннетт, закусив губу, отворачивается в окно. — Послушай, это скользкий путь – сначала я изменяю одну плохую вещь, которая произошла с невинным человеком, и вот уже я занимаюсь тем, что не позволяю взлетать самолетам, которым суждено разбиться, и вообще становлюсь человеком, который предотвращает природные катастрофы. И в какой-то момент может произойти большая катастрофа, случившаяся из-за того, что я внес изменения для предотвращения предыдущей катастрофы.

Это *моя* способность, и *я* не думаю, что мне следует использовать ее подобным образом. Я могу только наблюдать. *Не изменять* будущее. Я уже нарушаю все правила только лишь находясь здесь.

— Но это ведь не просто *правила*, это *твои* правила. А откуда ты знаешь, что твои правила верные? Может нужно их сначала проверить?

— Нет, — быстро отвечает он и пристально смотрит на меня. — И хочу тебе напомнить, Анна, что я уже пробовал изменить правила по просьбе одной девушки, и все это плохо кончилось. *Для нее*.

В чем-то он прав, но я не сдаюсь. Не могу. Не сейчас, когда моя лучшая подруга прикована к постели, собранная по кусочкам, у которой некоторые органы отсутствуют, а другие держатся на швах. Может быть, она и не очень хороший водитель, но заслуживает, чтобы у нее было будущее.

— Но ведь сейчас речь идет не обо мне. И не о тебе.

Беннетт печально смотрит на меня, я вижу, что он хочет ей помочь. Помочь мне. Быть героем, хотя никогда и не мечтал об этом.

— Да, речь не обо мне, Анна. Речь обо… всех, кто окажется вовлечен. Я не могу. Все это слишком опасно.

— Но ты хотя бы можешь подумать об этом? — Я робко ему улыбаюсь в надежде, что он улыбнется мне в ответ, но Беннетт этого не делает. Просто заводит машину и разворачивается.

— Нет. И больше не проси меня об том.

— Ваши планы путешествий, por favor. — Оборачиваюсь, чтобы забрать стопку планов, которые передают друг другу ученики сзади. У одного из них ламинированная обложка. У другого – спиральное крепление. Свой я хотела скрепить степлером, но пока он, написанный от руки на разных тетрадных листочках, все еще лежит в одном из путеводителей в моем рюкзаке. Не буду сдавать свой план сегодня, скорее всего, не одна я не успела закончить это задание.

Стул Беннетта пустует. Когда он довез меня до дома прошлым вечером, я вышла, хлопнув дверью, даже не попрощавшись, и пошла к дому, не оглядываясь. Спрятавшись, чтобы меня не было видно, я около минуты стояла возле кухонного окна, этого времени оказалось достаточно, чтобы увидеть, как Беннетт сидит, положив голову на руль, потом ударяет по нему и выезжает на дорогу.

Сегодня Арготта много рассказывает, и не заставляет нас беседовать друг с другом. Когда звенит звонок после урока, я чуть задерживаюсь и жду, когда класс опустеет. Потом встаю, подхожу к столу учителя и жду, когда он посмотрит на меня.

— Понравится ли мне ваш план, сеньорита Грин? — спрашивает он, похлопывая по пачке сданных работ с планами путешествий.

— Вам очень понравится мой план, сеньор, только вот он еще не готов.

Жду, что он посмотрит на меня так, словно я его подвела, но вместо этого он понимающе улыбается, встает и обходит вокруг своего стола. Рассказываю ему о несчастном случае с Эммой, произошедшем в субботу (он об этом слышал), напоминаю об ограблении в прошлый понедельник (он сожалеет), и для усиления эффекта говорю ему, что не ищу для себя оправдания, но все-таки это была странная неделя (он соглашается).

— Я бы хотел объявить победителя как можно скорее. Как вы думаете, смогу я сделать это в четверг? — спрашивает он. Я киваю в ответ. — Но если вам понадобится больше времени, просто дайте мне знать. Мы сможем объявить победителя и на следующей неделе.

— Gracias, — говорю я. Выхожу из класса, закидываю книги в шкафчик и иду в столовую. Но вижу наш пустующий столик и решаю, что не голодна.

◄►◄►◄►

Мама высаживает меня около больницы. Тащу свой рюкзак в палату Эммы, усаживаюсь в кресло и начинаю работать над планом. Через тридцать минут приходит медсестра, чтобы проверить состояние Эммы. Сочувственно улыбается мне и выходит из палаты.

Поглядываю на кровать. Эмма кажется такой далекой и потерянной, так что беру свой экземпляр книги «Одинокая планета: Юкатан» усаживаюсь рядом с ней на кровать и начинаю читать о «сахарных пляжах», о «бурной ночной жизни» и о «свинине, тушеной в банановых листьях». Потом дохожу до статьи про шоппинг. О, как раз то, что понравилось бы Эмме!

Начинаю с ней разговаривать, сначала шепотом.

— Это место просто потрясающее, Эм. Послушай: «Покупатели смогут оценить изделия ручной работы, которые можно найти на этом полуострове… изумительные серебряные орнаменты, филигранные работы, выполненные в технике, привезенной сюда еще испанцами, великолепные модели галеонов, вырезанные из красного дерева, и панамы, которые сплетены так плотно, что могут даже удерживать воду». Ну разве это не восхитительно?

Смотрю на спокойные черты Эммы и жду какой-нибудь реакции. Начинаю говорить громче:

— Знаешь, а ведь ты будешь замечательно выглядеть в такой шляпе. Если выиграю конкурс путешествий Арготты, то поеду в Мексику и привезу тебе одну такую.

Снова возвращаюсь к путеводителю:

— О, а как тебе это? Они еще делают самые лучшие гамаки в мире. — Смотрю на нее. — Может лучше привезти тебе гамак? Что думаешь? Хочешь шляпу или гамак?

Жду реакции. Хоть какой-нибудь. Но ни одного движения.

— Ладно, привезу и то, и другое.

Возвращаюсь к чтению, просматриваю страницы путеводителя, одну за другой, в поисках раздела, который был бы ей интересен, уже собираюсь начать читать ей про «знаменитую кухню», как замечаю, что на страницу падает капля. Потом еще одна. И еще. Подношу руки к лицу и обнаруживаю, что щеки у меня влажные, а слезы текут ручьем, причем так быстро, что я не в состоянии их остановить. Мои слезы везде – на страницах, на простыне, на руках Эммы. Оглядываю ее лицо, все эти трубки, и в моем животе снова начинает образовываться комок.

— Прости меня, Эмма, — шепчу я и кладу голову ей на правую руку, единственную часть тела, которая, как мне известно, оказалась почти без повреждений. Наконец-то я позволила себе расплакаться из-за того, что она не должна быть здесь. Она сделала одну маленькую ошибку. Одно неверное движение, которое изменило все. Разве бы я сидела здесь сейчас, если бы всего одна деталь того дня оказалась иной? Что если бы Эмма и Джастин решили пойти в другое место, например, в кино или торговый центр? Что если бы они вышли на десять минут раньше? Или позже? Или если бы Эмма достала этот диск еще до того, как они выехали на шоссе? Что если бы она остановилась у сигнала «стоп», прежде чем выехать на перекресток? Или если бы водитель той, другой машины, забыл бы что-нибудь, вернулся домой и выехал на три минуты позже? Или если бы я не настаивала, чтобы она хранила все свои диски непременно в этом чертовом футляре? Что если, если, если…? Вот если бы изменилась маленькая деталь – всего одна малюсенькая деталь – тогда мы с Эммой провели бы вчерашний день в кофейне, попивая латте и сравнивая наши свидания.

Ему нужно изменить лишь одну маленькую деталь. Он единственный, кто может все исправить, но он слишком боится сделать это.

Целую Эмму в щеку.

— Мне нужно идти, Эм, — шепчу я ей на ухо, — но я вернусь. Я собираюсь все исправить, и тогда ты ничего этого уже не вспомнишь.

22

Мама паркуется возле дома Беннетта, дом явно произвел на нее впечатление.

— Ух ты! Какой дом! — говорит она.

— Это дом его бабушки, — отвечаю я, хотя уверена, что дом, который купил его отец за деньги, заработанные на рынке ценных бумаг, впечатляет не меньше.

— Я приеду домой попозже, ладно? Спасибо, что подбросила. И передай папе «спасибо» за то, что согласился поработать за меня сегодня.

Хлопаю дверцей машины и иду по заснеженной траве – дорожка кажется мне очень скользкой, не заметно, чтобы ее кто-нибудь посыпал. Стучу.

Дверь открывает Беннетт, и я сразу же выпаливаю ему:

— Я только что провела день с Эммой.

Он нервно оглядывается и закрывает за собой дверь, оставаясь со мной на крыльце.

— И как она? — Ему хотя бы хватает совести выглядеть обеспокоенным.

— Все так же. Состояние критическое. Не лучше, чем вчера.

— Дай ей время, Анна. Она поправится.

— Откуда ты знаешь. Ты что встретил ее в будущем и видел, как она счастлива без своей селезенки?

— Теоритически, селезенка ей даже не нужна.

— Я вообще-то не об этом.

— Я знаю.

— Как ты можешь с этим жить – знаешь, что можешь все исправить, но даже попробовать не хочешь?

Беннетт хватает меня за руку и уводит подальше от двери.

— Эй! Ты делаешь мне больно!

Он ослабляет хватку.

— Как я могу с этим жить? — шепчет он и озирается вокруг, чтобы проверить, что никто нас не слышит. — Ты шутишь? Да это убивает меня, Анна. Я хочу попробовать – поверь мне, очень хочу — но что, если я не смогу ничего исправить? Что, если авария все равно произойдет, чтобы я ни сделал? Что, если я изменю что-то не то, и это разрушит всю ее жизнь? Или мою? Или твою?

— Я не знаю. И никто не знает! Но как ты можешь обладать таким даром и не использовать его для того, чтобы хотя бы попробовать? Да, может, ты попробуешь, но авария все равно произойдет, и Эмма все равно окажется в больнице, и ничего не изменится. Но ты хотя бы будешь знать, что попытался…

— А вот что *я* думаю! Я и не должен пытаться. Я не говорю, что это справедливо, или правильно, но что, если…

— Вот только не нужно говорить банальности, типа, «так и должно было случиться», потому что *так* не должно было все случиться. Она не должна была быть там.

— Откуда ты знаешь?

— Что?

— Откуда ты знаешь, что авария не должна была произойти? — спрашивает он. Чувствую, как мое лицо начинает краснеть от гнева. — Послушай, я знаю, что никто не хотел, чтобы все так случилось, но случилось. Может именно так и должно быть, может она должна была оказаться в больнице и очнуться там. Может ей суждено пройти через выздоровление, физическую терапию, суждено впервые в ее безоблачной жизни бороться за что-то. Может так ей суждено стать лучше, научиться медленнее водить машину, например.

Молча смотрю на него. Потом начинаю спускаться по ступенькам, но он хватает меня за руку.

— Анна! Я не говорю, что это правильно. Или что я со всем этим согласен. Я просто говорю, что так уж случилось. Должно было так случиться или нет, я не знаю, но я не должен все менять только потому, что могу.

Я уже слышала от него эти слова, но на этот раз в его голосе звучат новые нотки.

— Постой-ка. О чем ты сейчас говоришь? — Внимательно слежу за выражением его лица. — Ты что, видел ее в будущем? Она поправится? Вот что произойдет?

Он качает головой, и я чувствую, как он ослабляет хватку, не знаю, права я или нет, но вижу, что он просто не знает, что еще сказать. И я не знаю, потому что мне не известно, видел ли он ее будущее или нет, но я точно знаю, что не могу оставить Эмму там, в этой стерильной палате, среди громко пищащих аппаратов, я не могу, только потому, что это часть плана по превращению ее в осторожного водителя или просто в хорошего человека.

Пытаюсь зайти с другой стороны.

— Послушай. Тебе и не нужно ничего предпринимать, чтобы предотвратить аварию. Просто верни нас назад, — замолкаю, чтобы произвести в уме вычисления, — на сорок шесть часов.

Поглядываю на часы.

— Или на сорок семь, если через час мы еще не закончим разговор.

— Это то же самое.

Скрещиваю руки на груди. В итоге мы стоим и молча буравим друг друга взглядом, словно длится какая-то молчаливая дуэль – кто кого переглядит.

— Ладно, у меня еще куча домашней работы, — произношу я и начинаю спускаться по лестнице, на этот раз он меня не удерживает. Я уже почти спустилась, как слышу его голос:

— Анна!

Останавливаюсь на полпути и оборачиваюсь.

— Что?

— Этого недостаточно.

— Что ты имеешь в виду? Чего недостаточно?

— Сорока шести часов. Их недостаточно. — Чувствую, как мне становится легче дышать, словно меня долго держали под водой, а теперь позволили глотнуть воздуха. Он тоже думал об этом! Нет, он не просто думал, он тоже высчитывал время.

Беннетт вздыхает, и я понимаю – он собирается с духом, сейчас он собирается сделать то, чего ему делать совсем не хочется. Проходит несколько минут, и я покорно жду, когда он будет готов сделать следующий шаг. Наконец он произносит:

— Заходи. Я покажу тебе кое-что.

В этот раз в комнате Беннетта намного чище, чем в прошлый. Стол пустой, на нем нет ничего, кроме стакана с карандашами и раскрытого учебника, лежащего обложкой вверх. Беннетт берет красный истрепанный блокнот и снимает резинку, которая удерживает его в закрытом состоянии. Плюхается на кровать и жестом предлагает мне присоединиться, а сам листает блокнот и открывает где-то на последних страницах. Блокнот весь исписан. Наклоняюсь ближе, вижу какие-то даты, часы, минуты, математические символы, которыми исписаны все страницы.

— Тут нужно быть очень точным. — Сколько времени, интересно, он над этим проработал? Ночь? Целые сутки? — Для возвращения нужно найти идеальный момент.

Беннетт показывает мне свои вычисления.

— Как я уже говорил, сорока шести часов тут недостаточно – тогда мы перенесемся в два часа дня субботы, когда мы уже были в Висконсине, в трех часах езды отсюда. — И он показывает мне временную линию, пересекающую страницу. — Нам нужен момент, где мы были вместе, и где мы не находились в машине, мы не должны ехать. Поэтому возвращаться нужно в субботнее утро, как раз за несколько минут до того, как я приехал за тобой.

— Хорошо. Давай. — Я кладу руки на колени ладонями вверх, но Беннетт не берет их.

— Помедленнее, торопыга, и тут не все так просто, — он переворачивает страницу, — ага! вот. Как только мы попадем во временной отрезок других нас, они исчезнут. Поэтому попасть нужно в момент, когда мы сидели в машине у твоего дома, но еще не начали выезжать.

Мысленно переношусь в то утро. И сколько же мы там сидели? Пожалуй, несколько секунд всего. Сколько еще нужно времени, чтобы пристегнуться и задать вопрос «куда мы едем?». Потом мы начали выезжать с подъездной дорожки. Беннетт показывает на цифры на странице.

— Думаю, нам нужно попасть туда где-то в семь минут девятого.

— Хорошо. — В этот раз я его не тороплю.

— Но я не могу все испортить. — Он усаживается рядом со мной. — Поэтому сначала нужно попробовать. Сейчас мы вернемся только на пять минут назад и окажемся в холле у входной двери, а не в моей комнате. К тому времени, как я открою эту дверь, мы двое, те, что находятся сейчас здесь, должны будут исчезнуть, и мы заменим их.

Он подходит к своему столу и возвращается с маленьким пакетиком крекеров. Оставляет его на кровати.

— Это для тебя. Если нам придется вернуться.

— Спасибо, — отвечаю я, встаю и протягиваю ему руки. На этот раз он их берет.

— Но это всего лишь проверка, и она не означает, что потом мы все сделаем по-настоящему, — напоминает он, — потому что я пока не уверен, что могу справиться.

— Поняла.

— Готова?

Киваю.

— Закрой глаза, — командует Беннетт.

Делаю, как он говорит. Когда открываю глаза, обнаруживаю, что стою в коридоре и вижу фотографии с выпускного его мамы. Смотрю налево и вижу Беннетта, нервно наблюдающего за Мэгги.

— Ты как? В порядке? — спрашивает он.

— Да. — Хотя мой желудок уже начинает крутить, но не успеваю я и подумать об этом, как Беннетт хватает меня за руки и тащит к своей комнате, поворачивает ручку двери. Сначала он подглядывает, а потом открывает дверь шире и втягивает меня внутрь. Комната пуста.

Хватаюсь за живот и бегу к кровати, но…крекеров там нет.

— А где крекеры?

— Ой, забыл! — Беннетт пересекает комнату и достает пакетик из рюкзака, и возвращается, держа его в руках. — Теперь мы точно знаем, что все сработало.

Но до меня что-то не доходит.

— Но как ты это понял? Откуда?

— Крекеров не оказалось на кровати, потому что я их туда еще не положил.

— Точно. Вот это да! — Хватаю крекеры и начинаю потихоньку их грызть, надеясь, что меня не стошнит прямо здесь, у него в комнате.

Беннетт проходит в другой угол комнаты и поднимает с пола два красных рюкзака – точно таких же, какие были у нас в субботу, - украшенных веревками и карабинами, и в которых, наверняка, лежат туфли, сэнвичи и бутылки с Gatorade. Только сегодня они кажутся ярче.

— Оставайся здесь, ладно? Я сейчас вернусь. — Он выходит из комнаты и возвращается через несколько минут, на мой взгляд, рюкзаки стали тяжелее.

В руках у него еще один пакетик с крекерами.

Два фраппучино из Старбакса.

И две бутылки с водой.

Он подходит к столу, берет что-то из верхнего ящика, потом подходит к гардеробу. Постепенно все из него вытаскивает – рядом с ним растет высокая стопка из фотоальбомов,

тетрадей, старых ежегодников Уэстлейка, коробок с фотографиями. Шкаф пустеет, Беннетт лезет глубже внутрь и достает пачку банкнот.

— Сколько там? — спрашиваю я.

Он полностью поглощен процессом.

— По тысяче каждому, на случай, если окажемся разделены. Вот.

Пачка купюр со стуком отправляется в мой рюкзак.

Пока Беннетт аккуратно складывает все обратно в шкаф, вспоминаю о Брук и ее рюкзаке с деньгами.

— А вы с Брук когда-нибудь изменяли события?

Он качает головой.

— Нет. Брук это и не нужно было, — рассказывает он, раскладывая книги и фотографии по своим местам. — Хотя как-то она провалила экзамен по истории и чуть не вылетела из колледжа. Еще как-то раз папа застал ее курящей сигарету. Еще был жуткий парень, с которым она встречалась, по имени Стив.

Беннетт закрывает дверцы шкафа и возвращается к столу.

— Надо же! Сейчас, когда я думаю о ней, мне кажется, что у вас двоих много общего. Даже немного пугает тот день, когда вы встретитесь.

Мне кажется, что от этой мысли мое лицо просветлело.

— А я могу с ней встретиться?

Беннетт пожимает плечами.

— Конечно. Как только она вернется домой, я возьму ее сюда с собой, чтобы вы могли познакомиться. Кроме того, мы и так часто здесь бываем, навещаем Мэгги.

— Серьезно? Вы возвращаетесь, чтобы навестить Мэгги?

— Да, постоянно. — Тут он слегка толкает меня плечом. — Не хочу показаться грубым, но давай я расскажу об этом потом? После того, как покончим с изменением истории? — И он задорно улыбается мне.

— Да. Конечно.

— Спасибо. — И Беннетт принимается за дело. — Мы перенесемся в 8:07, окажемся за кустами рядом с твоим домом. Дождись моего сигнала и сразу беги к машине.

— Поняла.

Он протягивает мне рюкзак, я перекидываю его через плечо, Беннетт делает то же самое.

— Да, и, пожалуйста, не отпускай мою руку, даже если передвигаться будет совсем неудобно. Не важно, что происходит вокруг, мы должны быть уверены, что останемся вместе в любом случае. — Эти его четкие распоряжения напоминают мне наше альпинистское свидание - как он рассказывал мне про страховку и про то, что я должна оставаться прикрепленной к нему.

Он берет меня за руки. Я смотрю ему прямо в глаза. Никогда еще не видела его таким напуганным.

— Беннетт?

— Да?

— А я…буду помнить ту субботу? — Мне очень не хочется забывать те чувства, что я тогда испытала – предвкушение нашей поездки, радость восхождения, изумительный вид сверху. Хочу помнить тот момент, когда мы возвращались домой, и я почувствовала, что наконец-то узнала его.

— Ты будешь помнить оба дня.

Тут я прерываю его.

— Но как? Ведь я же не помню того, что произошло в книжном магазине, в первый раз.

— Это потому, что тогда тебя не было со мной. В этот раз ты будешь помнить оба варианта дня, как и я. А сейчас закрой глаза.

Но у меня не получается. Я очень нервничаю, наверное, Беннетт чувствует, как сильно дрожат мои руки.

— Ты уверен в том, что мы сейчас делаем? — спрашиваю я.

— Ты шутишь, так ведь? — Он озадаченно смотрит на меня. — Нет, я не уверен. Я испытываю судьбу. Я вмешиваюсь во время.

Закусив губу, мысленно представляю Эмму и чувствую, как уверенность возвращается ко мне.

— Спасибо, — произношу я. Понимаю, что этого недостаточно, но сейчас это все, что я могу дать.

Беннетт еще крепче сжимает мои руки.

— Закрой глаза.

Открываю глаза, передо мной знакомый двор. Нельзя сказать, что я сразу же была в этом полностью уверена, но вид облупившейся желтой краски убеждает меня, что мы оказались именно там, где Беннетт и планировал. Над нами окно кухни, там, вероятно, сейчас папа допивает свой кофе и читает Sun-Times.

— Готова? — спрашивает Беннетт.

Я киваю.

— Бежим!

Мы выбегаем из кустов и направляемся прямиком к подъездной дорожке, мы так крепко держимся за руки, что со стороны можно подумать, что мы участвуем в состязаниях на День независимости, когда пара на трех ногах должна донести до финиша яйцо.

Машина оказывается пустой. У нас получилось! Уже собираюсь рассмеяться от облегчения, как замечаю, что машина едет задом к дороге, постепенно набирая скорость. Беннетт тянет меня к дверце водителя, мы совместными усилиями пытаемся открыть дверцу, но ничего не выходит.

— Она закрыта! — говорит Беннетт и тихо ругается.

Поднимаю взгляд на окно кухни, от мысли, что сейчас нас может увидеть мой отец, сердце начинает учащенно биться, но, к счастью, там никого нет.

Мы с Беннеттом бежим рядом с машиной, пока она не достигает выезда с подъездной дорожки, и наблюдаем, как она выезжает на улицу, пересекает ее, чуть замедляет свой ход, заехав в сугроб, и в итоге утыкается в дерево. Колеса продолжают прокручиваться на тонком льду.

И тут, снова бросив взгляд в окно кухни, вижу отца, он стоит и наблюдает за происходящим. Вдруг он исчезает из моего поля зрения и возникает уже на пороге.

— Что за черт…? — Он быстро пересекает лужайку и останавливается около нас. Мы с Беннеттом спешно расцепляем руки. — Что за черт? — повторяет отец.

— Привет, пап.

— Анни? — Он переводит свой взгляд с Беннетта на меня и обратно. Напоминаю себе, что то, что сейчас происходит, очень сильно отличается от того, что он помнит. По его версии мы вот только что стояли в холле, он пожимал руку Беннетту и просил меня пригласить его на ужин. И вдруг мы оказываемся по середине улицы.

— Пап, я пригласила Беннетта на ужин во вторник, пойдет? — произношу я и вдруг начинаю смеяться так, что не могу остановиться. Папа смотрит на меня, как на полоумную.

Беннетт старается на меня не смотреть.

— Мистер Грин, а у вас может быть… отмычка?

От этих слов я начинаю смеяться еще сильнее, Беннетт изо всех сил старается сохранить серьезное лицо.

Приложив ладони ребром к стеклу, отец заглядывает внутрь машины через окно со стороны водителя.

— И как это вы умудрились запереть ключи в машине, оставив при этом включенным *задний ход*?

Совершенно не представляю, что на это собирается ответить Беннетт, но хотя бы, благодаря этой загадке, папа пока не заметил, что на нас сейчас совершенно другая одежда, а за спинами рюкзаки. И я снова начинаю смеяться.

— Понимаете, я завел машину…и тут мне показалось, что спустило колесо…я решил пойти проверить и, наверное, оставил включенным задний ход, а когда мы вышли из машины и захлопнули двери, они, вероятнее всего…заблокировались автоматически. — Тут он подходит к отцу поближе и тихо произносит:

— Мне кажется, я что-то чересчур нервничаю сегодня.

Папа внимательно смотрит на Беннетта, а потом переводит взгляд на меня.

Теперь я смеюсь уже так сильно, что мне приходится отойти от них и спрятаться за машину, чтобы не мешать Беннетту продолжать сохранять серьезное лицо. Держится он явно лучше меня. Я прислоняюсь к багажнику внедорожника и стараюсь восстановить дыхание, но когда заглядываю внутрь, дыхание у меня перехватывает.

В прошлый раз, когда мы прибыли в Девилс-Лейк, в багажнике я увидела два красных рюкзака, набитых снаряжением для скалолазания. Сейчас эти же самые рюкзаки у нас на спинах, и когда я заглядываю в окно, то вижу груду веревок, металлическое оборудование для скалолазания. Две страховки. Пару туфель, которые купил для меня Беннетт. Пластиковый пакет с сэнвичами и четыре бутылки Gatorade. Мы перенеслись, но все оборудование осталось ровно там же, где и было 52 часа назад.

Многие вещи остались такими же, но вот день определенно изменился.

24

Очень рада, что нам пока некуда спешить – эвакуатор приезжает только через сорок пять минут, еще две минуты уходит на то, чтобы открыть машину, и двадцать минут – на то, чтобы Беннетт подписал все необходимые бумаги, а парень из эвакуатора перестал над ним смеяться. И когда мы, наконец-то, уже сидим в машине и едем по направлению к дому Эммы, думаю, оба чувствуем небольшое головокружение.

Беннетт сделал то, чего никогда не делал прежде, и я смогла этого добиться. Я знаю, что Беннетт все еще ждет, что зловещие лапы времени схватят нас и выбросят отсюда в то время, которому мы принадлежим, но тут уж я ничего поделать не смогу. Даже если у меня опять начнет крутить живот, я этого не замечу.

— Эй, как твоя голова? — спрашиваю я.

Беннетт растирает подушечками пальцев виски.

— Вообще-то хорошо. Если честно, то я даже не думал об этом.

— Может все дело в адреналине, как ты и предполагал.

Мы подъезжаем к дому Эммы, ее Сааб все еще стоит на подъездной дорожке. Никаких разбитых стекол и фар. Никаких вмятин. Никакой крови.

— Она здесь! И с ней все в порядке!

Я выскакиваю из машины и подбегаю к двери. Когда Эмма открывает ее, я бросаюсь и обнимаю ее.

Она одета в купальный халат и тапочки, ее волосы собраны в конский хвост, а на лице нет ни следа косметики. Как же я рада видеть ее лицо таким – с гладкой и безупречной кожей, а не покрытой дорожной пылью и огромными синяками. Она замечает за моей спиной Беннетта и тихонько взвизгивает.

— Черт возьми! — Она отталкивает меня и плотнее закутывается в халат. — Что вы вообще тут делаете?

Не знаю, что ответить на этот вопрос. Я была так поглощена проблемой переноса во времени, что совершенно не подумала, что мы будем делать, если у нас все-таки получится.

— Ну… — начинаю я и указываю на Беннетта, он уставился в пол и крутит пуговицу пальто. — У нас сегодня свидание. И у вас с Джастином сегодня свидание, так что мы подумали – а почему бы нам не совместить их?

— Совместить наши свидания?

— Да. Мы подумали, что это было бы весело!

— Весело?

Смотрю на Беннетта.

— Ты не мог бы оставить нас на минутку? — прошу я. Он кивает и возвращается к машине, а у меня появляется несколько дополнительных минут, чтобы я могла сымпровизировать. И я снова поворачиваюсь к Эмме. — Понимаешь. Я немного нервничаю, Эм. Не знаю… просто чувствую, что все пройдет лучше, если ты будешь рядом. Ты и Джастин.

— Да не нужна я тебе, чтобы…

— Нужна! Пожалуйста. Давай пойдем вместе. Будет весело, — повторяю я.

— Что ж, ладно. Джастин сначала придёт сюда, а к 11 часам мы подойдем в кофейню. Там и встретимся. — И она начинает закрывать дверь.

Я оглядываюсь на ее Сааб на подъездной дорожке, чтобы сегодня не происходило, он должен оставаться здесь.

Успеваю подставить ногу, чтобы она не закрыла дверь.

— А пусть нас Беннетт отвезет. У него очень хорошая машина и вместительная.

Хорошая и вместительная машина? Говорю, как моя мама. Убираю ногу и начинаю спускаться по ступенькам.

— Мы заберем тебя через полтора часа, — кричу я ей. — А Джастин пусть туда подходит.

Чуть ли не вприпрыжку подхожу к подъездной дорожке, думая о том, какой же здоровой выглядит Эмма. Беннетт смотрит на меня сквозь лобовое стекло, и мне кажется, что у него гордый вид – он доволен собой.

◄►◄►◄►

Эмма входит в кофейню, чтобы встретить Джастина, пока мы с Беннеттом ждем их в машине, и когда она указывает ему на нас, мы машем им в ответ. Мне кажется, Джастин несколько смущен нашим присутствием, но зато, как и Эмма, полностью здоров и хорошо выглядит. Никакой шины на шее. Никаких порезов. К машине подходит сильный и здоровый человек, совершенно не похожий на человека, пережившего серьезную аварию с боковым столкновением.

— Постарайся быть спокойной, — напоминает мне Беннетт. Этих слов оказывается достаточно, чтобы я не выпрыгнула тут же из машины и не кинулась обнимать Джастина.

— Ну и, — начинает Беннетт, когда все в сборе, — мы не хотели бы менять ваши планы. Куда вы собирались пойти сегодня?

— Мы планировали заглянуть в один магазин звукозаписи в городе, — отвечает Джастин.

А Эмма добавляет:

— А потом я хотела, чтобы мы зашли в Музей искусств.

— Великолепно, — подводит итог Беннетт, — музыка и искусство.

Оборачиваюсь к этим двоим на заднем сидении, чтобы приободрить их улыбкой, и замечаю, как они обмениваются неловкими взглядами.

К тому времени, как я поворачиваюсь обратно и смотрю вперед сквозь лобовое стекло, Беннетт сворачивает к железнодорожной станции.

— Как насчет того, чтобы поехать в город на электричке?

— На электричке? — переспрашивает Эмма.

— Да. Этот вид транспорта менее вреден для окружающей среды.

— Для окружающей среды? — скептически повторяет Эмма. Сморщившись, она внимательно поглядывает на железнодорожную станцию и ступеньки, которые ведут к ней. — Да ну, давайте лучше поедем на машине. Так намного проще. Я знаю хорошие места для парковки.

— А так намного веселее, — отвечает ей Беннетт и вылезает из машины, закрыв за собой дверь и не оставляя ей шанса что-либо возразить. Все мы тоже выходим из машины, а я беру Беннетта за руку и смеюсь – никогда еще не видела Эмму такой «Эммой» раньше.

Итак, наш день начинается с магазина «Reckless Records», который Джастин называет самым великолепным музыкальным магазином всех времен. Сначала мы все разбредаемся в разных направлениях. Потом соединяемся в пары, пригласившие друг друга на свидание, а потом и вовсе на пары, с которыми свидания не планировались – мы с Джастином изучаем диски в стиле «ска» (*ска – музыкальный стиль, появившийся на Ямайке в конце 1950-х годов. На его основе возник стиль «рэгги» Прим.ред.*), а Беннетт и Эмма обсуждают группы в отделе классического рока.

— Послушай, — шепчет мне Джастин и оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что никто нас не слышит.

— Извини, что не сказал тебе, — и обводит рукой комнату, — об Эмме и обо мне. Мне не нравится, когда у меня есть от тебя секреты, но все это казалось таким… странным. Я знаю тебя всю свою жизнь и… я должен был все тебе рассказать.

Я лишь улыбаюсь в ответ, вспоминая, что точно такие же слова он говорил мне в кафетерии госпиталя.

— Все нормально, Джастин. Мне рассказала Эмма. Это здорово. Я так за вас рада, ребята.

Он легонько толкает меня плечом.

— Классно. Спасибо. В таком случае вы не могли бы оставить нас наедине на какое-то время? Твой парень, Беннет, он меня слегка нервирует и я забываю все, что хотел сказать. А у меня припасена пара хороших шуток. О, кстати, что думаешь на счет этого свитера?

Привстаю на цыпочки и чуть треплю его волосы.

— Он великолепен. — Джастин улыбается мне в ответ, и я замечаю, как его веснушки начинают исчезать под смущенным румянцем.

Остаток дня мы проводим, прогуливаясь по магазинам. Обедаем в переполненном ресторане. Делаем все возможное, чтобы в два часа дня – в момент, когда произошла авария – оказаться в самом безопасном месте, какое только смог придумать Беннетт – на третьем этаже Музея искусств. Время бежит. И вот мы уже в электричке, возвращаемся обратно в Эванстон, потом едем на машине Беннетта. Поскольку домой еще пока никто не хочет, решаем поехать в ближайший кинотеатр посмотреть, что сейчас показывают. Выясняется, что сейчас идет фильм «Пока ты спал». В любой другой ситуации я бы его не выбрала, потому что выяснилось, что это фильм о мужчине, который упал на рельсы и провел многие недели в коме.

В десять часов вечера Беннетт отвозит меня домой – это на два часа позже, чем мы вернулись в прошлый раз. В какой-то момент начинаю нервничать, представляя, что мама с папой сидят сейчас за столом в кухне и ждут меня. Чтобы сообщить плохие новости о Джастине.

— Зайдешь со мной? Просто хочу убедиться, ну знаешь… что все действительно теперь по-другому.

Беннетт кивает в ответ, и мы подходим к дому. Тут тихо. Сразу же замечаю, что мамы и папы за кухонным столом нет, вдыхаю с облегчением. Мы с Беннеттом проходим через темную кухню на звук, который раздается из гостиной. Поворачиваем за угол и обнаруживаем моих родителей, уютно устроившихся на диване и смотрящих какое-то кино. В камине ярко пылает огонь.

— Привет! — одновременно отзываются они. Мама смотрит на папу и заговорщицки улыбается.

— Вижу, ты рассказал ей про машину, — говорю я отцу. Улыбаюсь и поворачиваюсь к Беннетту. Он закрывает глаза рукой.

— Точно сможешь прийти к нам на ужин во вторник, Беннетт? — Мама смотрит на него с улыбкой – улыбкой медсестры – и Беннетт тает, как и любой другой, попавший под обаяние этой замечательной улыбки.

— Если что, то мы могли бы заехать и забрать тебя. — И она снова лукаво смотрит на папу. — Знаем, как не просто бывает со всеми этими ключами, передачами, замками…

Тут она не выдерживает и смеется. У меня тоже не получается удержаться. Папа прячет лицо на ее плече и прыскает от смеха.

— Да уж. Не самый приятный момент. — Беннетт все еще закрывает глаза рукой, но потом опускает ее и смеется со всеми.

— Все в порядке. Нам даже понравилось, Беннетт, — говорит отец. — Но теперь мы не позволим тебе забыть этот случай.

Беннетт смотрит на нас и улыбается:

— Здорово.

И впервые с того самого момента, как мы начали второй вариант этого дня, Беннетт начинает расслабляться и принимать то, о чем я знала еще в 8:08 утра. Наше изменение времени прошло успешно. Эмма и Джастин в безопасности. Ничего страшного не произошло. А Беннетт оказался способен на большее, чем предполагал раньше.

— Это была самая невероятная неделя! — объявляет сеньор Арготта, как только звенит звонок, и мы занимаем свои места. Мы с Беннеттом переглядываемся и ухмыляемся друг другу. Уж не знаю, что сделало неделю Арготты такой невероятной, но уверена, нам удалось его переплюнуть.

— У меня была уникальная возможность попутешествовать по Мексике двадцатью разными маршрутами. Это было очень весело! Все эти маршруты были просто фантастическими!

Сеньор Арготта ходит по кабинету кругами, а мы внимательно за ним наблюдаем.

— Но три путешествия, — продолжает он, — три путешествия особенно выделяются среди остальных. И сейчас я бы хотел поделиться ими с вами, посмотрим, сможете ли вы помочь мне решить, кто сегодня уйдет домой вот с этим. — Он залезает в карман пиджака и достает сложенный лист бумаги.

— Чек для путешествия на пятьсот долларов.

Он пару раз дергает его за края, словно распрямляя, и потом прикрепляет к доске магнитом.

Оборачиваюсь и смотрю на Беннетта. Сначала я думала, что работать над нашими планами путешествий вместе будет неправильно, но его улыбка, а еще чашечка латте все-таки заставили меня передумать. Так что в воскресенье после обеда, когда все изменения прошлого были успешно завершены, Беннетт пришел в книжный магазин – как раз была моя смена, - и мы уселись на полу, доставали книги, читали описания вслух. Спустя четыре часа у нас были готовы два кольцевых маршрута, они были совершенно разными, чтобы сеньору Арготта и в

голову не пришло, что мы работали над ними вместе, пересекались они лишь в одном единственном месте – городке Ла-Пас.

Сеньор Арготта гасит свет и включает проектор, на экране появляется разноцветная карта Мексики. Сам маршрут отмечен желтым цветом, каждый пункт назначения обозначен буквой в кружке, которая соответствует определенному пункту в описании маршрута. И это не мой план. И не Беннетта.

— Этот план путешествий был любезно предоставлен нам Кортни Бреслин. — Маршрут, нанесенный на карту, огибает страну по периметру, исключая все то, что находится внутри.

— Взглянув на этот план, мы можем сказать, что эта долгая зима совершенно утомила сеньориту Бреслин. И теперь она очень хочет провести время на пляже.

В классе все начинают смеяться.

— На первый взгляд, кажется, что упущены многие достопримечательности этой страны. Но я выбрал его потому, что, хотя сеньорита Бреслин и взяла самые популярные среди туристов маршруты, тем не менее, она нашла несколько малоизвестных, но совершенно изумительных пляжей. — Сеньор Арготта крепит ее план на доску. — Давайте назовем его *Hora de Playa* – Пляжное время.

Он нажимает кнопку на пульте, и картинка меняется – появляется моя карта. Чувствую, что плечи мои напряглись.

— Сеньорита Грин постаралась совместить два варианта – немного пляжей, немного древних достопримечательностей – что ж, маршрут довольно хорошо разработан. Очень часто, планируя поездку, люди хотят успеть как можно больше. Они так стараются не упустить ничего, что делают свой маршрут чрезвычайно насыщенным. И в итоге, на мой взгляд, не успевают посмотреть ничего. Я выбрал эти три маршрута именно потому, что в них нет попытки включить в себя все. Но в то же время есть место и для сюрпризов. Эдакие спонтанные решения. План сеньориты Грин чересчур активный, но в нем осталось место и для тайны! Для импульсивности! — На этих словах он перемещается в центр класса. — Давайте назовем его *La Aventura* – Приключение.

Atrevida. Дерзкое. Он упустил эту часть, так что я шепотом добавляю: «*La Aventura Atrevida*». Дерзкое путешествие.

— Ну и, наконец, наш последний маршрут от сеньора Камариана.

Мы с Алексом одновременно обмениваемся взглядами, и у обоих удивленное выражение лица.

— Сеньор Камариан интересуется археологией и культурой майя. Он избегает мест большого скопления туристов. Он прилетает в Канкун, но уезжает оттуда так быстро, насколько это возможно. И он оказался единственным человеком, которому удалось найти одно их моих самых любимых мест – руины Кохунлич – где очень сильно чувствуется влияние соседей Мексики – Белиза. — Он поворачивается к Алексу. — Поезжайте туда в сумерки, когда появляются ревуны. Это жутко. И фантастично одновременно.

Затем он снова идет в начало класса и вывешивает на доску маршрут Алекса.

— *El Camino menos viajado*. Путь, по которому путешествуют меньше всего.

Сеньор Арготта включает свет.

— Должен вам сказать, что мне очень понравилось, как вы подошли к заданию. Вы нашли не только те места, которые мне очень нравятся, но еще и места, о которых я раньше не слышал. Я был очень впечатлен, и теперь, благодаря вам, друзья мои, я очень скучаю по дому. — Он вздыхает, но потом снова улыбается и произносит:

— Ну, так как? Вы хотите узнать, кто же выиграл?

Я уже знаю. Очевидно, что выиграл Алекс. У меня ведь нет ни обезьян, ни ревунов и ничего такого.

Арготта ходит взад-вперед по кабинету, как обычно, нагнетая напряжение.

— Все маршруты просто великолепны, но один из них наиболее удачен и охватывает бóльшую территорию, чем остальные. Так что если вы захотите посетить эту страну в первый раз, я бы предложил вам выбрать именно этот маршрут.

Тут он подходит к доске и драматическим жестом обводит все три карты.

— И победителем становится… — произносит он, снимая с доски мой план и поднимая его вверх. — Приключение!

Класс взрывается аплодисментами. Звенит звонок.

Подхожу к Арготте, чтобы забрать свой выигрыш. Беннетт, проходя мимо, шепчет, что подождет меня в коридоре.

— *Muchas gracias*, сеньор Арготта, — говорю я, когда он вручает мне чек. Трудно сказать, кто из нас в этот момент гордится больше.

— Вы это заслужили. — Он уважительно смотрит на меня. Потом поднимает вверх палец и обводит взглядом классную комнату, словно еще хочет что-то мне сказать, но ждет, когда все студенты выйдут. Начинаю беспокоиться, представляя, как Беннетт сейчас стоит за дверью и ждет меня.

— Сеньорита, вы, наверное, уже в курсе, что я отвечаю за летнюю программу по обмену, — говорит он, когда мы, наконец-то, остаемся одни.

Я киваю.

— Так вот в этом году количество принимающих семей по этой программе у нас увеличилось, и у нас не хватило заявлений от студентов. Я понимаю, что, наверное, уже поздно, но у нас еще есть место.

Я не отвечаю, он пытается заполнить тишину:

— Если вы, конечно, в этом заинтересованы.

Я еще не думала о планах на лето. И если уж говорить честно, то с момента появления Беннетта, я вообще мало что планировала дальше завтрашнего дня.

Арготта открывает ящик стола, вытаскивает ярко-желтую папку и протягивает ее мне.

— Это действительно уникальная возможность. Вы сможете провести десять недель в Мексике в замечательной принимающей семье. Вот, возьмите это и поговорите со своими родителями.

Беру папку. Еще пару месяцев назад я бы посчитала это предложение возможностью всей своей жизни, но сейчас, когда у меня есть возможность посетить любое место в мире, оно уже не кажется таким привлекательным.

— Спасибо. Я очень горжусь, что вы выбрали меня.

Расстегиваю молнию на своем доверху заполненном рюкзаке и складываю папку.

— Я обязательно подумаю.

— Хорошо. Принимающая семья знает, что студент может и не приехать, но в любом случае нужно дать им время для подготовки, поэтому очень прошу вернуть мне бумаги настолько быстро, насколько сможете, но не позднее конца мая. Не думаю, что поступят еще заявления, поэтому если все же решитесь – это место ваше.

— Поняла. Спасибо. — И уже со всех ног бегу к двери, поворачиваю за угол и натыкаюсь на Беннетта, он обнимает меня за плечи.

— У тебя получилось! — Улыбается он и прижимает меня к себе, идем по коридору. Голова идет кругом, в хорошем смысле этого слова.

— Ну? Решила уже, куда поедешь на эти деньги?

— В Мексику, конечно. Было бы стыдно не использовать эту замечательно спланированную поездку, в которой есть место и для сюрпризов, — говорю я, изображая акцент Арготты, и лукаво смотрю на него. — Люблю сюрпризы.

— Да, — отвечает Беннетт, — я помню.

Май

26

Вкладываю закладку между страниц книги «Лучшее в Италии 1995» Рика Стивса и выключаю свет, размышляя о музеях, вымощенных улицах и мороженном. С тех пор как мы с Беннеттом побывали в Тайланде, он рассказал мне о первом своем секрете и подарил открытку, прошел месяц. На последнем свидании он пообещал свозить меня в Италию, но

после изменения событий, связанных с Эммой, пока не хотел пользоваться своим талантом даже для путешествий. Я и не просила, я была счастлива с ним здесь и делала вид, что он обычный парень, но все же изучала разговорник, так, на всякий случай.

Закрываю глаза, думая о нем, и только начинаю засыпать, как понимаю – что-то не так. Меня словно что-то отталкивает к краю кровати.

— Эй, — слышу, как кто-то шепчет мне в ухо, — это я.

Открываю глаза и собираюсь закричать.

— Шшш, — произносит чей-то голос, а рука закрывает мой рот, чтобы заглушить звук. Мое сердце бешено бьется, глаза раскрыты от ужаса, начинаю быстро моргать, пока глаза не привыкают к темноте, и я не начинаю различать силуэт.

— Это всего лишь я. Все хорошо. — Повторяет Беннетт до тех пор, пока я не успокаиваюсь. — Все в порядке, Анна. Это я.

— Фто ты тыт деись? — шепчу я в его ладонь, которой он все еще зажимает мой рот.

— Что? — он тихо смеется и убирает ладонь.

— Что ты тут делаешь? — снова повторяю я, сажусь на кровати и бью его по руке. — Ты до смерти меня напугал.

Он все еще смеется.

— Прости, наверное, нужно было постучать, но… — говорит он, показывая на часы, — хоть твоя мама и хорошо ко мне относится, не думаю, что она одобрила бы мой визит в одиннадцать тридцать вечера накануне учебного дня.

Ощущаю, как биение сердца замедляется, и я покрепче закутываюсь в одеяло.

— Все в порядке?

— Да, все просто замечательно. Извини меня. Я не хотел пугать тебя. Просто я лежал в кровати и, вдруг, мне очень захотелось увидеть тебя, не дожидаясь завтра. Поэтому я встал, натянул штаны, мысленно представил твою комнату и, оп-ля, вот я здесь у тебя.

— Оп-ля?

— Оп-ля. Ты же еще не спала?

— Уже засыпала. — Снова кладу голову на подушку и вздыхаю. Пока не могу определиться, как относиться к такому вот его появлению в моей комнате без приглашения.

Беннетт натягивает одеяло мне до подбородка. В комнате темно, лишь луна слабо светит снаружи, но, должно быть, он все же увидел мое лицо.

— Ты сердишься?

Качаю головой.

— Нет, не очень.

— Но все же немного.

Морщу нос.

— Да, наверное.

— Извини, конечно, не следовало вот так появляться. Я лучше пойду.

Мне становится не по себе. Он выглядит таким милым и взволнованым, и когда он уже собирается встать, я дотягиваюсь до него и беру за руку.

— Не уходи, — произношу я.

— Что ты, все в порядке. Увидимся завтра, — шепчет он и нежно целует меня в лоб. Мое сердце снова начинает бешено колотиться, но в этот раз уж не от страха. Еще пять минут назад я скучала по нему, и вот, он у меня в комнате, сидит у меня на кровати, освещенный лунным светом.

— Я, правда, не сержусь. — Совершенно не задумываясь о том, что делаю, хватаю его за руку и сваливаю на кровать, он падает рядом со мной, выглядит немного удивленным. Поворачиваюсь и оказываюсь у него на груди, улыбаясь, смотрю на него. Он здорово смотрится у меня на подушке.

— Не уходи.

Мгновение он смотрит на меня, а потом обнимает за шею и начинает страстно целовать. И хотя между нами объемное одеяло, я чувствую тепло, исходящее от его тела, чувствую страсть его поцелуев. На губах. На шее. На груди. Пять минут, и я уже полностью растворилась в нем, целую его, запускаю пальцы ему под рубашку, чувствую напряжение каждой мышцы у него не спине, когда он еще сильнее прижимает меня к себе. Но внезапно прихожу в себя, вспоминаю, где я, поэтому чуть отодвигаюсь от него, чтобы у меня была возможность поглядывать на дверь спальни.

— Все хорошо, — шепчет Беннетт мне на ухо, хотя мне все еще кажется, что я чувствую его дыхание на шее. — Не беспокойся.

Еще чуть отодвигаюсь от него.

— Но мои родители…

— Не беспокойся о них, — повторяет он. И через несколько минут я снова растворяюсь в его поцелуях. Но так сложно надолго отвлечься от двери. Украдкой смотрю на нее, он это замечает.

Беннетт останавливается, тяжело дышит и улыбается мне. Мои волосы разметались повсюду, он откидывает их в сторону, чтобы заглянуть мне в лицо. Проводит ладонью по щеке.

— Это же я, помнишь? — шепчет он. — Если они вдруг войдут, я просто… исчезну и вернусь через пять минут.

Его озорная улыбка становится еще шире.

— Они ничего не поймут. И ты тоже. Просто снова опрокинешь меня на кровать, и мы все повторим, — он ухмыляется, — заново.

Я отвлекаюсь от двери и собираюсь снова его поцеловать, как в голову мне приходит одна мысль. Не понимаю, откуда вообще она возникла, почему именно сейчас, и почему мне раньше не приходило в голову задать этот вопрос. Опять отстраняюсь от него и внимательно смотрю ему в глаза.

— Но ты ведь раньше так никогда не поступал со мной, верно?

Улыбаюсь, но лицо все же становится хмурым.

— Ты же ничего не изменял, чтобы я потом этого не помнила?

Его улыбка быстро исчезает.

— Беннетт?

Он ничего не отвечает, лишь сильнее вдавливает голову в подушку.

— Один раз, — произносит он, тяжело выдыхая.

Чувствую, как где-то в глубине живота появляется комок и начинает стремительно расти, я бросаю на него свирепый взгляд и жду продолжения. Молчу. Он тоже молчит, ждет моей реакции.

— Когда? — Я сажусь на кровати, заворачиваюсь в одеяло и жду.

Он поворачивается ко мне.

— Помнишь тот вечер, когда ты пришла к Мэгги, а я был груб с тобой.

Киваю.

— А потом я пришел в книжный магазин, чтобы извиниться, и мы пошли выпить кофе.

Киваю снова.

— И я еще провожал тебя домой.

Продолжаю кивать. Потому что все это я хорошо помню. И теперь очень хочу узнать, что же именно я забыла.

— Я поцеловал тебя тогда.

— Поцеловал? — Хотела бы я это запомнить.

Теперь его очередь кивать. А все что могу делать я – это тупо смотреть на него. Потому что это не-воз-мож-но. Все, чего мне хотелось в тот вечер, чтобы он меня поцеловал, но вместо этого он начал бормотать всякую чепуху о том, что такое больше не должно произойти. Тогда я ничего не поняла, но сейчас… Он все-таки меня поцеловал. Вот что тогда произошло!

— Это было уж слишком. Я побоялся того, чем это может для тебя обернуться и… — Он хмурится. — Я тебя поцеловал. Но придя домой, я понял, что наделал. Поэтому вернулся назад и все изменил так, что поцелуя уже не было. Проводил тебя домой. Попрощался.

И это тогда, когда я стояла на тротуаре, смущенная, и, дрожа, наблюдала, как он уходит, а сама пыталась понять, что же сделала не так. Когда после, целых двадцать четыре дня, я мучилась, пытаясь найти ответ на вопрос – почему меня одолевают чувства к человеку, которому я, кажется, абсолютно безразлична.

Больше не могу смотреть на него, откидываюсь на спинку кровати, закрываю глаза и тру виски. Снова открываю глаза, Беннетт внимательно смотрит на меня, искренне и виновато. Я в ответ лишь зажмуриваю глаза еще сильнее.

— Когда ты это сделал? — спрашиваю я. — Я хочу знать точное время, в которое ты вернулся и все изменил.

В тот вечер мы все время были вместе, как он смог это сделать и не столкнуться сам с собой. И тут вдруг я понимаю. Я тогда неудачно пошутила насчет того, что из-за него люди исчезают, и он ушел в уборную. Помню, как подумала тогда, что оттуда он вернулся совершенно другим человеком. Получается, так оно и было.

— Когда ты пошел в уборную, — произношу я.

Беннетт кивает.

Я раздражена и начинаю выходить из себя.

— Ты вообще собирался мне об этом рассказать когда-нибудь?

— Для этого не было причины, но я же рассказал тебе сейчас, — оправдывается он, а я смотрю на него и чуть ли не закипаю от злости. — Слушай, я вовсе не хотел ранить твои чувства, и это было до того, как…

— Так вот почему ты солгал мне? Чтобы защитить мои чувства?

Беннетт перебивает меня.

— Я тебе не лгал. А просто не рассказал. Это не одно и то же.

— Для меня одно и то же.

— Анна, говори, пожалуйста, потише. Ты же не хочешь, чтобы пришли твои родители.

— Мои родители? А почему тебя это беспокоит? Ты ведь просто исчезнешь, а я останусь тут и буду пытаться объяснять моим родителям, с чего это вдруг я кричу. Одна. В своей спальне.

Но все же понижаю голос и продолжаю уже шепотом:

— А еще лучше, почему бы тебе не взять и опять все не переделать – словно этой беседы и вовсе не было?

— Я не буду этого делать. — Отчетливо произносит он каждое слово.

— А почему бы и нет? Это же было бы просто идеально. Уйдешь и вернешься на десять минут назад. Я буду удерживать тебя, а ты меня страстно поцелуешь, как мы уже сделали в этот раз. Хотя тогда я уже не буду знать, что это так же, как «в этот раз».

Чувствую, как к горлу все сильнее подступают слезы, изо всех сил сдерживаю их внутри, чтобы они не смогли вырваться наружу и нанести непоправимый вред. Если я сейчас расплачусь, то он подумает, что мне грустно. Но это не так. Я зла. И слезы эти опасны, они наполнены такой злостью, что могли бы прожечь дыры в стене.

— Анна. — Беннетт говорит спокойным голосом. — Да, я сделал это один раз. Но не сделаю снова. Не после того, как решил рассказать тебе все. Не после того, как решил быть с тобой.

Киваю.

— Ну да, я понимаю. После того, как *ты* решил.

И сразу в памяти всплывают те недели, почти целый месяц, когда я шла на урок испанского и каждый раз терялась в догадках – почему же он перестал смотреть на меня после той ночи. Почему же я чувствую сильную связь с человеком, который, кажется, меня ненавидит.

— Что ж, тем вечером ты решил все изменить. Но вот только до того, как ты все изменил, я уже решила, что хочу быть с тобой. Но я полагаю, что мои чувства тут в расчет не берутся, не так ли?

В комнате воцаряется тишина. Я смотрю на него. А он уставился на покрывало.

— Я ошибся, — наконец произносит Беннетт. — Я сделал так один раз. Но не сделаю этого снова. Я бы никогда так больше не сделал.

Чувствую, как выражение моего лица начинает смягчаться, поэтому плотнее сжимаю губы, чтобы все не испортить. Нужно удержать эти проклятые слезы.

— Думаю, тебе сейчас стоит уйти.

— Что?

— Уходи. Сейчас. Пожалуйста. — Специально говорю те же самые слова и тем же самым тоном, как это сделал он два месяца назад, когда выгонял меня из своего дома.

— Ну же… Анна.

— Ты лицимер. — Крепко зажмуриваю глаза, и на какое-то мгновение все вокруг замирает, все, кроме моей дрожи. Сказать больше нечего, кроме того, что уже сказано, и висит в воздухе, заполняет комнату. Открываю глаза, бросаю на него гневный взгляд и говорю:

— Уходи. Оп-ля!

Чувствую, как поднимается матрас, когда он встает с него. Открываю глаза, рассчитывая, что он уже ушел, но обнаруживаю, что он все еще стоит тут. Он выглядит грустным и закрывает глаза, но я не двигаюсь с места и не произношу ни слова. Я просто смотрю на карту на стене, она становится видна все отчетливее, потому что его силуэт, закрывавший ее, становится все прозрачнее и в итоге вовсе исчезает.

27

Утро в мае еще холодное, но сейчас я хотя бы могу бегать в легких вещах, без перчаток, шерстяных носков и кепки. Я даже с трудом узнаю мужчину с седым хвостом, он теперь в шортах и светлой футболке, когда он дружелюбно машет мне рукой, я киваю ему в ответ со слабой улыбкой. На улице солнечно, и полно зелени, но этого не достаточно, чтобы улучшить мое мрачное настроение. Из-за этого мои ноги соприкасаются с дорожкой намного жестче, чем следовало, и когда достигаю беговой дорожки, чувствую обжигающую боль в голени. Позже мои ноги еще напомнят о себе, и мне придется заплатить дикой болью за такое злоупотребление.

Вхожу в класс испанского, Беннетт уже сидит на своем месте и сверлит меня взглядом, пока я иду по проходу между партами. Занимаю свое место с ледяным выражением лица.

Спустя пару минут чувствую легкое постукивание по плечу. Поскольку сеньор Арготта стоит к нам спиной и пишет на доске спряжения глагола, быстро оборачиваюсь, хватаю сложенный листок бумаги и открываю его:

«Нам нужно поговорить».

Скатываю записку в маленький шарик и бросаю его на пол, в сторону Беннетта.

Арготта поворачивается к нам, и следующие десять минут класс повторяет написанные группы спряжений. Затем он снова отворачивается, чтобы написать следующую порцию инфинитивов, а я опять чувствую постукивание по плечу.

Беннетт протягивает мне смятый листок.

«Мне так жаль. Такое больше НИКОГДА не повторится».

Засовываю записку в карман, поднимаюсь с места, иду к двери и беру разрешение на посещение туалета. Быстро добегаю до туалета и плещу себе в лицо холодной водой. Когда я его вижу, у меня не получается сердиться. Меня слишком тянет к нему, и я уже настолько втянулась во все его секреты и странности, что не могу просто взять и отказаться. Я хочу понять, почему он так поступил, и хочу объяснить ему, почему такое поведение ранит меня, очень хочу поверить, что он действительно сожалеет, а это значит, мне больше не нужно будет сердиться на него.

Еще какое-то время стою, уставившись на свое отражение до тех пор, пока оно не начинает расплываться перед глазами, тогда делаю глубокий вдох и собираю все свои силы в кулак. По пути обратно в класс мысленно прокручиваю слова, которые собираюсь сказать.

Но звенит звонок, и я не успеваю остановить его и высказать все, что думаю. Как только мы выходим в коридор, Беннетт тут же тянет меня против потока голодных учеников, спешащих в столовую, нарушая все законы Пончика. Распахивает двойные двери, ведущие во двор, и застывает на месте, как вкопанный. Хорошая погода всех выгнала на улицу, и теперь здесь нет ни одного тихого местечка.

Не произнося ни слова, мы возвращаемся в холл, в поисках тихого уголка.

— Иди за мной, — говорит он, словно у меня есть выбор, и тянет за собой, проталкиваясь сквозь толпы учеников, пока мы не оказываемся возле шкафчиков на другом конце школы. Останавливаемся возле шкафчика с номером 422, который, как я и подумала, принадлежит ему. Беннетт вводит код и снимает металлический замочек. В отличие от моего шкафчика, обклеенного фотографиями, расписанием, заставленного книгами и заваленного обертками от жвачки, его шкафчик пустой, по нему даже не скажешь, что он кому-то принадлежит. Как и комната в доме у Мэгги – для него он просто функциональный и временный.

Беннетт заталкивает в него наши рюкзаки и захлопывает дверцу.

— Может, сбежим отсюда?

Он берет меня за руки и оглядывает коридор, чтобы удостовериться, что никто нас не видит. Еще до того, как начинаю понимать, что происходит, чувствую в животе знакомое ощущение – все внутри скручивается и сжимается. Мои глаза закрыты, делаю вдох и понимаю по запаху песка, по пению птиц, что мы больше не в Пончике.

Решаюсь открыть глаза.

Здесь еще раннее утро, но в маленькой гавани уже тепло, поворачиваюсь на месте и оглядываюсь. Вокруг меня много желтого, голубого и красного, но основной цвет – цвет моря, окруженного с трех сторон холмами. Замечаю церковь, крыша которой увенчана ярко-зеленым крестом. Склон холма покрыт ярко раскрашенными домиками, разделенными на кварталы крутыми лестницами, вырубленными прямо в склоне. За исключением пары рыбаков в доке, мы одни в этом маленьком красивом городе, жители которого еще спят.

Улыбаюсь, но смотрю вниз, чтобы Беннетт этого не заметил – он пока еще не заслужил прощения. Все это настолько же невероятно, насколько становится понятно – он играет нечестно.

— Ладно, — говорю я, вкладывая в голос столько ехидства, сколько могу, — я сдаюсь. Совершенно не представляю, где мы сейчас находимся.

— В одном тихом местечке.

И мы проходим мимо гавани, пестрящей разноцветными рыбацкими лодками, идем по направлению к валунам, выступающим в море, словно пирс. Достигаем побережья, и Беннетт смело ступает на гладкие камни, я следую за ним, перепрыгивая с одного на другой. Наконец, он останавливается и садится на небольшой камень, зажатый между двумя большими

валунами и очень напоминающий что-то вроде узкой скамеечки, которая с трудом вмещает нас обоих. Беннетт искоса глядит на меня, потом поворачивается лицом к лицу и с надеждой улыбается.

— Все еще злишься?

Пока еще не решила, чего конкретно я сейчас хочу – обнять его или столкнуть с этого камня.

— Да, Беннетт. Все еще злюсь. И что? Ты теперь каждый раз будешь переносить меня на остров, когда напортачишь? Ты даже не спросил у меня разрешения.

— Я всего лишь искал тихое место, где мы могли поговорить. И это не остров. Это рыбацкая деревушка. — Он выглядит очень несчастным. — Это Вернацца.

Закрываю глаза и прислушиваюсь к шуму волн, накатывающих на скалы, сердце неистово бьется в груди. Вернацца. Италия.

— Извини меня. — Я уже сбилась со счета, сколько раз он произнес эту фразу. Беннетт берет меня за подбородок и вынуждает посмотреть ему в глаза, но я вырываюсь. — Мне следовало все тебе рассказать.

— Дело совсем не в том, что ты не сказал мне об этом раньше. — Смотрю куда-то вдаль и пытаюсь собрать мысли в кучу. Я не могла простить не то, что он не сказал мне – я почти понимала, почему он так поступил. Я не могла простить ему того, что он украл мою свободную волю.

— А в чем же тогда?

— У тебя есть возможность изменять жизни людей, Беннетт. И это совсем не так романтично, как кажется сначала. Ты можешь переделать мою жизнь, в буквальном смысле этого слова. И в тот вечер ты изменил ее, даже не дав мне шанса сделать выбор, ты не можешь так поступать.

— Но ведь и ты не дала Эмме права выбора. И Джастину, — отвечает Беннетт. — Если ты помнишь, мы изменили их жизни и не спрашивали у них на то разрешения.

— Это не одно и то же.

— Нет, то же самое, — объясняет он. — Мы совершенно не представляем, что происходило с ними с момента, как они проснулись в тот день, и до того, как они попали в аварию. А что если кто-то из них сделал или сказал что-то важное, а мы просто взяли и вычеркнули это что-то из их жизни. Мы изменили ее. Мы поступили так, потому что думали, что поступаем правильно, хотели защитить их от боли. И в ситуации с тобой моя причина была такой же.

— Но мне пришлось умолять тебя сделать то изменение. А как же твои правила не вмешиваться, а? Что, они могут меняться, если тебе это удобно?

— Я хотел защитить тебя.

— Ты не сможешь защитить меня. Во всяком случае, не все время.

— В этом-то все и дело. Я могу. И буду это делать. Даже если для этого мне придется солгать.

Не могу смотреть на него. Вместо этого наблюдаю за маленькими волнами – как они накатывают на камни и снова отступают.

— Я не хочу, чтобы ты защищал меня, Беннетт, не таким способом. Если ты особенный, это еще не дает тебе права выбирать, что я должна чувствовать, переживать. Не тебе решать, что я знаю, а чего нет. Что я должна испытать, а что нет. Не должно быть такого.

— Послушай, Анна. Да, я изменил то, что произошло в тот вечер, но тогда все было по-другому. Я просто старался дистанцироваться от всех как можно дальше. Я не хотел, чтобы так случилось.

Неодобрительно смотрю на него.

— Теперь я это понимаю, — поясняет он. Какое-то время мы сидим в тишине.

— Это был единственный раз, — наконец произносит он, — и такое больше никогда не повторится.

Беннетт смотрит мне прямо в глаза, и я вижу, что он действительно так думает, я вижу, что он очень хочет, чтобы эта ссора закончилась, но не уверена до конца, что он понял, насколько сильно ранил меня.

— Помнишь, ты как-то попросил меня сделать выбор: остаться с тобой или нет? — спрашиваю я. — Ты тогда рассказал мне все свои секреты и позволил решать – чего хочу я.

Беннетт переводит взгляд на воду и кивает.

— Для меня это значило очень много – то, что ты оставил *мне* право выбирать. Именно поэтому мне сейчас сложно понять, как ты смог сделать выбор *за меня*.

— Я допустил ошибку.

— И…, — снова начинаю я, но слова застревают у меня в горле. — Из-за этого мы потеряли три недели. Мы могли бы быть вместе на три недели дольше.

Он вздыхает, но по его лицу я вижу, что для него все встало на свои места, он понял, что забрал что-то важное не только у меня, а у нас. И когда он снова повторяет свое извинение, я слышу раскаяние в его голосе, поэтому, когда он обнимает и крепко прижимает меня к себе, я чувствую, что начинаю оттаивать.

— Это больше не повторится.

— Знаю, — печально отвечаю я и киваю, потом отодвигаюсь от него, чтобы он смог увидеть мои глаза, когда я скажу ему то, что собираюсь.

— Послушай, Беннетт. Думаю, я смогу как-то смириться с тем фактом, что ты можешь менять события моей жизни, как бы дико это ни звучало. — Прежде чем продолжить, я улыбаюсь ему, впервые так искренне с того момента, как узнала, что он сделал. — Но это моя жизнь. И я единственный человек, который может решать, что в ней произойдет дальше.

Протягиваю ему руку. — Договорились?

— Договорились, — отвечает он и пожимает ее.

— Так ты покажешь мне этот городок, или как?

◄►◄►◄►

Вернацца оказалась именно такой, как ее и описывал Беннетт. Мы выходим из гавани и направляемся к центральной части города, проходя по узким улочкам, вымощенным брусчаткой, с рядами маленьких магазинчиков, пока еще закрытых. Беннетт подходит к двери, над полосатым навесом которой висит флаг Италии, и открывает ее передо мной, я вхожу. Звонок над дверью звучит так знакомо, что в какой-то момент мне кажется, что я вхожу в наш книжный магазин. Но как только чувствую запах хлеба, сахара и тепла, понимаю, что это не так – мы в пекарне.

Женщина за прилавком что-то переставляет, выкладывает горы булочек на блюдо за стеклом, как только мы входим, она поднимает на нас глаза.

— Buon giorno.

— Buon giorno, — отвечает Беннетт, — Cappuccini, per favore. — И он показывает два пальца, женщина занимает место за кофемашиной.

Мне на глаза попадается подставка с открытками, подхожу, чтобы рассмотреть, кручу ее, наблюдая, как разноцветные фотографии Вернаццы и близлежащих городов проплывают мимо меня. Чувствую, что Беннетт наблюдает за мной. Оборачиваюсь в тот момент, когда Беннетт указывает на стеклянный кувшин на прилавке. Женщина достает два покрытых шоколадом бисквита и выкладывает их на ярко-голубые тарелки. Беннетт указывает ей на меня, я стою под надписью «6/£1,000», которую, скорее всего, она же и сделала.

— Не могли бы вы посчитать еще шесть открыток, пожалуйста?

— Шесть тысяч лир, милый, — отвечает она.

— Можно одолжить? — слышу я вопрос Беннетта, но не вижу, о чем он говорит. Он водрузил тарелки с бисквитами поверх кофейных чашек, и теперь, пытаясь не уронить всю конструкцию, бедром открывает дверь, оставляя меня внутри.

— Выбери пока шесть открыток, которые тебе понравятся, и встретимся за столиком снаружи.

Снова дребезжит дверной звонок, и дверь за ним закрывается.

Подхожу к столику, Беннетт сидит под одним из ярко-желтых зонтиков и, облокотившись на спинку стула, попивает кофе. Сажусь на стул рядом, он показывает на открытки.

— Ну и что ты выбрала?

Раскладываю их на столе.

— Выбери одну.

— Любую?

— Любую, — отвечает он. — Выбери и дай ее мне.

Я выбираю открытку с изображением гавани и разноцветных рыбацких лодочек – первое, что я увидела, когда мы прибыли сюда – и протягиваю ее Беннетту. Он достает из-под ободка одной из голубых тарелок две ручки и отдает одну мне.

— А сейчас, выбери еще одну для себя. Я подпишу открытку для тебя, а ты можешь подписать вторую для меня.

И сильно склонившись над открыткой, он начинает что-то писать. Разглядываю маленькие лодочки на своей открытке, и тут, впервые за все это время, меня пронзает мысль: «Он не остается». Однажды, очень скоро, мы уже не сможем быть вместе так, как сейчас, но у нас останутся эти открытки, к которым мы сможем возвращаться, когда будем очень скучать друг по другу. Давление соответствовать высоким романтическим стандартам накрывает меня, и я собираю мысли в кучу. Начинаю писать:

«Дорогой Беннетт,

Сколько себя знаю, я всегда мечтала посмотреть, что же лежит за пределами того единственного мира, который мне известен – за пределами моей спокойной и обычной жизни. И вот сейчас я здесь, в маленькой рыбацкой деревушке, далеко от своего дома и далеко от всего «нормального» настолько, насколько это возможно. Но самое удивительное во всем этом то, что я полностью уверена – ничто из этого не имело бы никакого значения, если бы ты не сидел рядом со мной. Ты можешь перенести меня куда угодно. Или вообще никуда. Но где бы ты ни находился в этом мире – это именно то место, где я бы хотела быть.»

Тут я останавливаюсь, меня одолевают сомнения, но снова взглянув на Беннетта, все же дописываю два оставшихся слова. Может, слово «люблю» здесь и не уместно, но именно оно вырвалось у меня из глубины души, и я хочу, чтобы оно осталось на этой открытке. Поэтому пишу следующее:

«Люблю,

Анна».

Сразу же протягиваю ему открытку, чтобы не было возможности струсить и забрать ее назад. Беннетт тоже дописывает свою, переворачивает карточку и передает ее мне. Одновременно поднимаем открытки и начинаем читать.

«Анна,

Прости меня, что сразу все тебе не рассказал, и я обещаю, что подобное никогда больше не произойдет. С этой минуты только ты будешь выбирать свое будущее.

Люблю,

Беннетт.»

Ну он хотя бы тоже использовал слово «люблю». Переворачиваю открытку и кладу ее на стол, заставляю себя улыбнуться.

— Спасибо.

Беннетт смущенно смотрит на меня, понимает, что в чем-то промахнулся, но еще не до конца уверен, в чем именно. Чувствую, что он наблюдает за мной, поэтому беру бисквит и откусываю от него кусочек.

— Что такое? — спрашивает он.

— Ничего.

— Нет, ты чем-то разочарована.

Пожимаю плечами и проглатываю только что откушенный кусок.

— Просто… какая-то очень короткая открытка. — Снисходительно смотрю на него. — Кроме того, тебе больше не нужно извиняться.

Думаю, настало время ему узнать меня получше. Раз уж я собралась с мыслями, оглядываться не буду.

— Это действительно то, что ты хотел мне сказать?

— Нет, — отвечает Беннетт, — я точно знаю, что хотел сказать, и для этого мне не нужна открытка.

— Ладно, тогда я слушаю.

— Хорошо, значит, так… — тут он делает глубокий вдох, словно готовится к чему-то очень серьезному.

— Я…Ты…Ты просто невероятна, Анна. Я обожаю твою страсть к путешествиям, хотя надо признаться, не совсем ее понимаю. Когда я смотрю на твою «обычную» жизнь, которую ты так жаждешь оставить, то не вижу ничего скучного или предсказуемого – я вижу друзей, которые любят тебя, и семью, которая готова на все ради твоего счастья. Я вижу надежность, которой у меня никогда не было, но которую мне всегда хотелось иметь. Возможно, я показал тебе мир, который знаю лучше всего, но ты и твоя семья открыли для меня мир, которого нет на карте.

— И когда я здесь, то мы оба получаем то, чего всегда хотели – ты получаешь свое дерзкое приключение, а я – такое желанное «ничто». Но самое важное, что мы есть друг у друга.

— Тогда вот тебе еще одна открытка. Напиши все это в ней. — Придвигаю ему еще одну и улыбаюсь, но шучу я сейчас только наполовину.

Беннетт продолжает, словно я его и не прерывала.

— Не думаю, что смогу когда-нибудь вернуться к прежней жизни. Без тебя.

Лицо мое бледнеет, я внимательно смотрю на него.

— Что ты сейчас сказал?

— Я говорю…Что я по уши влюбился в тебя. И гадаю…что если у меня получится не уходить, совсем?

То слово, которое еще недавно я сомневалась даже писать в открытке, теперь произносит он, и хотя я была рада увидеть его на открытке, но, кажется, еще совершенно не готова услышать его вслух. Он любит меня. Он хочет остаться со мной. Все еще не могу осознать эту мысль, но чувствую, как внутри загорается лучик надежды. Тут ловлю себя на мысли, что все еще, не отрываясь, смотрю на него.

— Тебя это устроит?

— Что именно?

Он улыбается.

— Ну…все, наверное.

— Да. — Просто сижу и киваю, не знаю, что ответить ему, но точно знаю, чего хочу. Поэтому вместо того, чтобы сказать ему, что я чувствую, выбираю более легкий путь.

— Как долго ты останешься?

— После окончания школы?

Я снова вспоминаю слова, которые он произнес в книжном магазине, когда впервые поцеловал меня – я никогда не остаюсь – думаю, он заметил сомнение в моем взгляде.

— Мне казалось, ты этого не можешь.

Беннетт пожимает плечами.

— И я думал, что не могу, но… я здесь уже довольно долго.

— А как же Брук?

— Когда она вернется домой, у меня уже не будет причин оставаться там, я просто скажу всем, что я нужен Мэгги, и хочу остаться тут с ней. Расскажу им о тебе…

— Да ладно. Ты серьезно думаешь, что они смирятся с этим? Не будут в ярости?

Он отрицательно качает головой, но вслух говорит:

— Абсолютно. – И на его лице появляется широкая улыбка.

Чувствую, как горит мое лицо, а его слова так и вертятся у меня в голове: «Я по уши влюбился в тебя. Если у меня получится не уходить, совсем». Он хочет остаться со мной!

— Ну, тогда тебе предстоит пережить множество ужинов по вторникам, — произношу я. — Думаешь, вынесешь такое?

— А еще предстоит множество путешествий, — отвечает он. — Ты сможешь это вынести?

Беннетт перегибается через стол, отодвигает капучино и обхватывает мое лицо ладонями. Страстно целует меня – это его обещание нашего будущего, но даже в это время я чувствую, как натянуты мои нервы, потому что мы все еще здесь, в настоящем.

Остаток дня мы проводим в Чинкве-Терре.

И всю ночь тоже.

Втыкаю кнопку в маленький городок Вернацца и отхожу назад, эта новая отметка на карте словно мостик между Юго-Восточной Азией и штатом Иллинойс.

Благодаря невероятному дару Беннетта, я вернулась домой так, что родители даже и не заметили моего отсутствия всю ночь, не знаю, что произошло бы, но есть нехорошее предчувствие, если бы я не вернулась в школу. Или не появилась бы в книжном магазине. Или не пришла домой на ужин. То застала бы в итоге своих родителей, измотанных от беспокойства. Они уже позвонили бы в полицию. Соседи ходили бы по улицам с фонарями. Все телефонные столбы были бы обклеены моими портретами. А так даже спустя двадцать два часа Беннетт вернул нас на то же самое место у его шкафчика – место, где мы ненадолго прервали нашу ссору, взялись за руки, закрыли глаза и покинули школьный коридор на целый день – прошло меньше минуты, и никто не забеспокоился, не потерял меня.

И хотя я знала, что этот день мог бы оказаться ужасным для моих родных, никакой вины за собой не чувствую. За эти двадцать два часа мы с Беннеттом пешком поднялись по горной тропе, проходящей от Вернаццы до Монтероссо – самой крутой тропинке, соединяющей пять деревень. Она пролегала через оливковые сады и виноградники, мы пробирались по узким тропкам и в итоге вышли на площадку с изумительным видом на обе деревни и Средиземное море.

Вторую половину дня мы провели в Монтероссо, а когда устали от туристов и захотели вернуться в спокойную Вернаццу, то наняли небольшую лодку. Лодка скользила по голубой воде, иногда подпрыгивая и балансируя на волнах, а я лежала на груди у Беннетта и улыбалась, глядя в облака. Перед самым прибытием в гавань, он обвил меня руками, наклонился ближе и прошептал на ухо:

— Останься со мной на ночь.

Даже вспоминая об этом сейчас, я ни на секунду не жалею о своем ответе. Тогда я определенно не думала ни о нервных звонках и расклеенных плакатах, ни о полиции и соседях, хотя, наверное, стоило бы. Я просто эгоистично осталась, в объятиях Беннетта, наблюдая за восходом солнца над Тосканой из окна крошечного пансиона на склоне холма.

29

Пронзительные звуки наполняют мою комнату, даже не успеваю подумать, что делать дальше, а рука уже машинально ударяет по будильнику, стоящему на прикроватной тумбочке – нужно выиграть еще десять минут. Потом все же встаю, пока чувство вины не прокралось под мое мягкое одеяло и не свернулось рядом калачиком, опускаю обе ноги на пол и наощупь, сквозь темноту, бреду к шкафу.

Уже через десять минут, с музыкой в ушах, делаю привычные повороты, пробегаю мимо мужчины с седым конским хвостом и достигаю пружинистой поверхности трека. Бегу, погруженная в свои мысли, и даже начинаю напевать, как замечаю какое-то движение на трибуне. Присматриваюсь и замечаю Беннетта, сидящего на металлической скамейке, как и тогда, когда я увидела его в первый раз, на нем та же парка, та же нерешительная улыбка на лице, но в этот раз я не колеблюсь. Сворачиваю с дорожки, пересекаю центр поля, покрытый травой, весело машу ему. Взбегаю по бетонным ступенькам, перепрыгивая через одну.

— Ты преследуешь меня, — произношу я, тяжело дыша, когда оказываюсь в пределах его слышимости, — я так и знала.

Он встает, оглядывает трек и быстро идет мне на встречу.

— Привет. Я бы тебя поцеловала, но я вся потная. — Встаю рядом с ним и начинаю утирать лоб краем футболки. — Что ты здесь делаешь? И почему ты в куртке? Сейчас уже, наверное, градусов восемнадцать.

— Боже мой. Ты знаешь меня. Анна, ты знаешь меня?

— Ну да. Ммм..а что, не должна?

Тут он сжимает губы и сдавливает пальцами виски, начинаю понимать, что что-то здесь не так.

— Я пытался вернуться назад. — Голос его звучит резко, глаза широко раскрыты, в них застыла паника. — Но я не смог. Какой сейчас день?

— Вторник. Май… — на мгновение задумываюсь, — шестнадцатое, кажется.

И еще добавляю кое-что, что было бы очевидно для большинства людей, но могло оказаться важным для него.

— Сейчас 1995 год. Беннетт, ты пугаешь меня. Что случилось?

— О, Боже, — снова произносит он, но уже скорее себе под нос, — я все еще здесь.

А потом произносит чуть громче уже для меня:

— Я все еще здесь.

И поскольку он действительно все еще стоит передо мной, я киваю. Делаю шаг назад, чтобы получше всмотреться в его лицо, пока он пытается переварить какую-то информацию.

— Анна, прости меня. Я пытался вернуться к тебе с того момента, как…

До меня начинает что-то доходить.

— Что? С того момента, как *что*?

— Анна, послушай меня. Это очень важно. Брук дома. Скажи ему…ммм, то есть мне… что Брук уже дома. И скажи мне, чтобы я показал тебе… — Но он не успевает договорить и исчезает.

— Что? — Чуть не плача, кричу я. — Показать мне *что*?

Но мои слова повисают в воздухе. Стою и гадаю, откуда и из какого времени он появился, что собирался показать мне. Оглядываю трибуны, словно он мог быть здесь, хотя точно знаю, его уже нет – если уж Беннетт исчез, то тут его точно нет.

Быстро сбегаю вниз, пересекаю кампус и сворачиваю на улицу. *Брук дома*. Мимо мелькают деревья, останавливаюсь только на светофоре, отчаянно пытаюсь выбросить из головы видение, как он растворяется у меня на глазах против своей воли. Мое сердце бьется так быстро, что кажется, оно не выдержит и выскочит из груди, добегаю до крыльца дома Мэгги и стучу в дверь. Пытаюсь восстановить дыхание, пока жду, когда Беннетт мне откроет.

— Анна. — Мэгги определенно удивлена, увидев меня потную и красную на своем крыльце, и тон, с которым она произносит «Доброе утро», ясно дает понять, что она не одобряет такое раннее мое появление.

— Доброе утро, Мэгги, — выдыхаю я. — Извините, что так рано. А Беннетт дома?

Она открывает дверь шире и предлагает мне войти.

— Не думаю, что он уже ушел. Проходи.

— Спасибо, — отвечаю я и спешу за ней вверх по лестнице и дальше по коридору к двери в комнату Беннетта. Стучу и прислушиваюсь, пытаясь услышать хоть какое-то движение, но ничего не слышно – начинаю паниковать. Он говорил, что пытался вернуться сюда. *А что если он уже исчез*? Но тут открывается дверь, и на пороге стоит Беннетт, в одних спортивных штанах, с мокрыми волосами, и улыбается. Резко выдыхаю. Он все еще здесь.

Обвиваю руками его шею, вдыхаю запах шампуня и чувствую тепло его влажной кожи.

— Эй, что случилось? — бодро произносит он, думаю по тому, как крепко я его обнимаю, он понимает, что что-то здесь не так.

— С тобой все в порядке?

Делаю шаг назад.

— Кое-что произошло.

Беннетт втягивает меня внутрь и закрывает за собой дверь. Я не была в этой комнате с тех самых пор, когда мы сидели на его кровати, и я уговаривала его изменить прошлое. Вроде бы прошел всего лишь месяц, но мне казалось, что это было год назад.

— Я снова видела тебя на треке сегодня, как тогда, в марте.

— Снова? Я же тебе уже говорил, что никогда…

— Беннетт. Я видела…другого…тебя. — Вообще-то я собиралась сообщить эту новость немного мягче, но нужно было как-то привлечь его внимание. — Ты снова был на треке, но в этот раз я смогла поговорить с тобой. И ты был шокирован тем, что я тебя знаю.

— Ты уверена? — спрашивает он, в ответ я киваю, я абсолютно уверена. — И что я сказал? Можешь повторить точно? Какие *конкретно* слова я произнес?

— Ты спросил у меня, какой день, и когда я сказала тебе, ты очень удивился. И ты понял, что ты… — Тут я подхожу к нему и кладу голову ему на грудь, —- что ты все еще здесь.

Беннетт внимательно смотрит на меня, его брови сведены вместе, лоб напряжен, он в растерянности.

— И ты просил меня передать тебе, что Брук дома.

— Что?

Я киваю.

— Именно так ты и сказал.

Он смотрит на часы, словно знание того, который сейчас час может помочь ему разгадать эту головоломку.

— Она дома? — произносит он, ни к кому особенно не обращаясь.

Снова киваю.

— И еще. — Я снова полностью завладела его вниманием. — Ты сказал, что пытался вернуться «с того момента, как». А потом просил меня передать тебе, чтобы ты мне что-то показал, но так и не сказал, что именно. Потому что вдруг исчез на середине предложения, словно не мог этому помешать.

«Как-будто ты не мог это контролировать», хотела сказать я, но не сказала.

Беннетт оглядывает комнату, смотрит в окно, в общем куда угодно, только не смотрит на меня.

— Беннетт, что происходит? — Стою, упираясь кулаками в бедра, и надеюсь, что он скажет хоть что-нибудь, что сможет меня успокоить.

— Я не знаю.

Папа везет нас домой с районных соревнований по легкой атлетике, где я показала лучшее время в беге на 3200 метров и обеспечила себе место в финале штата, тут с заднего сидения раздается голос Беннетта:

— Не забросите меня домой по пути, мистер Грин? — произносит он словно на автомате, и такой у него голос с того самого момента, как я рассказала ему о своем разговоре с другим Беннеттом.

Если честно, то я не знаю, что происходит. Знаю только, что Брук уже дома, а он все еще здесь и должен мне что-то показать. Знаю, что всю неделю он отвечает на все мои вопросы односложно с вымученной улыбкой, и после снова уходит с головой в свои мысли. Уже два раза за эту неделю он оставлял меня в полном одиночестве, так что теперь даже и не знаю, состоится ли поход в кино с Эммой и Джастином сегодня вечером, о котором мы договаривались.

— Я заеду за тобой в семь, — говорит он мне, но на меня даже не смотрит. Наблюдаю, как он выходит из машины и исчезает в дверях дома Мэгги.

Ну хоть какая-то определенность.

◄►◄►◄►

Едва я успеваю переступить порог, как начинает трезвонить телефон, не успеваю даже произнести «Привет», а голос Эммы уже доносится из динамика:

— Мы с тобой пройдемся по магазинам. В городе. Заеду за тобой через полчаса.

Смотрю на свою обувь и номер, все еще приколотый на груди.

— Не сегодня, Эм. Я только что вернулась с соревнований. — Кроме того, хочется добавить, что у меня уже есть на сегодня планы. Я хочу попытаться выяснить у Беннетта, что происходит и как можно все вернуть.

Вдобавок ко всему слова «город» и «заеду за тобой» вызывают у меня в голове картину с Эммой, лежащей в стерильной палате с порезами на лице, с трубками и иглами, торчащими из ее тела. Даже через телефонную трубку, слышу, как она надувает губы, но внезапно возникший в голове образ только больше укрепляет мое решение.

— Эмма, я не поеду по магазинам.

— Анна. Грин. На следующей неделе уже аукцион. В чем ты собираешься идти?

— Возьму у тебя что-нибудь. Я же каждый год так делаю.

Эмма неодобрительно цокает языком, словно не может понять, как это ее угораздило стать моей лучшей подругой.

— Ну, тогда помоги *мне* выбрать платье. Мне нужно что-то новое, блестящее и красивое.

— Я, правда, не думаю…

— Ну же, — скулит она в трубку. — Мне очень нужен твой совет.

И вовсе он ей не нужен, я смотрю на часы и вздыхаю.

— Спасибо! — тут же выпаливает она. — Даю тебе сорок пять минут, чтобы собраться.

Не успевает даже прозвучать последнее слово, как она отключается.

— Как я понял, ты собираешься по магазинам с Эммой? — спрашивает папа, я оборачиваюсь. Даже не подозревала, что он стоит там.

— По-видимому, да.

— Тогда вот, — произносит он, достает из кармана бумажник и дает мне свою кредитную карту, — держи. Чтобы тебе не нужно было одалживать платье.

◄►◄►◄►

Мы едем в город – Эмма без умолку болтает, я молчу и так сильно сжимаю дверную ручку, что белеют костяшки пальцев, - и тратим этот чудный солнечный день на магазины на Мичиган Авеню. Для вечера аукциона Эмма выбирает темно-оранжевое платье, которое изумительно смотрится на ее оливковой коже. Я беру себе черное платье-футляр, оно гораздо проще, но сидит на мне намного лучше, чем вещи Эммы. Кручусь в нем перед тройным зеркалом и невольно представляю себе, как Беннетт ведет меня мимо пар студентов, сотрудников и их супругов, матерей и отцов, и мы выходим на обзорную площадку на девяносто девятом этаже Сирс Тауэр, и тут моя грудь сжимается при мысли, которую я старательно гоню прочь: Что если его уже не будет в следующую субботу?

Я понимаю, что ему, в итоге нужно вернуться домой, но он вернется и останется до выпускного. Ведь вернется же? Очень хочу верить его словам, которые он сказал две недели назад в Вернацце – «Если у меня получится не уходить, совсем», - но они так противоречат словам, которые я услышала на треке пять дней назад – «Я пытался вернуться к тебе с того момента, как…».

Еще пара пакетов и спустя четыре часа Эмма решает, что пора бы уже возвращаться домой, пока она не потратилась полностью. Мы идем к машине, и тут у нее появляется идея.

— О, Анна! — Я подпрыгиваю от неожиданности, когда ее голос визгливым эхом разносится по парковке. — А поехали сейчас ко мне, я помогу тебе подготовиться к свиданию! Нарядим тебя, сделаем прическу и макияж. Давай! Будет весело!

Весело? Я уже как-то раз была ее подопытным, но подобрать слов, чтобы описать этот опыт, до сих пор не могу.

Когда мы садимся в Сааб, положив сумки в багажник и включив музыку, Эмма поворачивается ко мне и восклицает:

— Кажется, я придумала замечательный наряд!

◄►◄►◄►

Оставшуюся часть дня мы с Эммой проводим в подготовке. Она одевает и раздевает меня, вертит и опоясывает, дергает и расчесывает мои волосы. И, наконец, поднимает руки в воздух, заявляя, что ее работа окончена, берет меня за плечи и разворачивает лицом к зеркалу в полный рост, стоящему в ее спальне.

— Та-да! — выкрикивает она, пока я разглядываю себя. Ну что ж, надо отдать ей должное, выгляжу я очень даже хорошо. Мои темные локоны подняты наверх и собраны в пучок, несколько тонких прядей обрамляют лицо. Макияжа на лице довольно много, но цвет подобран хорошо и на клоуна я не похожа. Кидаю взгляд на ноги – я практически стою на цыпочках, такие у меня высокие каблуки – взгляд скользит выше по черным колготкам к короткой обтягивающей юбке. У узкой хлопковой блузки довольно большой вырез, я к таким не привыкла, поэтому скрещиваю руки на груди, чтобы хоть немного его прикрыть.

— Прекрати. — Она опускает мои руки и удерживает их по бокам. — Ты выглядишь потрясающе.

Вздыхаю, но руки расслабляю.

— Ты уверена?

— Абсолютно. — Она подходит к окну и выглядывает наружу. — Где же мальчики? Они уже на двадцать минут опаздывают.

Стою и рассматриваю свое отражение, сердце начинает биться сильнее. А что если он не придет? Что если он уже исчез?

— Ты потрясающа! — снова повторяет Эмма. — Оооо! И, кажется, кто-то вот-вот скажет то же самое.

Спешу присоединиться к ней у окна, прислоняюсь лбом к стеклу и вижу, как Беннетт и Джастин выходят из машины и идут к входной двери. Выдыхаю, оказывается, я даже дыхание задержала.

— Ух ты! Ты только посмотри на них. Все-таки наши парни невероятно милые. — Эмма посылает воздушный поцелуй Джастину, хватает меня за руку и тянет вниз по лестнице. — Пошли.

Она стремительно несется к двери и, кажется, вот-вот взорвется от возбуждения, а когда открывает ее, чтобы встретить парней, акцент ее становится сильнее, чем обычно. Не перестаю улыбаться ей. А, может, я улыбаюсь от того, что наши парни действительно милые. Или от того, что я на высоченных каблуках, в юбке короче, чем одобрила бы мама и глаза подведены сильнее, чем у Мэрлина Мэнсона, но именно сейчас я чувствую себя, наконец-то, нормальной, чего не ощущала всю неделю.

Должно быть, Беннетт чувствует то же самое, потому что, когда он видит меня, начинает сыпать комплиментами, обнимать, и это говорит о том, что он здесь – *по-настоящему* здесь – и впервые с того момента, как мы узнали, что Брук дома, чувствовалось - ему важно быть здесь, именно здесь, а не где-нибудь еще.

Все вместе, рядышком идем в кино, Беннетт обнимает меня за плечо, а Джастин и Эмма держатся за руки. Пока стоим в очереди за попкорном, Джастин, чисто по-братски, говорит мне, что я действительно здорово выгляжу. Эмма делает замечание, чтобы я прекращала попытки увести у нее парня, на что Беннетт шутливо берет ее за руку и говорит, что тогда он

будет ее партнером сегодня вечером и с этими словами ведет ее в кинотеатр, держа в руках огромный стакан с попкорном.

Так продолжалось весь вечер. Хоть мы и были вчетвером, для меня и для Беннетта нас было только двое, все казалось таким обычным, и не потому, что мы делали вид, что все в порядке, а все действительно было таким реальным, комфортным, поэтому я начала думать, что он нашел способ все исправить. Что это все еще была та самая жизнь, которой он так хотел – безопасная, скучная и донельзя обычная.

Уютно устраиваюсь на плече у Беннетта, захватываю большую горсть попкорна и смотрю на экран, довольная тем, что можно вести себя так, словно и не было никакой встречи с другим Беннеттом и всяких выяснений, что значит «с тех пор, как..», не думать о том, можем ли мы все это контролировать. Будто сейчас нет ничего важнее в мире этого двойного свидания и попкорна с фруктовыми конфетами, а наше дерзкое приключение сейчас в полном разгаре.

◄►◄►◄►

Беннетт развозит Джастина и Эмму по домам, и когда поворачивает в сторону моего дома, сердце у меня уходит в пятки от одной только мысли, что уже пора возвращаться домой. Мне так не хочется, чтобы этот обычный вечер заканчивался. Не хотелось думать, что Беннетт может уйти или может вернуться, не хотелось, чтобы он, проснувшись завтра утром, снова погрузился в свои мысли, напрочь позабыв, как здорово было сегодня вечером.

— С тобой все в порядке?

Дотрагиваюсь до его руки.

— Вообще-то, нет. Я хочу, чтобы ты поговорил со мной.

Мы проезжаем еще пару кварталов, он останавливается на небольшой парковке возле какого-то офисного здания и заглушает двигатель. Свет фар пропадает в темноте, мы молча сидим, глядя сквозь лобовое стекло в пустоту.

Наконец, Беннетт поворачивается ко мне лицом.

— Я действительно верю в то, что сказал тогда в Вернацце.

Голос у него низкий и уверенный, а взгляд печальный и какой-то отсутствующий.

Жду, что он скажет дальше, но он молчит, поэтому решаю сама заполнить возникшую тишину.

— Но теперь ты не думаешь, что сможешь остаться?

Он вздыхает.

— Я не знаю, Анна. Такая ситуация совершенно незнакома для меня. Раньше ничего подобного со мной не происходило. — И он смотрит мимо меня в темноту за окном.

— Что ты должен показать мне, Беннетт?

Он качает головой.

— Я все это время пытался понять, но единственная вещь, которая пришла мне в голову, это та, которую я не могу тебе показать.

— Почему?

— Потому… что она в моей комнате. В моей настоящей комнате, в Сан-Франциско. В 2012 году. Не думаю, что идея принести эту вещь сюда будет хорошей, но и идея взять тебя в будущее еще хуже.

— Но тогда на треке именно ты сказал мне об этом. Что я должна это увидеть, что бы это ни было. Думаю, ты должен мне это показать, Беннетт.

Он крепко сжимает губы.

— Давай я лучше просто тебе расскажу.

— Ты должен показать мне. Так ты сказал. — Тут я беру его за руку, лежащую на панели. — А еще я хочу увидеть твою комнату.

— Ни за что. — Он вырывает у меня руку и кладет ее на руль. Потом смотрит мне прямо в глаза.

— Я уже говорил тебе, Анна, что готов перенести тебя в любую точку мира, куда бы ты только ни захотела, но только не раньше и не позже сегодняшнего дня. Ты не можешь видеть собственное будущее.

— А я и не собираюсь. Я хочу увидеть твое настоящее. Я буду просто наблюдать, так же, как делаешь это ты.

— Я не должен переносить тебя в будущее.

— Кто это сказал?

— Я.

— А что если ты ошибаешься?

— А что если нет?

— Ты и про аварию говорил так же, а посмотри, в итоге же все хорошо получилось. Послушай, — говорю я, — ты должен мне это показать, кроме того, если ты все-таки уйдешь, если по какой-то причине действительно не сможешь…

Не могу дальше говорить, слова застревают в горле.

— Я просто должна знать, где ты будешь.

Он долго смотрит на меня. Совершенно не представляю, о чем он сейчас думает.

— Пожалуйста, — умоляю я его, — всего на несколько минут. Просто покажи мне то, что я должна увидеть и сразу же вернемся назад.

Он закрывает глаза, в машине стоит звенящая тишина, все, что я сейчас могу, только сидеть и смотреть на него. Проходят минуты, наконец, он достает ключи из замка зажигания и кладет их в карман джинсов. Я протягиваю ему свои руки.

Закрываю глаза и слышу, как он говорит:

— Только пять минут.

— Мы на месте.

Открываю глаза. В комнате темно, мы стоим посредине комнаты с искривленными стеклами вместо стен, из них открывается вид на город, вижу мерцающие на горизонте огни и темную береговую линию.

— Ух ты! И это твоя комната? — Очень не хочется отводить глаза от этого вида, но я все же оборачиваюсь, чтобы рассмотреть все остальное.

Эта комната выглядит более обитаемой, чем его комната в доме Мэгги, хотя и эта комната слишком уж чистая и лишена индивидуальности, но я замечаю картины в рамках на стене. Кровать аккуратно заправлена, а на огромном стеклянно-металлическом столе в углу я замечаю серебристо-черный экран и цифровые часы, которые показывают 11:06.

— Какое сейчас число?

— 27 мая 2012 года.

Итак, я в будущем, спустя 17 лет, в настоящей комнате Беннетта. Подхожу к столу, на нем стоит одинокая фотография в рамке, на которой запечатлен Беннетт, обнимающий Мэгги. Они улыбаются. Беннетт здесь выглядит моложе, это на пару секунд выбивает меня из колеи, но вот что действительно поражает меня, так это то, что Мэгги здесь выглядит совершено по-другому. Здесь она такая старая, хрупкая и худая, и совсем не похожа на Мэгги из 1995 года. Беннетт берет фотографию и кладет ее на стол изображением вниз, по его взгляду я догадываюсь, что вскоре после того, как была сделана эта фотография, она умерла.

Снова оглядываюсь вокруг. Вспоминаю свою комнату – все стены в ней увешаны номерами от участия в совервнованиях и фотографиями, все полки заставлены дисками и наградами – и понимаю, что в этой комнате очень мало…его. Вдруг замечаю большую

стеклянную чашу на тумбочке рядом с кроватью, кажется, я знаю, что внутри нее. Это точно его, личное.

Присаживаюсь на краешек кровати и начинаю перебирать корешки от билетов. «U2» в Канзас-Сити, 1997 год. «Red Hot Chili Peppers», Лоллапалуза, 1996 год. «The Pixies» в Калифорнийском университете Дэвиса, 2004 год. «Lenny Kravitz» в Парамаунт в Нью-Йорке, 1998 год. «The Smashing Pumpkins» в Осаке, 1996 год. Ван Хален в Лос-Анджелесе, 1994 год. «The Ramones» в Голливуде, 1996 год. Эрик Клэптон, Кливленд, 2000 год. И еще куча корешков от билетов на концерты групп, о которых я даже и не слышала, наверное, они начали выступать уже после 1995 года. Сотни билетов.

Поднимаю глаза и вижу, что Беннетт что-то ищет в глубине самого большого ящика. Наконец, он достает оттуда деревянную коробку и поднимает крышку. Потом подходит ко мне, держа в руках листок бумаги.

— Что это? — спрашиваю я.

— Письмо.

Складываю билеты снова в чашу.

— Ты должен был показать мне письмо?

— Думаю, что да. — Он внимательно смотрит на меня и делает глубокий вдох, будто пытается набраться смелости.

— В прошлом году мы с друзьями катались в парке, и ко мне подошла женщина. — Он начинает сомневаться, но я продолжаю смотреть на него, ожидая продолжения, и вдруг его лицо расслабляется и появляется улыбка, которая так хорошо мне знакома. — Она была очень красива. С огромными карими глазами и кудрявыми волосами. Он спросила, можем ли мы поговорить наедине, а потом протянула мне это.

Беннетт разглаживает письмо и протягивает его мне.

— И что в нем?

— Тебе нужно самой прочитать.

— Я не хочу читать его. — Отвожу письмо в сторону и стараюсь не смотреть на слова. Я умоляла его перенести меня сюда и показать это письмо, и вот мы здесь, и я понимаю, что не хочу этого. Я хочу обратно в Эванстон. Хочу вернуться и делать вид, что ничего не произошло.

Беннетт снова дает мне письмо.

— Мне нужно, чтобы ты знала все.

Чувствую, как чуть-чуть кривится мое лицо.

— А я думала, что я и так уже все знаю. Беннетт?

— Не все. Пожалуйста.

Беру его и начинаю читать:

4 октября 2011 года

Дорогой Беннетт,

Очень переживаю, что сказала слишком много и нарушила все правила, которым ты когда-то меня учил. Надеюсь, что мне удалось достаточно осторожно подобрать слова. Однажды, мой визит и это письмо обретут для тебя смысл. А сейчас, просто поверь мне.

Последние семнадцать лет моя жизнь была хорошей и спокойной. Она не была дерзким приключением, как мне всегда хотелось, но я была счастлива. Но в то же время я никогда не забывала, что когда-то ты дал мне выбор между двумя дорогами и каким-то образом, против своей воли – и думаю, что и против твоей, - я оказалась не на той. На той, которую я не выбирала. Отдавая тебе это письмо, я совершаю, наверное, самый рискованный и

пугающий поступок в своей жизни, просто мне очень нужно знать, куда бы привел тот путь, который я тогда выбрала.

Уже скоро мы с тобой встретимся. А потом расстанемся навсегда. Но думаю, что смогу все исправить – просто мне нужно принять другое решение. Скажи мне, чтобы я прожила жизнь для себя, а не для тебя. Скажи мне, чтобы я не ждала, когда ты вернешься – это, я думаю, изменит все.

С любовью,

Анна.

Я всегда писала свое имя с заглавной буквы «А», которая больше походит на строчную – закругленной, а не острой. Очевидно, что в 2011 году я все еще пишу так же.

— Это от…меня?

Беннетт кивает в ответ.

— То есть от будущей…меня? — Кому угодно эти слова показались бы безумными, но только не Беннетту Куперу, он лишь просто кивнул, словно это было что-то само собой разумеющееся.

— И как давно оно у тебя? — Спрашиваю я, постоянно напоминая себе, что нужно не забывать дышать.

Он указывает на дату.

— С октября прошлого года. — Ну хотя бы тут, когда он произносит эти слова, у его голоса извиняющийся тон.

— То есть ты прочитал его…еще до того, как попал в Эванстон.

— Много раз. — Наблюдаю за ним и вспоминаю тот первый день в столовой, когда я назвала ему свое имя, а он тут же побледнел. Он знал меня. Он встречал меня раньше. Пятью месяцами ранее. Шестнадцатью годами позже.

Он берет мои руки в свои, и правильно делает, потому что на ногах я уже держусь не уверено.

— Ты должна понять, Анна. Я отправился в Эванстон только, чтобы найти Брук. Честно. Я рассчитывал, что найду ее за несколько дней, и вернусь домой. В Уэйстлейке я оказался только потому, что пообещал родителям. Можешь себе представить, как я почувствовал себя тогда в столовой? Когда услышал твое имя, увидел твои волосы, твои глаза и понял, что это была ты? Ты была Анной. — И он указал на письмо. — Этой Анной. Человеком, которого я встретил пятью месяцами ранее в парке в 2011 году. И вот ты здесь, в столовой школы в 1995 году в городке, в котором мне совсем не хотелось находиться.

Тут его голос надломился.

— Сперва я всячески пытался тебя избегать. Наверное, мне все-таки стоило продолжать так делать. Все эти слова каждый день крутились у меня в голове, и я не знал, что мне делать. Я не хотел создавать тебе такую жизнь, — произносит он, глядя на письмо. — Я не хотел ранить тебя.

И вдруг меня осенило. Не знаю, почему я не понимала этого сразу, но понятно, что это было неизбежно. Он не вернулся. Он не остался. Мы потеряли друг друга на семнадцать лет, а может быть и навсегда.

Уже скоро мы с тобой встретимся. А потом расстанемся навсегда. И он все это время знал об этом.

— Почему ты не рассказал мне об этом?

Беннетт молча смотрит в пол.

— Не знаю. Я думал, что смогу избежать этого. — Наконец произносит он. — Когда меня постоянно возвращало сюда, а я возвращался обратно в Эванстон, мне казалось, что меня начинает подпитывать какая-то сила. Как будто я учился оставаться в одном месте на длительный срок. В письме не говорится, сколько времени я пробыл в 1995-м, просто говориться, что я исчез навсегда. Мне казалось, что если я вернусь и останусь, что, если я не буду уходить…

Он замолкает и смотрит на меня. Его глаза полны раскаяния.

— И был полностью в этом уверен, пока ты не сказала, что встретила другого меня на треке на прошлой неделе, тогда я понял, что мне не удалось ничего исправить.

— Ты должен был рассказать мне. — Я с трудом подбираю слова. Он был так уверен в своих способностях, врал мне, думая, что защищает меня от боли. Но все же не смог защитить. И не потому, что я тот человек, которому нужно принять другое решение, а потому, что единственный, кто знает, как это исправить.

— Что я должна сделать по-другому? — спрашиваю я и жду, когда же он нарушит молчание и, наконец-то, заговорит, как обычно, укажет мне на какую-то поворотную точку во времени, которую я упустила, на что-то, что вернет всему этому логику. Скажет мне, что должно произойти потом, и убедит, что все будет хорошо.

Но он снова опускает взгляд в пол и произносит:

— Я не знаю.

В прошлый раз, когда он обидел меня, я собралась и не позволила себе расплакаться перед ним. Но в этот раз мне все равно. В этот раз я уже не могу сдержаться, и позволяю себе расплакаться горькими слезами, полными злости, даже не пытаясь их остановить.

Я плачу потому что он все-таки потерял контроль над своим даром и теперь признавал это, потому что он долгое время хранил все это в себе и клялся, что секретов у него больше нет, только лишь для того, чтобы защитить меня. Но больше всего я плакала по той 31-летней мне, которая провела почти двадцать лет, скучая по мальчику с взъерошенными волосами и дымчато-голубыми глазами, который пришел и изменил ее жизнь одним снежным днем в городе Эванстон штата Иллинойс.

И как он мог не рассказать мне о письме, в котором раскрывалась наша судьба, и из которого становилось понятно, что он не сможет остаться? И что знал об этом все время?

— Как ты мог… — Начинаю говорить я, но не могу закончить предложение. Но мне нужно это сделать, потому что в противном случае я знаю, что он подумает. Он подумает, что разрушил мою жизнь. Что ему с самого начала не следовало быть со мной. Что ему нужно было уйти сразу же, как только появилась такая возможность. Но сейчас я уже слишком любила его, чтобы позволить ему так думать.

Я вытираю слезы, но прежде, чем мы успеваем что-либо сказать друг другу, у меня скручивает живот, и я сгибаюсь пополам, с силой вцепившись в одеяло. Кажется, что все внутри просто пылает. Не могу двигаться, не могу дышать. Но слышу, как Беннетт зовет меня по имени, и чувствую, что он подходит ко мне. Все кажется таким далеким, приглушенным. Его лицо становится неясным, искривленным, словно я смотрю на него через объектив камеры, у которой сбился фокус. Живот крутит и выворачивает с такой силой, что я вынуждена снова согнуться пополам, слышу, как из горла вырывается крик. Громкий.

Потом становится темно и тихо.

Мое лицо в слезах. Чувствую запах кожи и ощущаю ее ладонью, вытягиваю ноги и пытаюсь выпрямиться на сидении. Открываю глаза.

Я вернулась в Эванстон, сижу на темной парковке, совершенно одна, в джипе Беннетта.

— Нет… — Больше ничего не могу произнести, поэтому только повторяю. — Нет. Нет. Нет!

Оглядываюсь и чувствую, как к горлу начинает подступать паника. Продолжаю смотреть на водительское сидение, в надежде, что Беннетт магическим образом снова здесь появится, как он обычно это делает, но его все нет, и ключей от машины, которые должны быть в замке зажигания, тоже нет. Вспоминаю, что Беннетт положил их в карман джинсов.

Цифровые часы на приборной панели показывают 11:11. Прошло всего пять минут.

Теперь я понимаю, что чувствовал тогда вечером в парке Беннетт – когда тебя вышибает против твоей воли, это совсем не похоже на путешествие. Не могу сесть прямо или нормально вдохнуть, тяжело дышу и стараюсь не поддаваться панике. Живот начинает крутить, на этот раз очень сильно, осматриваю машину – она такая чистая – нет даже пустого стаканчика из-под кофе, который я смогла бы использовать, когда меня вырвет. Поэтому прикрываю рот рукой и откидываюсь на сидение.

Дыши.

Держись.

Дыши.

Держись.

Меня сейчас вырвет.

И мне нужен большой стакан воды.

Дыши.

Держись.

Тянусь к ручке в дверце машины, начинаю тянуть ее на себя, как вдруг замечаю маленький мигающий огонек на приборной панели. Сигнализация включена. Как только я открою дверь, она сработает. Но все сильнее ощущаю металлический привкус во рту, а живот уже сжался в тугой мяч, поэтому рывком открываю дверь – звук сработавшей сигнализации заглушает издаваемые мной звуки, меня рвет прямо на парковку рядом с машиной.

Когда все содержимое желудка оказывается на асфальте, утираю рот рукавом и осматриваюсь, орущая сигнализация напоминает мне, что у меня нет ключей. Вижу как в доме напротив зажигается свет и понимаю, что нужно убираться отсюда, пока кто-нибудь не вызвал полицию. На всякий случай обыскиваю машину в поисках ключей, надеясь, что они могли таинственным образом появиться.

Сейчас я не слишком далеко от дома, но срываюсь с места и тороплюсь по направлению к своему кварталу так быстро, насколько позволяет мой сегодняшний наряд. Если бы я бежала с обычной для меня скоростью, то оказалась бы дома через пятнадцать минут, но сейчас на это расстояние у меня уходит полчаса, спасибо узкой юбке Эммы и высоким каблукам. Это еще и потому, что я постоянно останавливаюсь, надеюсь, что меня догонит джип Беннетта. Крохотная часть меня все еще надеется на то, что он может появиться в любой момент, и мы будем стоять в темноте и ругаться по поводу письма, и я, скорее всего, прощу его, просто потому, что рада, что он вернулся. Но джип все не появляется.

Наконец-то добираюсь до дома, с трудом поднимаюсь по ступенькам и вхожу. Стараюсь очень тихо прокрасться мимо кухни, но не получается – папа замечает меня.

— Как кино? — Он выглядывает в окно в поисках машины. — А где Беннетт? Разве он не довез тебя домой?

Даже боюсь представить, как я сейчас выгляжу. Зареванная, опухшая, вспотевшая со всклоченными волосами.

— Мы были в кофейне, — солгала я.

Отец оглядывает мою мини юбку, растрепанные волосы, и смотрит на меня таким жестким и сердитым взглядом, которого я у него никогда еще не видела.

— Ты ужасно выглядишь. Что случилось, Анна? Лучше расскажи мне всю правду.

Правду. Сначала мы были в кино. А потом в Сан-Франциско. Я перебирала корешки от билетов, и какое-то мгновение была счастлива, а потом злилась. Вдруг меня вернуло снова на парковку, и теперь я дома. Но говорю я первое, что приходит мне в голову.

— Мы поссорились. Беннетт не знает, где я. Извини. — Чувствую, как слезы снова бегут у меня по щекам. — Это был просто ужасный вечер.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он, и его взгляд смягчается, хочу сказать «нет», но пока не могу произнести ни слова. Папа прижимает меня к себе и держит, пока я соплю ему в плечо. Наконец, слезы закончились.

— В следующий раз лучше иди в книжный магазин и звони мне, чтобы я забрал тебя. Хорошо?

— Хорошо. Прости.

— Ничего. Все в порядке. Держу пари, что утром тебе станет лучше. — И он поглаживает меня по спине. Иду к лестнице.

— Анни. — Поворачиваюсь к нему. — Если лучше не станет, приходи ко мне. Ладно?

Улыбаюсь и бреду по ступенькам наверх. В моей комнате за это время ничего не изменилось. Прежде, чем отправиться по магазинам, я собиралась постирать одежду. Учебники и тетради небрежными стопками лежат на столе. Кровать не заправлена.

Этого просто не может быть. Подхожу к окну и выглядываю, надеясь увидеть машину Беннетта на подъездной дорожке. Перед глазами возникает картина – вот Беннетт сидит на кровати, держа в руках письмо, и беспомощно наблюдает, как впервые за все это время, кто-то исчезает у него на глазах.

Письмо.

В тот день, когда я назвала ему свое имя в столовой, он уже знал, кто я. Он знал, что мы были вместе, и что он должен будет уйти и не вернется. Он знал все, а я не знала ничего.

И вдруг все, что он делал в первый месяц своего пребывания в Эванстоне, становится для меня понятным. Он не хотел ни с кем встречаться потому, что не планировал оставаться, и поэтому он не хотел сближаться со мной, потому что знал – нам придется расстаться. Он дал мне возможность выбора. Я хорошо помню, что он сказал тогда, на вершине скалы. «Ты, как и я, существуешь в 2012 году, но в твоем будущем нет меня. И то, что ты узнала меня здесь…изменит всю твою жизнь». Он не только позволил мне выбрать быть с ним, пока он еще здесь. Он позволил мне выбирать, хочу ли я быть *той* Анной. Девушкой с разбитым в 16 лет сердцем, которая выросла, но так и не забыла о нем.

Вспоминаю ее слова. Мои слова.

Я оказалась не на той дороге.

Расстанемся навсегда.

Просто мне нужно принять другое решение.

Думаю, что смогу все исправить.

Понятия не имею, что все эти слова значат. Какое другое решение я должна принять? И как я могу все исправить?

На улице тихо и темно, светит полная луна, а на безоблачном небе раскинулись мириады звезд. Мечусь по комнате, пока не останавливаюсь перед своей картой, дотрагиваюсь пальцем до точки с обозначением «Эванстон, штат Иллинойс». Провожу по карте линию, которая заканчивается в Сан-Франциско, штат Калифорния. Если бы нас разделяло только это расстояние. Но нет. Нас разделяет еще семнадцать лет.

Вытаскиваю из коробки кнопку и верчу ее в пальцах. Может быть и я, если просто представлю и очень-очень сильно захочу, тоже смогу перенестись куда-нибудь. Подношу кнопку к губам и закрываю глаза, словно у меня есть дар, как у Беннетта, и я могу исчезнуть из этой комнаты и появиться в его. Представляю вид из его окна, чашу, полную корешков от билетов, стол и кровать, еще крепче закрываю глаза и повторяю «27 мая 2012 года. 27 мая 2012 года» вслух, шепотом, снова и снова.

Открываю глаза. Нет. Я все еще здесь, стою напротив своей карты с кнопкой в руках, а по щекам бегут слезы.

Еще раз бросаю взгляд на точку с надписью «Сан-Франциско». Кнопка издает тихий звук, вонзаясь в поверхность карты.

Резко сажусь на кровати и хватаю будильник с тумбочки. 10:22. Утра? Когда же я легла спать? И как вообще смогла уснуть? Все произошедшее вчера всплывает в памяти: меня выбросило обратно, а Беннетт так и не появился.

Одеваю одежду для бега, спускаюсь вниз по лестнице и захлопываю дверь, предварительно проигнорировав ворчание моей мамы по поводу того, что я полдня проспала, попытки заставить меня поесть и ее вопросы, почему это я в воскресенье первым делом тренируюсь. Я не тренируюсь, я бегаю.

Когда, спустя четыре квартала, оказываюсь у дома Мэгги, замечаю, что машины Беннетта тут нет, мой желудок так резко сжимается, что боюсь, как бы меня не стошнило прямо здесь. Взбегаю на крыльцо и звоню.

Никто не открывает.

Снова нажимаю на звонок и жду.

Пытаюсь подглядеть через тюль, что происходит в гостиной, вдруг там увижу какое-то движение, но ничего. Никакого движения. Ни единого звука. Где он? Где Мэгги? Опираюсь спиной на окно и закрываю лицо руками. И что теперь?

Поскольку ни одной хорошей идеи в голову не приходит, решаю довериться своим ногам, которые так и несут меня на парковку – последнее место, где я видела Беннетта и где он мог бы оказаться. Или, вернее, не мог оказаться, но чего бы мне очень хотелось. Чтобы он был здесь. В *моем* городе.

Ноги кажутся мне неуклюжими и деревянными, они словно прилипают к асфальту, пейзаж вокруг сливается в одно большое пятно, все вокруг кажется мне фальшивым. Солнце одаривает ярким теплом каждый дом, мимо которого я пробегаю, освещая кусты роз и только

появившихся тюльпанов, которые растут между дорожек из красного кирпича и зеленых лужаек. Воздух вокруг теплый и влажный, а вот легкие изнутри пощипывает холод, от чего у меня возникает ощущение, словно я дышу через подушку и почти задыхаюсь.

Через две мили я добираюсь до того офисного здания и останавливаюсь, как вкопанная. Машины Беннетта здесь нет, на какую-то долю секунды появляется мысль – не приснилось ли мне все? Но потом замечаю бесформенное пятно рвоты на парковке, и этого мне хватает, чтобы снова поверить, что все происходящее реально.

Чувствую, как к горлу подступают слезы, невероятным усилием сдерживаю их и направляюсь туда, откуда пришла. Больше идти мне некуда, поэтому снова бегу к дому Мэгги, единственного человека, который может знать, где он. Или хотя бы где его машина.

Снова пробегаю этот квартал, мимо тех же самых домов и машин, мимо которых пробегала всего минуту назад. Когда замечаю дорожный указатель с надписью «Гринвуд», перехожу на шаг, и вот тут вижу, как навстречу мне едет джип Беннетта. Мигает правый поворотник, машина поворачивает и скрывается из вида.

Забегаю за угол и наблюдаю, как машина заезжает на подъездную дорожку. Он дома. Чувствую, что бегу намного быстрее, словно кто-то включил другую передачу, не знала, что у меня еще столько сил. Мне достаточно было знать, что он дома.

— Беннетт! — кричу я, ударяю ладонью по заднему стеклу машины и бегу к водительской двери. — Беннетт!

Дверь медленно открывается, и из машины аккуратно выходит Мэгги.

— Боюсь, что это не так. — Отвечает она мягким голосом. Не даю Мэгги пройти, потому что пытаюсь заглянуть за нее, на заднее сидение. Там пусто.

— Где он? Мэгги, где Беннетт?

Она закрывает за собой дверь, и я больше не могу заглянуть внутрь салона. Ее седые волосы блестят в солнечном свете, лицо бледное, а глаза – так похожие на глаза Беннетта – внимательно исследуют меня, как будто пытаются что-то отыскать на моем лице.

— Ты и правда не знаешь, где он? — спрашивает она.

Я отрицательно качаю головой, хотя, конечно же, это не совсем правда. Я знаю, где он. Но сказать ей об этом не могу, она все равно мне не поверит.

Мэгги обнимает меня за плечи и ведет к крыльцу.

— Входи. Давай поговорим. — На трясущихся ногах поднимаюсь вслед за ней по ступенькам и вхожу в дом, жду, когда она повесит свое пальто и сумку. Следую за ней на кухню, и в неловком молчании наблюдаю, как она достает две чашки из буфета и наполняет чайник водой.

Она оборачивается, замечает, что я стою, прислонившись к дверному косяку, нервничая и волнуясь.

— Расслабься и присаживайся. — Мэгги указывает мне на кухонный стол и возвращается к чайным пакетикам. Я сажусь.

Нужно придумать, что сказать ей, но вместо этого зачем-то просто начинаю разглядывать кухню – белый буфет, черную гранитную стойку, цветочную вазу на подоконнике. Мои глаза останавливаются на витражном стекле с горным пейзажем, прикрепленном к кухонному окну присоской и крючком, слежу, как луч солнечного света, пробиваясь через цветное стекло, превращается в оранжевые, голубые и зеленые лучи, проходящие через всю комнату и отражающиеся на белом кухонном столе.

— Это сделала моя дочь в старшей школе, — произносит Мэгги с другой стороны комнаты. Она продолжает, не давая мне времени, чтобы ответить, но это и хорошо, потому что я все равно не знаю, что сказать:

— Мне нравится, когда свет проходит через это стекло. Цвета такие, что аж дух захватывает.

Она ставит передо мной чашку чая, и голубой луч света тут же опускается на нее.

— Я только что из полиции, — продолжает Мэгги, присаживаясь. — Они нашли машину Беннетта пустой на парковке вчера вечером. Сработала сигнализация, и кто-то из соседей позвонил, пожаловался.

Она подносит чашку ко рту и делает глоток.

— В самом деле?

Мэгги с подозрением смотрит на меня поверх чашки.

— А разве вы вчера вечером не были вместе?

Протягиваю руку за чаем, но мои руки трясутся так сильно, что предпочитаю просто придвинуть блюдце поближе к себе.

— Да, мы были вместе. Сходили в кино с друзьями. На обратном пути остановились на этой парковке, — тут я смотрю на нее, — но мы поругались, и я пошла домой, с тех пор я его не видела.

Мне самой эта речь кажется слишком отрепетированной, но я надеюсь, что в ней достаточно деталей, чтобы не вызвать подозрения у Мэгги.

— И ты не знаешь, куда он пошел?

Отрицательно мотаю головой, и это снова ложь. Я знаю, куда он делся, но она мне не поверит.

— Что ж, я совсем не обязана следить за студентом Северо-Западного университета, который просто снимает у меня комнату. Зачем мне все эти неприятности из-за совершенно незнакомого мне человека, верно? — В ее голосе чувствуется какая-то горечь и бравада одновременно, которые лишь подтверждают то, что я и так знаю – она переживает из-за Беннетта. Прячу руки под стол и сильно стискиваю их, чтобы унять дрожь.

— Самое интересное то, что полиция позвонила *мне*, когда нашла его машину. — Морщины на ее лице становятся еще более глубокими от беспокойства и растерянности. — А знаешь, почему они именно мне позвонили?

Я ей отвечаю:

— Нет.

— Ну, во-первых, потому что машина зарегистрирована на меня. А во-вторых, потому что согласно данным Академии Уэстлейк — где он учится в старшей школе — я – его бабушка.

Она медленно делает еще один глоток из чашки и кладет локти на стол.

— Полагаю, ты знаешь, что я была в полной уверенности, что он – студент Университета. И полагаю, ты знаешь, что я, на самом деле, не его бабушка.

Еще раз подношу чашку к губам, но не могу даже сделать глоток - чай еще слишком горячий. Поэтому ставлю чашку обратно на блюдце.

Мэгги делает очередной большой глоток чая, ее, видимо, температура не смущает.

— Не знаешь, зачем он соврал обо мне, Анна?

Будь спокойной. Дыши. Сделай глоток обжигающего чая.

— Зачем он указал меня, как свою бабушку?

Так и хочется сказать ей «Потому что так оно и есть», и убежать от всех событий последних трех месяцев, начиная с момента, как Беннетт появился в городе. Но я не могу

рассказать ей, что тот мальчик, чье фото висит у нее над камином, и тот, что снимает у нее комнату – это один и тот же человек.

— Я не знаю, Мэгги. — Выражение ее лица не меняется.

— Я не знаю. — Повторяю я, словно от этого они могут стать правдой.

Она смотрит на меня такими глазами, что мой желудок невольно начинает сжиматься. Потом она тяжело вздыхает.

— Я и правда, не знаю, что делать. Полиция хочет, чтобы через двадцать четыре часа я заявила о пропаже. Анна, если ты что-нибудь знаешь, то должна рассказать мне. Пожалуйста.

Заглядываю в свою чашку и, наконец-то, делаю глоток.

— Этот мальчик жил в моем доме, и все время врал мне. Он мне нравился, но получается, что я совсем не знала его. Никогда не знала. — Мэгги смотрит мне прямо в глаза. — Но что-то подсказывает мне, что ты знаешь.

Тут она права. Я знаю. И прямо сейчас, мне очень хочется рассказать ей все. Потому что я устала быть одной, кто все знает. Но еще больше, потому что я хочу, чтобы он снова начал ей нравится. И он бы непременно понравился, если бы она узнала, кто он и что сделал для нее.

Очень хочу рассказать ей, что через четыре года ей диагностируют болезнь Альцгеймера. До 2000 года ухудшение будет постепенным, но потом оно начнет прогрессировать и больше не замедлится. К 2001 году она станет забывать все больше, и не только мелкие детали или грустные события. Она будет забывать оплатить счета, где находится ее дом, будет забывать рассказать кому-нибудь все, что нужно, чтобы успели помочь, пока не стало слишком поздно. К 2002 году она уже не сможет сама о себе заботиться. Она забудет свою семью. Ее дочь, мама Беннетта, будет далеко и не сумеет ей помочь. А когда Беннетту будет восемь лет, она умрет.

Но спустя пять лет Беннетт начнет возвращаться в 1995 год. В 1996, в 2000, в 2003. Со временем начнет приводить с собой Брук. Вдвоем они постучат в дверь Мэгги, притворившись студентами, собирающими пожертвования, просто для того, чтобы услышать ее голос. А когда она уже серьезно заболеет, будут появляться у нее ночью, чтобы убраться на кухне и оплатить счета. Когда она будет днем уходить на прием к врачу, Беннетт будет косить лужайку, а Брук будет высаживать цветы. Они будут оставлять наличные в разных укромных уголках ее дома, и хотя они знают, что эти находки будут смущать ее, тем не менее, главное, что она их найдет. И в итоге, Беннетт все-таки посвятит Мэгги в свой секрет. Пусть даже через минуту она его уже и не вспомнит, но зато она умрет, зная, что последние ее годы были другими – вот такой подарок сделал ей Беннетт.

— Анна? — Мои мысли прерывает Мэгги.

— Не нужно, чтобы полиция искала его. — Слова застревают у меня в горле, даже если бы я хотела сказать больше, то не смогла бы.

Ее глаза расширяются от любопытства.

— Почему? Пожалуйста, Анна, ты должна рассказать мне. Что ты знаешь?

Поднимаю на нее глаза, с трудом выдерживая ее взгляд. В итоге опять опускаю взгляд на стол, полный разноцветных отблесков. Что я знаю? Что ж, по крайней мере, на этот вопрос я могу ответить. Если это можно так назвать. Медленно веду палец вдоль зеленой полосы.

— Я, правда, не знаю, как его найти. Но знаю, что он в безопасности, — начинаю я, переходя на шепот. — Я знаю, что он вернулся в Сан-Франциско. Я знаю, что он не хотел уходить, но у него не было выбора. Я знаю, что он не хотел врать вам. Или ранить.

— Кто он такой?

За прошедшие два месяца мне никогда не приходило в голову раскрыть кому бы то ни было секрет Беннетта – ни моим родным, ни моей лучшей подруге – но сейчас, сидя здесь и

глядя в печальные глаза Мэгги, мне очень хочется, чтобы она узнала его так же, как знаю я. Поэтому постоянно напоминаю себе, что это не мой секрет.

— Я не могу рассказать вам, Мэгги. Ему потребовалось много времени, чтобы довериться мне, и когда он все-таки сделал это, я пообещала ему, что никому не раскрою его секрет. Мне очень тяжело от того, что я не могу сейчас вам его рассказать, но это его история, не моя. Но он вовсе не плохой человек. — Хочу добавить, что он любит ее, но останавливаюсь, чтобы не сказать лишнего. — Он сам расскажет о себе, когда вернется.

Она наклоняется вперед.

— И когда это будет?

А вот на этот вопрос я уже не могу ответить, и уже не потому, что не могу нарушить обещание. А потому, что на самом деле не знаю.

— Даже не представляю. Но он однажды сказал мне, что вернется, и я верю ему.

Жду, что она скажет дальше. Чувствую себя просто ужасно.

— Что мне сказать полиции?

Начинаю быстро соображать.

— Ему понадобилось срочно вернуться домой. Кто-то заболел… кто-то из членов семьи. Друг подвез его до аэропорта, а свою машину он оставил на парковке. Но сейчас он с вами связался и сообщил, что с ним все в порядке. Он… — Делаю глубокий вдох, чтобы закончить предложение без паузы. — Он вернулся в Сан-Франциско к своей семье.

— Ты предлагаешь мне лгать? Полиции?

— Это не ложь. Он ведь и правда там. Вы можете рассказать им это, или ничего не говорить, подать заявление о пропаже, и пусть они его ищут. Только вот они его все равно не найдут.

— Если он вернется…

— Когда…— уточняю я. — *Когда* он вернется, я первая узнаю об этом. И не сомневайтесь, вы будете второй. И тогда, я уверена, что он все вам расскажет. Хорошо?

Она несколько раз кивает, соглашается с мои решением.

— И что же мне делать с его вещами? С его машиной?

Машина. В первый раз он сказал мне, что это внедорожник Мэгги, и в текущей ситуации, так оно и оказалось.

— Думаю, что Беннетт купил эту машину для вас.

Она хмурится и внимательно смотрит на меня.

— И с чего бы это ему так делать? Он не достаточно хорошо меня знает, чтобы новые машины мне покупать.

Улыбаюсь ей и вздыхаю.

— Может быть, и не должен был. Но купил. Понимаю, что это не имеет смысла… — Вдруг я замолкаю, мои последние слова, словно эхо звучат у меня в голове – я повторяю слова, которые прочитала прошлым вечером в Сан-Франциско. Слова, которые я напишу Беннетту спустя семнадцать лет. Тогда с ним это сработало. Может быть, сработают и с его бабушкой.

— Однажды, — говорю я, — все это обретет смысл. А сейчас, просто поверьте мне.

Весь последний час я просидела на полу, привалившись спиной к кровати. Одета я в кофту большого размера, которую надевал Беннетт после нашего первого свидания на острове Ко Тао. Все это время смотрю на черное шелковое платье, которое купила для сегодняшнего аукциона. Когда я только принесла его домой и повесила на плечики на дверцу шкафа, оно казалось мне каким-то волшебным, словно множество мультяшных птичек и мышек создали его из ничего, пока я спала.

Но сегодня вечером ровно неделя, как меня вышибло обратно. Годовщина события «с тех самых пор, как…». И поэтому платье стало лишь еще одним экспонатом в моем маленьком музее, состоящем из моей карты, пакета с песком, шести открыток и четырех новых кнопок. Всех тех вещей, один взгляд на которые вызывает у меня воспоминания о нем.

Все еще сижу, уставившись на платье, как раздается стук в дверь. Я этого ждала, интересно, кто из моих родителей вытянул жребий?

— Войдите, — бормочу я.

Эмма?

Перевожу на нее взгляд. Она одета в то самое платье, которое я помогала ей выбирать – платье темно-оранжевого цвета, без бретелек, в пол, сейчас оно смотрится на ней так же великолепно, как и тогда в примерочной. Ее волосы убраны в тугую косу, спускающуюся по шее, несколько прядей обрамляют лицо.

— Ух ты! Выглядишь просто шикарно.

— Спасибо, — отвечает она и садится на пол рядом со мной, опираясь на кровать и придвигаясь ближе ко мне.

Искоса гляжу на нее.

— Ты же помнешь платье.

— Ничего страшного. — Она внимательно осматривает меня с ног до головы, все, начиная с моих кудрявых волос и воспалённых глаз и заканчивая моими леггинсами и – «о, ужас», уверена, так думает она - моими ногами без педикюра.

— Что ты здесь делаешь, Эм?

Она слегка сжимает мою руку.

— Прости. Я знаю, что тебе сейчас хочется побыть одной, но твоя мама попросила меня поговорить с тобой.

Я отворачиваюсь от нее и закатываю глаза. За эту неделю родители все уши мне прожужжали про эту вечеринку, а я всячески старалась показать им, что не собираюсь на нее идти. Ни при каких обстоятельствах. Но чтобы подсылать Эмму? Это уж слишком.

— Я в любом случае хотела зайти к тебе, убедиться, что с тобой все в порядке.

— Со мной все хорошо.

Она недоверчиво смотрит на меня, а потом переводит взгляд на платье.

— Так нечестно, что я единственная, кто видел тебя в нем. Ты выглядела в нем такой красивой.

А вот мне от взгляда на него становится тошно.

— Спасибо.

Несколько минут сидим в полной тишине: я разглядываю ковер на полу, Эмма переводит взгляд с меня на платье и обратно.

— Я не изменю своего решения, — наконец произношу я.

— Я знаю. Но мне нужно пробыть здесь хотя бы минут пятнадцать, чтобы твоя мама поверила, что я действительно пыталась. — Она поворачивается ко мне с улыбкой и легонько ударяет по плечу. — Договорились?

Печально улыбаюсь ей в ответ.

— Спасибо. — Эмма все понимает. Она сразу же все поняла. В прошлое воскресенье сразу же после Мэгги я побежала прямо к ней. Мы сидели у нее в комнате, Эмма подавала мне салфетки и позволила выговориться, поверила в каждое слово моей придуманной истории. Я сказала, что у него заболел кто-то из родственников, и ему пришлось ночным рейсом, сразу же после кино, улететь в Сан-Франциско. Он не знал, сможет ли вернуться, и сожалел, что ему не удалось с ними попрощаться. И что он будет скучать.

На следующий день я повторила эту историю еще раз для нескольких людей и ждала, когда она распространится по Пончику. Так оно и произошло. Через несколько часов уже вся школа знала, что Беннетту пришлось уехать домой, и только я одна знала, что это ложь.

Я смотрю на свою лучшую подругу, такую красивую и счастливую от того, что она идет на вечеринку, которую ждала последние полгода, и понимаю, что я тоже должна была туда пойти. Чтобы увидеть, как Эмма и Даниэль все подготовили. Чтобы увидеть, как танцуют мои родители. Чтобы увидеть Джастина в смокинге. Но я не могу. Не могу идти и притворяться, что я счастлива. Только не без Беннетта. Пока нет.

— Ты злишься на меня? За то, что я не иду сегодня вечером?

Она отрицательно качает головой.

— Нет. Я не злюсь. Я просто… — Я жду продолжения, но она больше ничего не говорит – разглядывает что-то на полу и накручивает нитку от ковра на палец.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Что такое? — повторяю я.

Она делает глубокий вдох и шумно выдыхает. — Я просто очень скучаю по тебе, вот и все. Я знаю, что ты скучаешь по нему, мы все скучаем, но… я, правда, очень скучаю по тебе.

У меня невольно вырывается смешок.

— Но я же вот она, здесь.

— Нет, не здесь.

Понимаю, что она абсолютно права. С того самого дня, как я встретила другого Беннетта на треке и он сказал мне, что все это время пытался вернуться сюда, я делала как раз наоборот: медленно исчезала.

Эмма перестает ковыряться в ковре и смотрит на меня.

— Послушай, Анна, ты моя лучшая подруга, и мне так много в тебе нравится. Я обожаю, когда ты заставляешь меня смеяться, обожаю, что ты любишь музыку и книги, и что ты хочешь путешествовать по миру, и то, что ты посвящаешь себя бегу…но знаешь, что мне нравится в тебе больше всего? Знаешь, что больше всего я люблю в тебе с того самого момента, как мы стали лучшими подругами?

Внимательно смотрю на нее и жду продолжения.

— То, что ты самый сильный человек из всех, кого я знаю. Ты независима и тебя не волнует, кто и что думает о тебе, ты доверяешь своим инстинктам, и…ты умеешь бороться. Я всегда завидовала этому твоему качеству. Если бы Джастин уехал из города и оставил меня здесь, я бы сейчас, наверное, ревела как ненормальная. Но… - Ее слова повисают в воздухе, словно она не решается их произнести. *Но что?* Она ожидала от меня большего? Она не думала, что я окажусь такой слабой?

— И где же твоя борьба? — Наконец произносит она, потом протягивает свою руку и берет мою. — Послушай, я понимаю, что прошла всего лишь неделя, просто… — Она подносит мою руку к своим губам и целует ее.

— Я очень хочу, чтобы моя подруга вернулась.

Я гляжу на нее, и мне вдруг очень хочется все ей рассказать. Хочу вернуться к ней и к своей такой обычной жизни – к маме и папе, к бегу и книгам о путешествиях – не знаю, смогу ли я бороться, когда все эти секреты так давят на меня.

Эмма пока не уходит, так мы и сидим, ждем, когда истекут требуемые пятнадцать минут.

— Мне пора идти. Нужно встречать почетных гостей. — Эмма встает и разглаживает свое платье. Потом, взглянув в мое зеркало, поправляет прическу и проводит подушечками пальцев по глазам.

— Прости меня, Эмма.

Она поворачивает ручку двери, посылает мне воздушный поцелуй и выходит, закрыв за собой дверь.

Я не слышу того, что происходит за дверью, но могу представить, как Эмма спускается вниз и полушепотом говорит о чем-то с Джастином и моими родителями. Подхожу к окну и выглядываю – Джастин с Эммой уже идут к машине. Но прежде чем открыть дверцу машины, Джастин смотрит наверх, видит меня и печально машет рукой. Потом садится в машину, и они уезжают.

Спустя несколько минут мама и папа тоже кричат мне «до свидания!» и «уверена, что все будет в порядке?», после чего уходят. Смотрю на тротуар и нахожу место, где Беннетт впервые поцеловал меня, хотя я этого и не помню. Смотрю на деревья по другую сторону дороги, куда скатилась его машина и встала, потому что мы не совсем верно рассчитали время возвращения. И где бы он ни находился, у него всегда все было под контролем. Если бы он мог вернуться, то обязательно сделал бы это.

И вдруг меня озаряет. Он мог бы быть здесь. Беннетт ошибался, в письме все было написано правильно. Он не возвращается. Он застрял, наперекор своим желаниям и моим. До тех пор, пока я не приму другое решение. Вот только я совершенно не представляю, что должна делать.

Отхожу от окна и подхожу к карте. Стою возле нее и внимательно изучаю с минуту, потом подхожу к ней ближе и начинаю изучать невидимые линии между восемью маленькими кнопками, водя пальцем вверх и вниз и соединяя эти точки между собой. Потом останавливаюсь. Возвращаю свой палец на точку с надписью «Эванстон» и обвожу небольшой кружок вокруг четырех кнопок, с которых когда-то начала: Спрингфилд, Миннесота, Мичиган, Индиана. Потом перевожу палец на Сан-Франциско и делаю круг уже побольше, вокруг Ко Тао, Вернаццы, над Висконсином и снова возвращаюсь в Сан-Франциско.

Должно быть что-то еще. Я уверена, должно быть что-то еще.

Достаю коробку с кнопками и вытаскиваю одну. Гляжу на нее. Потом на карту. И устанавливаю ее на точке «Париж». Вытаскиваю еще одну. Изучаю карту. И втыкаю ее в Мадрид. Опять отхожу от карты, наслаждаясь полученным видом, и снова лезу в пыльную коробку за очередной кнопкой. Втыкаю ее в Сидней. После этого беру коробку и переворачиваю ее, чувствую как маленькие острия вонзаются в мою ладонь.

Устанавливаю кнопку. Токио.

Тибет.

Окленд.

Дублин.

Коста-Рика.

Сан-Пауло.

Прага.

Лос-Анжелес.

Продолжаю и продолжаю вытаскивать кнопки и втыкать их в бумагу до тех пор, пока карта не оказывается покрыта ими в различных местах, которых я никогда не видела, а коробка окончательно не пустеет, как и я.

Июнь

35

Всю прошлую неделю я грустила. А вот на этой только злюсь. Злюсь на Беннетта из-за того, что не рассказал мне о письме раньше. Злюсь на своих друзей за то, что ведут себя так, словно его здесь никогда и не было. Но больше всего злюсь на себя за то, что не боролась и восприняла все происходящее, как что-то абсолютно нормальное.

Непроизвольно сжимаю руки в кулаки, когда сеньор Арготта объявляет:

— *¡Practiquemos la conversación! (с исп. - Практикуем разговорную речь!)* — И идет по рядам, раздавая карточки и выбирая партнеров. Указывает на меня. Потом на Алекса. Закатываю глаза и поворачиваюсь к своему партнеру.

— *¡Hola! (с исп. – Привет!)* — говорит Алекс с улыбкой. — Где ты пропадала в субботу? Нам тебя не хватало. — Странно, что он ждал аж до четверга, чтобы задать мне этот вопрос.

Я в ответ пожимаю плечами.

— Готовлюсь к финалу штата.

— В субботу вечером?

— Нет, Алекс. Каждое утро. Я бегаю *каждое* утро. Даже по воскресеньям. — Произношу последнее слово, и уже сама смущаюсь от своего тона, но извиняться не собираюсь. Вместо этого продолжаю говорить с ним, как и раньше, словно мне стало легче от его смущения.

— Ну и что там у нас в карточке для диалога?

Алекс что-то бормочет себе под нос, поднимает карточку со стола и читает ее.

— О! А это интересно! — И дальше зачитывает текст карточки вслух:

— Партнер номер один: вы проходите собеседование на должность официанта/официантки в одном из лучших ресторанов Мадрида. Партнер номер два: вы – владелец этого ресторана.

Оглядываюсь в поисках чего-то, по чему можно незаметно ударить.

— Не так уж и плохо, да? — Алекс решает не смотреть на меня, замечая, что я вцепилась в края парты. — Кем ты хочешь быть – официантом или владельцем?

— Ни тем, ни другим. — Я отодвигаю стул и бегу к двери, оставляя рюкзак на полу, а учебники на столе. Оставляю Алекса и его глупую карточку для диалога. Оставляю сеньора Арготту, окликающего меня сначала настойчиво, а потом расстроено. Я не останавливаюсь. Не оборачиваюсь. Я бегу по Пончику, мимо шкафчиков, и в буквальном смысле наталкиваюсь на Даниэль.

Она отлетает к шкафчикам и ее деревянный пропуск в туалет падает на пол.

— Что за…!

Вытираю глаза и помогаю ей встать.

— Даниэль, прости, пожалуйста.

Она начинает что-то говорить, но, заметив, что я плачу, спрашивает:

— Анна, с тобой все в порядке?

— Мне нужно уйти, — отвечаю я.

— Анна! — зовет она меня, но я уже ухожу, убегаю через двойные двери, в единственное место, в котором я чувствую себя лучше.

◄►◄►◄►

Он здесь.

Конечно, не так, как мне бы этого хотелось. Но только здесь я могу его увидеть – в детских фотографиях, стоящих на каминной полке, в глазах его бабушки, которая сейчас делает мне чай и не задает вопросов, почему в 11:20 утра в будний день я сижу у нее на кухне, а не на уроках в школе.

Мы с Мэгги делаем по глотку из чашек. Стараемся придумать, что сказать, но, видимо, ни ей, ни мне на ум ничего не приходит. У нее накопилась масса вопросов, у меня есть масса ответов, но она не задает мне ни одного, потому что знает – я не смогу ответить. Так мы и сидим, в полном молчании, изредка прерываемом стуком чашек о блюдца.

Наконец, Мэгги решается нарушить молчание.

— На прошлой неделе я начала убираться в его комнате. Подумываю убрать его вещи на чердак до тех пор, пока… — Она замолкает, я в ответ слегка ей улыбаюсь – мне нравится ее мысль, что он вернется.

— Ты… — начинает она, и внимательно изучает выражение моего лица, словно пытаясь понять, стоит ли ей продолжать. — …не хочешь взять что-то из его вещей? Пока он не вернется?

Я киваю. И так как сказать нам больше нечего, мы поднимаемся и вместе с кружками идем наверх, а потом вдоль по коридору, мимо детских фотографий матери Беннетта, фотографий молодой Мэгги, в его комнату, уставленную мебелью из красного дерева.

— Пойду, сделаю тебе еще чая, — произносит Мэгги, забирает мою, еще почти полную чашку и выходит, закрыв за собой дверь и оставив меня одну в комнате.

Под окном возле стены стоят составленные одна на другую коробки, а в остальном комната совсем не изменилась. Я открываю дверцы шкафа и заглядываю внутрь. Вот его форма, а рядом с ней еще куча одежды, которую я на нем никогда не видела. Тут же на крючке висит его шерстяное пальто, и хотя снаружи уже около 30 градусов, я надеваю его, натягиваю воротник и вдыхаю его запах.

Закрываю шкаф и подхожу к столу. На нем ничего нет – ни ручки, ни фотографии. Сажусь на деревянный стул и открываю верхний ящик. Вот где все лежит! Вытаскиваю вещи одну за другой и раскладываю на столе. Его студенческий билет. Одну из моих красных кнопок. Не подписанную открытку с Ко Тао. Подписанную с Вернаццы. Сточенный желтый карандаш. Карабин. Ключ.

Отодвигаю все и беру ключ, подхожу к шкафу. Делаю все очень быстро – по очереди вытаскиваю фотоальбомы и старые дневники и аккуратно складываю их в углу, пока не нахожу маленькую замочную скважину в дальнем углу. Поворачиваю ключ и открываю маленькую дверцу. Внутри лежат пачки перетянутых резинкой долларов, сотни и двадцатки.

На вершине одной из пачек лежит его записная книжка, вспоминаю, что именно в ней он записывал все расчеты, когда мы обсуждали план по спасению жизни Эммы. Вытаскиваю ее и листаю. Каждая страница этой книжки покрыта временными линиями и математическими уравнениями, таблицами с историческими событиями и наименованиями компаний, рядом с которыми стоят значки доллара. Наконец я натыкаюсь на страницу, которую он как-то показывал мне – расчет времени, в какое время мы должны оказаться на подъездной дорожке у моего дома, чтобы предотвратить поездку Эммы в Чикаго.

Снова возвращаюсь к первым страницам книжки и наталкиваюсь на нечто знакомое. Мои слова, но написанные его почерком:

Уже скоро мы с тобой встретимся. А потом расстанемся навсегда. Но думаю, что смогу все исправить – просто мне нужно принять другое решение. Скажи мне, чтобы я прожила жизнь для себя, а не для тебя. Скажи мне, чтобы я не ждала, когда ты вернешься – это, я думаю, изменит все.

Некоторые слова обведены по нескольку раз – «навсегда», «расстанемся», «исправить», «изменит все» - добавлены его комментарии, восклицательные вопросительные знаки, словно он ни один час изучал все это, чтобы понять смысл. Но так и не понял. Даже после нескольких месяцев. А теперь было уже поздно – мы все-таки расстались навсегда. Почему же он сразу мне все не рассказал? Он должен был мне рассказать.

Выглядываю за дверь, проверяю, не идет ли Мэгги. Кладу красную записную книжку обратно поверх пачек банкнот, запираю дверцу и складываю альбомы и дневники на прежнее

место. Когда все выглядит точно так же, как было до моего вторжения, я возвращаюсь к столу Беннетта.

Открываю ящик и складываю туда ключ, а потом возвращаюсь к остальным вещам. Поднимаю каждую и верчу в руках, начиная с открытки с Ко Тао. Хорошо помню тот день, когда он подарил мне такую же на лужайке возле школы. Не могу поверить, что он специально возвращался туда только за этим.

— Я и себе одну взял… Чтобы запомнить тот день, — сказал он тогда.

— Вот, — шепчет вдруг Мэгги, я подпрыгиваю и поворачиваю голову. Чайные чашки у нее в руках сменились небольшим пластиковым пакетом, который она протягивает мне.

— Спасибо.

Она оглядывает вещи на столе Беннетта и кладет руку мне на плечо.

— Ты как, в порядке, дорогая? — Печально киваю в ответ. — Он такой милый мальчик. Надеюсь, он еще вернется.

Подношу пакет к краю стола и начинаю ссыпать все внутрь. Потом встаю, обнимаю Мэгги и благодарю за то, что она разрешила мне взять эти вещи. Она тоже крепко обнимает меня.

— Вам нужно съездить в Калифорнию, — говорю я, освободившись от ее объятий. — Повидать новорожденного внука. Уверена, для вашей дочери это много будет значить.

— Даже не знаю… Мы с дочерью не очень-то близки в последнее время.

Я смотрю в ее глаза, и хотя они так похожи на глаза ее внука, сейчас я вижу не его. Я вижу только Мэгги.

— В любом случае вам лучше съездить.

— Наверное, я так и сделаю.

Гляжу на нее и улыбаюсь. Не нужно ждать Беннетта, чтобы внести небольшие коррективы, способные изменить ее жизнь. Может быть, я и смогу помочь ей первое время.

Целую ее в щеку и закрываю ящик, оставив ключ внутри.

◄► ◄► ◄►

Возвращаюсь в школу спустя полчаса, как прозвенел последний звонок, иду по Пончику, и мои шаги эхом раздаются в пустых коридорах. Очень надеюсь, что кабинет еще не закрыт, что мой рюкзак остался там же, где и был, а рабочий день сеньора Арготта уже закончился, и он ушел. Но вероятность того, что так оно и будет, чрезвычайно низка.

Подхожу к двери класса и первое, что вижу – свой рюкзак, стоящий возле стола Арготты. Поднимаю взгляд выше, он сидит за своим столом и проверяет домашние задания.

— Сеньор Арготта? — Заслышав мой голос, он перестает писать, но глаз от тетрадей пока не отрывает.

— Сеньорита Грин. Я рад, что вы вернулись.

— Мне… правда, очень жаль. Просто… — Он поднимает на меня глаза и смотрит, сначала с любопытством, а потом с ужасом. Моя футболка пропиталась потом, лицо покрыто красными пятнами, кудри торчат во все стороны. Арготта быстро моргает, но вопросов не задает.

— Можете ничего не объяснять. Ваш друг, сеньор Камариан, поведал мне… что на вас… сильно повлиял отъезд сеньора Купера.

Не уверена, что Алекс обладает достаточной информацией, чтобы объяснить это «влияние», но поскольку в Пончике все знают ровно столько, сколько рассказала Даниэль, кое-что объяснить он мог. На грудь начинает давить чувство вины. Ну как я могла быть с ним такой грубой?

Арготта наклоняется, чтобы поднять мой рюкзак и передать его мне, но когда понимает, сколько он весит, то просто двигает его в моем направлении. Я подхожу, беру рюкзак и перекидываю его через плечо.

— Спасибо, — произношу я и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Я уже почти вышла за дверь, как слышу, что сеньор Арготта прочищает горло.

— Вы помните, какое сегодня число, сеньорита Грин?

Я останавливаюсь.

— Первое июня, сеньор.

— *¡Exactamente!* (с исп. – точно!). — Закатываю глаза. Я сейчас не настроена на этот разговор.

— А это означает, что последний день мая был вчера. — Поворачиваюсь и гляжу на него. — А я так надеялся, что вы захотите поехать в Мексику, сеньорита. Но может быть сейчас, когда ваши планы немного изменились…

Вспоминаю тот день, когда он протянул мне ту желтую папку, которую я до сих пор так ни разу и не открывала. Он, вероятно, рассчитывает, что мне известны все детали, но это не так.

— О. Да. А куда едем в этом году?

— Думаю, вы были бы не прочь последовать разработанному вами маршруту, не так ли? Это красивый городок, под названием Ла-Пас. Он приобретает все большую популярность. И мне кажется, что настало время его увидеть.

— Ла-Пас?

— Sí. — Он внимательно наблюдает, а я отчаянно пытаюсь скрыть свое смущение. *Ла-Пас*? — У вас уже есть чек на пятьсот долларов, и у вас будет великолепная принимающая семья. Поездка получается практически бесплатной. Уверен, что у вас все лето уже распланировано, но это действительно отличная возможность, и если вы все-таки заинтересованы в этой поездке, то я мог бы воспользоваться кое-какими старыми связями.

Арготта продолжает смотреть на меня в ожидании ответа. Но поскольку он так и не дожидается его, то откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. Я бы хотела поехать, но не думаю, что могу. А что если Беннетт вернется? Я не могу уехать. Я должна ждать его здесь. Но тут все мое тело начинает бить мелкая дрожь – я вспоминаю слова, которые прочла сегодня в записной книжке Беннетта, слова, которые я напишу ему спустя семнадцать лет: «*Скажи мне, чтобы я не ждала, когда ты вернешься*».

— Сеньорита, с вами все в порядке?

Это, я думаю, изменит все.

Чувствую, что на самом деле я сейчас где-то очень далеко, и когда начинаю говорить, кажется, что я делаю это не своим голосом.

— А это ведь хороший шанс, так ведь? Чтобы уехать?

— *¡Exactamente!* — восклицает сеньор Арготта и вскидывает руки вверх. Я замираю. — Поезжайте! Разве вас может что-то остановить? Поезжайте и посмотрите мир, сеньорита!

Он улыбается мне, и я улыбаюсь ему в ответ. Потому что вот оно! Тот самый момент.

Не знаю, как это происходило в прошлый раз. Может быть, Арготта не напоминал мне о заявлении. А может быть, все места были заняты с самого начала. Но вполне возможно, что все происходило точь-в-точь, как сейчас, только вот она, то есть я, решила остаться здесь на все лето, переживая и ожидая возвращения Беннетта. В прочем, я теперь почти даже уверена в этом, что *Анна* стояла вот так же напротив сеньора Арготты, благодарила его за предложение, но говорила, что должна отказаться. Но я так поступать не собираюсь.

— Заявление еще у вас? — спрашивает он, и я киваю. На самом деле точно не знаю, где оно, но уверена, что найду его. Не могу дождаться момента, когда попаду домой и начну рыться у себя на столе. — Даю вам время до понедельника. Дайте мне знать, чего вы хотите.

Возможно, моим родителям и нужно ждать понедельника, но мне определенно нет. Подбегаю к сеньору Арготта и обнимаю его.

— Большое вам спасибо, сеньор! — Когда я отстраняюсь от него, он выглядит слегка шокированным, но когда до него доходит, что мое объятие означает «да», на его лице не написано ничего, кроме восторга.

— Вы сделали правильный выбор, сеньорита.

Я очень надеюсь, что это правильный выбор. Но пока я не знаю этого наверняка, а знаю только одно: он – другой.

И тут до меня доходит. Я нахожусь в самой гуще изменения событий.

В зависимости от времени года парк Шиллер Вудс может быть красивым или мрачным – чудесным местом для проведения свадьбы или подходящим для съемок фильма ужасов. Отец заворачивает за угол, и я вижу – то, что еще недавно было шапкой талого снега, превратилось в ярко-зеленый луг. Выхожу из машины и делаю глубокий вдох, сейчас парк пахнет по-новому.

— Как же я скучала по этому! — произношу я и закрываю дверцу машины, впервые за последние недели чувствую себя по-настоящему довольной. Папа, кажется, удивлен, видя меня такой счастливой, но я просто не могу сдерживаться – так мне нравится все происходящее. Тренеры по кроссу нашего дивизиона создали вот такую гонку - не соревнование, а просто обязательное мероприятие, где, после шести месяцев бега по треку, бежишь по липкой грязи вместо пористого покрытия, прыгаешь через поваленные деревья вместо металлических барьеров – все это заставляет тебя вспомнить о своей истинной страсти. Я уже столько раз участвовала в этом соревновании, что даже сейчас помню, какой вязкой будет тропинка, помню все повороты каждой из трех следующих миль, где будут сложные места, а где – препятствия.

Мы с партнерами по команде столпились вокруг стола, стоящего в нескольких футах от линии старта, делаем растяжку и попутно оглядываем площадку, рассматривая наших основных соперников, папа тем временем отправляется на поиски кофе. Спустя несколько минут он возвращается с бумажным стаканчиком и сложенной картой.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он меня, кладя карту на стол и склоняясь над нею.

— Хорошо. — Он поднимает на меня глаза и, видимо, ждет, что я добавлю еще что-то, но я молчу. Что ни говори, но чувствую я себя действительно хорошо. Чувствую, что постепенно

прихожу в себя с того самого момента, как два дня назад приняла решение поехать в Ла-Пас. Осталось только как-то сказать об этом родителям.

— Ну и где она? — едва слышно спрашивает меня отец.

Поднимаю и протягиваю руку, указывая ему направление, для верности подтвердив его еще и подбородком.

— Вон там. Номер тридцать два. В голубой футболке. — Еще сильнее вытягиваю руку, даю ему время отыскать ее глазами. Присмотреться к ней.

— Хммм. — Он внимательно рассматривает ее, что он хочет разглядеть, я не знаю. — Что ж, не забывай держать темп. Не сдерживайся только в самом конце, чтобы нагнать ее. Вот тогда и поднажми. Обгоняй и держись впереди. Не выпускай голубую футболку из виду, а на последней отметке сделай рывок.

Он зачем-то оглядывает толпу. Сегодня ему не из-за чего переживать – в этот раз моя стипендия не стоит на кону.

— Все поняла.

— Где будет твоя последняя отметка? — спрашивает меня отец, снова возвращаясь к карте.

Показываю пальцем точку на карте:

— Вот этот водяной насос. Он, кажется, находится на расстоянии одной восьмой мили от финиша.

Отец внимательно изучает остальные объекты на карте и, наконец, одобрительно кивает.

— Да, хорошо. Думаю, это наилучший вариант. Ладно. Пойду, займу свое место среди волнующихся родителей. — Он поглаживает меня по спине. — Будь осторожна, ничего не повреди.

— Постараюсь. — Глубоко вдыхаю и делаю выпад вперед. Пока растягиваюсь, оглядываю приколотый на груди бумажный номер с цифрой «54», слышу, как мои партнеры по команде и соперники постепенно собираются вокруг. Встряхиваю ногами и занимаю свое место.

Мы стоим бок о бок на старте. Еще только семь утра, но мы все уже вспотели от жары и влажности, пока делали растяжку и осматривали трассу. Звучит выстрел из стартового пистолета и мы, старательно контролируя скорость, бежим по траве в лес. Как же я скучала по этой грязи и слякоти! Постепенно вбегаем на крутой склон, заваленный ветками деревьев и камнями, и углубляемся в лес, где почва становится еще более неровной.

Первую милю мы бежим единой группой, потихоньку обгоняя друг друга, пока не добегаем до узкой тропинки между деревьев. В конце первой мили мы пересекли мелкий ручей и перепрыгнули несколько коряг. Я жму вперед – взбираюсь и перепрыгиваю, я знаю, что вокруг меня бегут люди, но с каждой пройденной милей, мне кажется, они постепенно исчезают – я бегу мимо них и старательно пробираюсь в начало группы.

Вот так-то лучше. Хотя я и не чувствую привычной легкости в ногах, но во время бега, среди этого леса и неба, моя голова начинает проясняться. Здесь, двигаясь в группе, я чувствую, что держу все под контролем, но нельзя сказать, что прилагаю все усилия, чтобы выиграть эту гонку.

Бегу и чувствую, как ноги размеренно стучат по тропинке, как бьется сердце у меня в груди, смотрю на девушек впереди себя. Мы только что повернули и начинаем спуск по узенькой тропинке, вижу, что лидер вот-вот достигнет водяного насоса. Мою отметку. Начинаю медленно увеличивать скорость так, чтобы пять девочек впереди меня не успели ничего заподозрить. Проскальзываю мимо одной девушки. Потом другой. И вот, преодолев отметку в четверть мили, я уже третья, концентрируюсь на девушке в голубой футболке и начинаю

преследование изо всех сил, что у меня еще остались. В какой-то момент чувствую, что возвращается знакомое ощущение. И ноги начинают двигаться быстрее. В голове звучит вопрос Эммы: «И где же твоя борьба?».

— Вот она, — выдыхаю я, нисколько не заботясь о том, что меня может кто-то услышать. Что-то изменилось. Сегодня все по-другому. Вспоминаю строки письма: «Д*умаю, что смогу все исправить*» - и они эхом отдаются в моей голове, пока я внимательно слежу за девушками, бегущими впереди.

Две девушки впереди меня перепрыгивают последнее препятствие, теперь моя очередь. Подбегаю к упавшему дереву, делаю рывок и отрываюсь от земли. Но чувствую, что носок кроссовка цепляется за корягу, чуть не падаю, делаю широкие шаги, чтобы удержать равновесие и не упасть. Девушки, которых я только что обогнала, снова оказываются впереди меня.

Вновь обретаю равновесие, делаю глубокий вдох и заставляю себя вновь собраться с силами. На максимальной скорости взбегаю по склону – ноги уже практически горят от перенапряжения – бегу, пока те две девушки вновь не оказываются позади меня. На той же скорости обгоняю следующих. Но девушка в голубой футболке слишком далеко впереди. Отсюда мне уже видна финишная линия - и она явно к ней ближе, чем я – и это заставляет меня увеличить скорость. Не отрываю взгляда от светлого хвоста, мелькающего впереди меня, делаю последний рывок и ускоряюсь, чтобы догнать ее.

Но она быстрее. Именно она разрывает финишную ленточку, хотя я и преследовала ее по пятам. Добегаю до финиша и падаю без сил, пытаюсь отдышаться, вытираю пот со лба и улыбаюсь, уставившись в землю.

— Хорошо бежала, — слышу я чей-то голос, оборачиваюсь и вижу девушку, которую чуть не обогнала в финальных соревнованиях штата, она стоит рядом и так же тяжело дышит. Она протягивает мне свою руку для рукопожатия.

То, что я пришла всего лишь секундой позже, меня ни сколько не смущает, и я искренне ей улыбаюсь.

— Спасибо! — отвечаю я между вдохами и пожимаю ей руку. — Ты заставила меня побороться. — Она, не понимая, хмурит брови, но не думаю, что должна ей что-то объяснять. Может я и не заняла первое место, но зато нашла то, чего мне не хватало.

◄► ◄► ◄►

Очутившись дома, быстро взлетаю вверх по лестнице, плюхаюсь на пол и начинаю рыться в рюкзаке, пока не нахожу желтую папку, которую выудила из недр своего стола в прошлый четверг. Снова открываю ее и читаю письмо от принимающей семьи, наверное, уже в сотый раз, разглядываю фотографию размером 8x10, на которой они изображены. Они стоят перед домом, обнявшись. У них четверо детей. Девушка моего возраста. Парень чуть постарше. И две маленькие девочки в милых платьицах, стоящие впереди всех, кажется, они близнецы.

Бросаю взгляд на свою карту, вдруг появляется желание снова сделать ее реальной. Вытаскиваю кнопку из Праги, прислушиваюсь к звуку, который она издает, опускаясь на дно пластиковой коробки. Затем вытаскиваю кнопки из Парижа, Каира, Амстердама, Квебека. Через пару минут все кнопки из мест, где я никогда не была, исчезают, складываю их туда, где они всегда и лежали.

Остается только восемь:

Спрингфилд, Иллинойс.

Эли, Минесота.

Гранд-Рапидс, Мичиган.
Саус-Бенд, Индиана.
Ко Тао, Тайланд.
Парк Девилс-Лейк, Висконсин.
Вернацца, Италия.
Сан-Франциско, Калифорния.
Восемь кнопок... Это так мало, но зато они все реальные. Будет еще и девятая.

За ужином все в хорошем настроении, может быть это потому, что сегодня я, наконец-то, улыбаюсь, а не сижу в депрессии, уставившись в стол невидящим взглядом. Но я знаю, это настроение скоро изменится.

— Я хочу поговорить с вами, и разговор будет про это лето, — говорю я.

Мама поднимает на меня глаза, не переставая жевать, а папа вообще не отрывает взгляд от тарелки – поглощен разделыванием цыпленка.

— Конечно. А что такое? — спрашивает он.

Делаю глубокий вдох и произношу:

— Я тут разговаривала с учителем по испанскому языку о программе изучения языка по обмену в Мексике. Он организовывает поездки и лично отбирает студентов для участия в программе, так вот он сказал мне, что у него на примете есть отличная семья, которая готова принять меня этим летом. Они живут в Ла-Пас.

Сама от себя не ожидала, что смогу так быстро без запинки все это выпалить. Ну а пока мои слова повисают в воздухе – родители в замешательстве смотрят друг на друга.

— Понимаю, все это довольно неожиданно, — продолжаю я, — но я много думала об этом. Вы же знаете, я всегда хотела путешествовать, кроме того, мне нужно уехать на время…отсюда.

Родители сидят молча и даже не двигаются, поэтому я продолжаю свою речь:

— Вам это ничего не будет стоить. Билеты на самолет я выиграла на занятиях у сеньора Арготты, а остановлюсь я у великолепной семьи, которая готова меня принять. Это практически бесплатно. — Понимаю, что почти дословно повторяю слова сеньора Арготты и даже ощущаю, словно он тут, рядом, подбадривает меня.

— Ла-Пас? — У мамы не получается скрыть беспокойство.

— Да. Это на полуострове Баха. На берегу моря Кортеса. В Мексике, — уточняю я на тот случай, если она раньше прослушала эту информацию.

— Это далеко.

Улыбаюсь ей и пожимаю плечами.

— В этом и есть весь смысл, мам.

— Ни за что. — Выдыхает она и ерзает на стуле. — Что ты вообще знаешь об этой семье?

Подхожу к стойке, куда заранее положила папку с документами, и приношу ее. Кладу перед ними фотографии и письмо, чтобы они могли посмотреть, и рассказываю то, что мне удалось узнать. Он бизнесмен. Она фотограф. У них есть дочь моего возраста. Потом вытаскиваю из папки заполненный бланк и кладу его рядом с фотографиями.

— Вам нужно подписать здесь.

Мама берет его в руки, рассматривает и снова возвращает на стол.

— Когда ты должна уезжать?

— Через две недели.

— Две недели!

— Все решилось в последний момент.

Папа что-то слишком молчалив. По его лицу трудно сказать на чьей он стороне, поэтому смотрю на него умоляющим взглядом, надеясь, что он все же примет мою сторону.

— Насколько ты уезжаешь? — наконец спрашивает он.

Эта информация вряд ли улучшит мое положение.

— На десять недель.

— На десять недель? Это же на все лето! — Мама отодвигает стул, встает и выходит на кухню. Папа смотрит на меня, а я отвечаю ему умоляющим взглядом.

— Пожалуйста, папа, — шепчу я. Слышу, как на кухне мама открывает кран.

— Это очень долго, — говорит отец, достаточно громко, чтобы мама слышала. Прям представляю, как она склонилась над раковиной и отчаянно кивает головой в знак согласия.

— И все же, — продолжает он, — это действительно хорошая возможность.

Мама возвращается к столу, ее взгляд, сначала панический, начинает сменяться на сердитый – она не может поверить, что он сказал это, не посоветовавшись предварительно с ней. Но отец продолжает настаивать на своем:

— Она мечтает о путешествиях с самого детства, — говорит он ей. — Это хороший способ повидать мир, познакомиться с другой культурой.

Одними губами говорю папе «Спасибо!», пока мама не видит.

Мама с силой ставит стакан на стол. Садится и внимательно смотрит на отца.

— Ты в серьез рассматриваешь вариант отправить нашу шестнадцатилетнюю дочь в другую страну, на два месяца, к людям, которых мы даже не знаем?

— Сеньор Арготта сказал, что это поможет моему произношению. Поможет мне лучше воспринимать на слух язык. За два месяца я, конечно же, не начну говорить на беглом испанском, но буду очень близка к этому.

— Ну не знаю. — Мама переводит взгляд с меня на папу, папа смотрит то на меня, то на нее – похоже, мы зашли в тупик.

— И это такая честь, что выбрали именно меня, — добавляю я. Ей совершенно не нужно знать, что на это место больше никто и не претендовал. Так забавно слышать себя со стороны, спорящей с такой страстью, особенно если вспомнить, что в первый раз я очень не серьезно

отнеслась к предложению сеньора Арготты – но тогда рядом был Беннетт, и преград для путешествий не существовало.

— Мам. Это многое значит для меня. Мне сейчас очень нужно туда поехать.

Мама больше не смотрит ни на меня, ни на папу. Так мы и сидим в тишине, передвигаем еду по тарелкам и пытаемся не смотреть на фотографии счастливой семьи, лежащие на столе.

◄►◄►◄►

— Высади меня здесь, — прошу я, хотя мы пару кварталов не доехали до книжного магазина.

— Почему здесь? — спрашивает Эмма и останавливается у обочины, показываю ей на ярко-голубую вывеску бюро путешествий.

— О, — грустно произносит она. — Постой! Я сейчас припаркуюсь и пойду с тобой.

Собираюсь с ней спорить, но потом решаю, что может даже и лучше, если она пойдет со мной покупать билет – может это поможет ей понять, что эта поездка действительно состоится, потому что мне кажется, она до сих пор не осознала тот факт, что впервые за три года это лето мы не проведем вместе.

Мы открываем стеклянную дверь, и нас приветствуют такие же дверные колокольчики, что и в книжном магазине. Мы с Эммой занимаем единственные свободные стулья в офисе, как раз в этот момент из-за угла появляется моложавая женщина в очках с толстыми стеклами и усаживается в кресло напротив нас. Из-за огромного монитора ее практически не видно.

— Здравствуйте. Я хотела бы купить билеты «туда-обратно» до Ла-Пас, Мексика. — Лезу в рюкзак и достаю только сделанную копию путеводителя «Едем в Мексику», уголок странички с Ла-Пас загнут, потом выуживаю ваучер и складываю все это перед ней.

— И еще я хотела бы воспользоваться вот этим. — Придвигаю к ней чек на 500 долларов, а сама мысленно представляю, какой довольный вид будет у сеньора Арготты после того, как я отдам ему заполненное и подписанное родителями заявление.

Женщина берет чек, переворачивает его и кладет на стол перед собой.

— Да, конечно. Когда вы хотите ехать? — Она выглядит слишком веселой, так что, когда она снова обращается к экрану своего компьютера, Эмма даже закатывает глаза.

— Двенадцатого июня. Это вторник. — Пальцы работницы бюро путешествий начинают порхать по клавиатуре. Периодически она останавливается, что-то сверяет, и ее пальцы снова порхают по клавишам.

— Ну-ка, дай мне посмотреть. — Эмма забирает путеводитель «Едем в Мексику» и начинает листать страницы, останавливаясь практически на каждой, чтобы показать мне фото пляжа на закате или зачитать что-то о подводном плавании или местной кухне.

— Погляди-ка! — Эмма поворачивается на стуле и сует мне путеводитель. — Только посмотри на эти рынки – на всю эту керамику, на еду. Это не честно – ты ведь совсем не любишь шоппинг.

Работница бюро прочищает горло и зачитывает мне все возможные варианты отправления.

— Я отвезу тебя в аэропорт, — включается в наш разговор Эмма. — Поэтому выбирай тот, что ближе к обеду.

— Точно? — спрашиваю я.

— Да. Конечно, — отвечает она, продолжая рассматривать путеводитель.

— Тогда рейс в 12:15, — сообщаю я женщине, и она вновь начинает стучать по клавиатуре.

Эмма возвращается к фотографиям рынка.

— Погляди-ка на эти шляпы. Тут говорится, что они сплетены так плотно, что могут даже удерживать воду. И кому нужно держать воду в шляпе? — Эмма переводит взгляд на меня и пожимает плечами.

— Не знаю почему, но совсем недавно я думала о том, что мне нужны еще шляпы. Как думаешь? Мне пойдет такая шляпа? — спрашивает она меня, и у меня буквально дыхание захватывает. И хотя она сидит сейчас передо мной, целая и невредимая без единого шрама, на какой-то момент мне показалось, что я опять вижу ее, лежащей в коме, все ее тело в шрамах и утыкано трубками, а я сижу рядом рассказываю ей о поездке в Мексику, которую готовлю по заданию сеньора Арготты. Но тут начинает работать принтер, шумит и бряцает на столе, видение исчезает.

— Шляпы? — переспрашиваю я.

— Ну да, шляпы. Такое хитроумное приспособление, которое люди одевают на голову, чтобы солнце не напекло макушку и чтобы спрятать свои нечёсаные волосы, — говорит Эмма и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. — Как думаешь? Мне пойдет такая шляпа? Некоторым они не идут, а мне может быть и ничего будет.

Молча смотрю на нее и, наконец, нахожу силы заговорить.

— Да, ты будешь замечательно выглядеть в такой шляпе. — Чувствую, что начинаю бледнеть. Вспоминаю, как сказала эти же самые слова в тот день, когда сидела у ее больничной койки, держала ее за руку и говорила о полуострове Юкатан. Потом я прервалась, попросила ее держаться и сказала, что все исправлю.

— Все готово. — Женщина из бюро путешествий широко нам улыбается и протягивает мне тонкий конверт с нарисованной разноцветной рыбой. — Хорошего вам путешествия! Надеемся снова вас увидеть, мисс Грин!

Эмма обнимает меня, и мы идем к выходу из офиса.

— Ну что ж. Мы сделали все, что ты хотела, а теперь моя очередь. Пойдем к Джастину, — говорит она и тащит меня через весь квартал к магазину компакт-дисков.

Последний учебный день был жарким и душным, и в то время, как все расположились у озера с корзинками и одеялами для пикника, я проторчала в очереди потных людей в паспортном столе в центре Чикаго. Но вот, спустя четыре часа, паспорт уже у меня на руках, и я, выйдя из электрички на станции Эванстон, иду по цементной дорожке в сторону дома. На перекрестке на глаза мне попадается вывеска магазина компакт-дисков.

Уже неделя прошла с тех пор, как мы с Эммой ходили покупать мне билет, а потом счастливые ввалились в магазин компакт-дисков, чтобы рассказать Джастину о Мексике. После того, как Эмма перестала изображать работницу бюро путешествий, Джастин обнял ее и пошутил, что теперь ему придется провести все лето только с ней. А мне предложил зайти в магазин на следующей неделе – он запишет для меня диск для поездки.

— А вот и ты! Я уже начал думать, что ты забыла. — Джастин налетает на меня, стоило мне только зайти в пустой магазин. Как обычно, здесь громко играет музыка.

Я пожимаю плечами.

— Разве можно забыть о музыке, которая достается тебе бесплатно?

Он притворно надувает губы.

— А я подумал, что ты пришла повидаться со мной.

— С тобой? — Смотрю на него, словно его слова вызвали у меня недоумение. — Нет, к тебе это не имеет никакого отношения. Я здесь исключительно из-за музыки. — Тут я не выдерживаю и улыбаюсь.

— А ты корыстная. — Джастин делает шаг назад и берет меня за руки, точно так же делал Беннетт перед тем, как мы закрывали глаза и оказывались уже в другом месте. — Так ты рада?

— Да. Невероятно рада.

— Мы будем по тебе скучать.

— И я буду скучать по вам всем, — произношу я и обвожу взглядом магазин. — Но ведь пробовать что-то новое всегда так интересно, да же?

— Я знаю. — Именно Джастин выслушивал мои разговоры о том, как же я хочу путешествовать по миру, последние десять лет, и я вижу по выражению его лица, что ему действительно приятно видеть, что я наконец-то куда-то собралась. — Ну и раз ты здесь только для того, чтобы получить от меня музыку, давай-ка нагрузим тебя ею по полной.

Он снова берет меня за руку и ведет меня по магазину, по его узким проходам, прямиком к стойке с новыми дисками.

— Вот, это что-то абсолютно новенькое. Пришло на этой неделе. — Он протягивает мне диск, и я переворачиваю его, чтобы посмотреть список песен. — Особенно хороша вот эта. Какая-то канадская певица. Как раз для твоего настроения, после расставания.

— Мы не расставались.

— Конечно, нет, но знаешь…

Я изображаю недовольный взгляд, в комнате вдруг становится тихо – одна песня как раз закончилась, а следующая еще не началась. Мы переходим к следующим стендам, в стерео-системе над головой звучат нотки пианино и начинает звучать легкая мелодия. Джастин останавливается в отделе рока и достает еще один диск.

— Я хотел рассказать тебе об этой местной чикагской группе, они будут играть в кофейне на следующей неделе, — рассказывает он. Пытаюсь слушать, но все мое внимание приковано к песне, раздающейся по магазину. Она кажется мне знакомой, и как только раздаются слова, я замечаю, что уже не слышу Джастина, восторженно рассказывающего мне о концерте группы на следующей неделе, я слушаю слова песни.

Перенеси меня в другое место, - сказала она.

Перенеси меня в другое время.

Я чувствую, что у меня в животе начинает образовываться дыра, и стала вслушиваться внимательнее.

— Вот она, — говорит Джастин, а я была готова чуть ли не шикнуть на него, чтобы замолчал.

— Барабанщик…

Перенеси меня туда, где шепчущий бриз

Сможет поднять меня и унести.

Боюсь даже глянуть на Джастина, а еще боюсь, что если отпущу эту стойку, то не смогу удержаться на ногах. Он размахивает диском, лицо живое и полно энтузиазма, я понимаю, что он продолжает что-то рассказывать. Кажется, я даже что-то ответила, что-то вроде «угу», но не помнб ни одного слова, сказанного им. Все, что я слышала, - это только слова песни.

Я бы сделала, если б мог, но не знаю как.

— Анна? С тобой все в порядке?

Именно сейчас, когда я наконец-то перестала оглядываться назад и раздумывать, что же сделала не так, когда наконец-то перестала злиться на Беннетта из-за того, что он сделал что-то не так, когда нашла в себе силы бороться и приняла решение все изменить — печаль и злость снова наполняют меня, и прежде, чем успеваю сообразить, из глаз льются слезы, они мелкими каплями падают на пластиковые коробки с дисками.

— Подожди-ка. — Джастин уходит, я наблюдаю, как он подходит к входной двери и переворачивает на ней табличку с надписью «Вернусь через десять минут». Я отпускаю руку,

крепко сжимающую стенд с дисками, колени у меня подкашиваются, и я сползаю на пол, прислоняюсь к полкам, подтягиваю колени к груди и продолжаю слушать песню. Прилив адреналина заставляет мои руки сжаться в кулаки, я открываю глаза и замечаю, что мои короткие ногти так глубоко врезались в ладони, что на ней остались следы в виде полумесяцев.

Я таю и исчезаю в никуда…

Тут чувствую, что Джастин уже сидит на полу напротив и обнимает меня. Чувствую тепло его тела и понимаю, что растворяюсь в этом тепле. Его близость, да и сама его поза очень интимны, я осознаю, что нужно вырываться, но не могу. Мне нужна эта близость. И я просто плачу, дышу и наслаждаюсь ощущением его рук на моей спине, их тяжестью. Мы всегда были просто друзьями, знакомы с самого детства. А сейчас он парень моей лучшей подруги, и это определенно означает, что мы не должны вот так сейчас сидеть на полу, слушать музыку и обниматься.

Я уже собираюсь было сказать ему об этом, как он сам отстраняется от меня и кладет подбородок мне на колени. Когда мы так сидим и смотрим друг другу в глаза, он выглядит совсем по-другому. Он загорел, и загар скрывает его веснушки, а его улыбка такая… Джастин, такой милый и добрый, готовый на все ради меня. Видимо при этих мыслях что-то изменилось в моем лице, потому что он вдруг наклоняется и, закрыв глаза, стремительно вторгается в мое пространство, намного стремительнее, чем позволяют приличия. Я понимаю, что сейчас произойдет, и понимаю, что не хочу этого, но не уверена, что могу помешать. Мне некуда деться, я оказалась в ловушке – между стендом и его ртом.

Я быстро отворачиваюсь, и хотя наши губы соприкасаются, это скорее неловкое, почти случайное движение.

— Джастин… — Мой обвиняющий тон заставляет его измениться в лице. Чтобы как-то снять возникшее напряжение, я отталкиваю его плечо, нервно смеюсь и ударяю его по руке. — Ты что творишь, идиот?

И если это вообще возможно, то его смех мне кажется еще более нервным, чем мой.

— Ух ты. — Наконец произносит он, глядя куда-то в пол. — Думаю, я все не так понял. Извини меня. — Джастин даже не смотрит на меня.

Чувствую себя ужасно, из-за моей лучшей подруги.

— Джастин, я бы никогда не поступила так с Эммой. И думаю, ты тоже.

— И я бы не поступил. Не знаю…не понимаю, что на меня нашло в эту минуту.

Он отодвигается от меня, чувствую, нужно что-то сказать, чтобы как-то уменьшить его вину.

— Не переживай, ничего, собственно, не произошло. Кроме того… — Издаю нервный смешок. — это даже хорошо, подтверждает, что я не сошла с ума. Ведь до того, как ты начал встречаться с Эммой, мне казалось, что ты ко мне испытываешь какие-то чувства.

Джастин поднимает на меня глаза.

— Так и есть.

— Заткнись. — Снова ударяю его по руке, но в основном потому, что просто не знаю, куда деть руки.

Джастин качает головой.

— А как ты догадалась? — спрашивает он, я же смотрю на него и совершенно не знаю, что сказать.

— А помнишь, в шестом классе, когда мы были у тебя? Родители играли в карты, а мы остались ночевать в твоей комнате. Ты сказала тогда, что у тебя есть для меня сюрприз.

Я улыбаюсь ему в ответ, хотя на самом деле ничего из этого не помню.

— Когда стемнело, ты попросила меня лечь на пол, выключила в комнате свет и легла рядом. И так мы провели целый час – рассматривая маленькие пластиковые светящиеся в темноте звезды на потолке, составляя свои собственные созвездия и хохоча до одури. Ты рассказывала мне, что каждую ночь ты смотришь на звезды и, пока не заснешь, представляешь, что находишься где-то в другом месте. Потом ты сказала мне, что мечтаешь путешествовать, хочешь быть фотографом или журналистом – в общем, кем-то, кто постоянно путешествует по миру – и для начала поселишься в Париже. Летом ты хотела начать учить французский язык и переехать во Францию сразу после выпускного.

— Я вполне могла такое сказать. — Не могу поверить, что он все это помнит. Нам было тогда всего по одиннадцать лет! И даже сейчас, когда он все это мне напомнил, эти детали, такие живые в его памяти, для меня до сих пор расплывчаты.

— Вот это да! И как ты это все помнишь?

Он тихонько смеется.

— Той ночью ты перестала быть для меня лучшей подругой…а точнее только лучшей подругой.

Сужаю глаза и резко выдыхаю, пристально наблюдаю за ним и жду, что он вот-вот скажется, что пошутил, но Джастин продолжает улыбаться и лишь пожимает плечами, словно ничего поделать с этим не может.

— Почему ты никогда не говорил мне об этом?

— Не хотел ничего портить. И надеялся, что это когда-нибудь могло бы стать правдой.

Он снова пожимает плечами и переводит на меня взгляд.

— Так что ты там рассказывал? Что-то об Эмме?

Он искренне мне улыбается.

— Эмма невероятная. Она великолепна и забавна, абсолютно восхитительная. Но она – не ты. Она не моя лучшая подруга.

— Это не честно по отношению к ней. Ты начал узнавать ее всего пару месяцев назад, а меня ты знаешь всю жизнь. Дай ей шанс.

— Знаю. Просто я… мне до сих пор не верится, что мы встречаемся. Когда я пригласил ее тогда не свидание, то, честно, даже не ожидал, что она согласится. Я даже думаю, что приглашая ее на свидание, где-то в глубине души я надеялся, что так заставлю тебя ревновать. А она меня удивила, когда согласилась, и даже не знаю…но, кажется, я ей действительно понравился.

— Понравился. И сейчас нравишься. — Хотя до этого момента я думала, что и она ему нравится. Мои мысли переносятся в тот день, когда мы сидели с ним в больничном кафетерии, а он рассказывал мне о своем свидании с Эммой, как они все разговаривали с ней и не могли наговориться, и как она удивила его. Вспоминаю, как он склонялся над искалеченным телом Эммы, гладил ее волосы, шептал ей на ухо шутки, как он смотрел на нее. Как же я могла так ошибиться?

И тут меня осеняет – ведь никакой больницы не было! Помимо Беннетта только я одна знаю, что существуют два варианта того дня: первый закончился ужасной аварией, а второй – нашим походом в кино и поеданием попкорна, где Джастин и Эмма улыбались, а не были одеты в больничную одежду. Первый привел к тому, что Джастин сидел рядом с искалеченным телом Эммы, а второй – к двойному свиданию со мной и Беннеттом.

Что-то важное произошло с ними в тот день, где-то между домом Эммы и перекрестком, где произошла авария, что-то, что сблизило их. А может быть сам несчастный случай все изменил. Но что бы это ни было, мы вмешались. Мы все изменили.

Видимо, Беннетт был прав – испытывая судьбу, играя с ней, ты можешь и не оказать очевидного влияния, но все это может привести к другим последствиям.

Половина седьмого утра, а на улице уже 26 градусов. Надеваю легкие шорты, достаю розовую бейсболку и обуваю пару новых черных Oakleys, купленных специально для поездки.

Пробегаю мимо мужчины с седым хвостом, как обычно машу ему рукой. «Привет!» - вот и все, что он когда-либо слышал от меня. В течение последних трех лет он видит меня каждый понедельник, среду и пятницу. В какой-то момент появляется желание остановиться и сказать ему, что буду скучать и чтобы он не беспокоился из-за моего отсутствия, ведь следующие два месяца я буду бегать по песку.

Вот я и пробежала свои привычные три мили. Останавливаюсь на крыльце, кладу ногу на перила и делаю растяжку, попутно оглядываясь вокруг. Интересно, изменится ли это место, когда я вернусь? Может быть деревья заметно подрастут, а может быть появятся новые трещины на тротуаре, или папа решится перекрасить дом.

Открываю дверь и застываю на пороге. У перил стоит черный чемодан с яркой серебристой надписью TRAVELPRO и огромным красным бантом, привязанным к складывающейся ручке.

Мама и папа появляются в дверях кухни. Мама все еще в халате, и папа тянет ее за собой, держа за руку, словно если бы он этого не делал, она бы развернулась и убежала.

— Чемодан, — говорю я. У меня никогда не было собственного чемодана. — Спасибо.

Мама грустно улыбается, подходит ко мне и порывисто заключает меня в объятия.

— Эй! Ну прекрати. Я же потная.

— Не важно. — Она еще сильнее сжимает меня в объятиях, и я чувствую, как ее теплые слезы падают на мои обнаженные плечи.

— Я так горжусь тобой, — шепчет она мне на ухо.

— Спасибо, мам. — Я глажу ее по спине и целую в щеку. — Не грусти. Я вернусь, ты даже заметить не успеешь.

— Знаю, — говорит она. Вытирает слезы и смотрит мне прямо в глаза. — Ты гораздо смелее, чем я.

Тянусь к ней и беру ее лицо в ладони.

— Это неправда. Посмотри, сейчас ты тоже очень смелая. — Улыбаюсь ей и крепко обнимаю.

◄►◄►◄►

— Анни, карета подана! — кричит снизу отец.

В последний раз осматриваю свою комнату и застегиваю молнию на чемодане. Не думаю, что мне понадобится много вещей, чтобы провести лето на пляже, поэтому еду налегке. У меня с собой одежда и обувь для бега, плеер и батарейки, подборка дисков и несколько легких платьев. Сланцы. Немного косметики. Заколки.

Ну вот, чемодан закрыт, качу его к двери и вдруг останавливаюсь напротив карты. Разглядываю маленькие красные точки на ее поверхности – вспоминаю нежное прикосновение песка с Ко Тао, запах пыльных скал Дэвилс-Лэйк и ярко-красный закат Вернаццы. А потом смотрю на самую последнюю, целую кончик пальца и прикладываю его к кнопке с Сан-Франциско. Закрываю за собой дверь и тащу чемодан вниз по лестнице.

Выхожу на крыльцо, Эмма уже тут, рассказывает моей маме о том, как они с Джастином планируют провести лето.

— Ты уверена, что тебя не нужно отвезти в аэропорт, — стоя на подъездной дорожке, с натянутой улыбкой, спрашивает папа.

— Эмма очень хочет меня отвезти.

— Но и мы тоже.

— Да, но Эмме не нужно открывать магазин или заступать на смену в больнице.

— Ну ладно. — Он быстро и крепко меня обнимает, потом выхватывает чемодан и катит его к открытому багажнику Сааба. Его крыша опущена в честь такого жаркого летнего дня.

В последний раз обнимаю родителей, прощаюсь и обещаю писать. Открываю пассажирскую дверь и обнаруживаю на сидении маленькую коробочку, завернутую в подарочную бумагу.

— Что это?

— Открой ее, — командует Эмма, задним ходом отъезжая от дома и сигналя, словно ненормальная, я в это время одной рукой пытаюсь открыть коробку, а другой машу на прощание родителям. Наконец мы скрываемся из виду, и мне удается развернуть упаковку, внутри маленький кожаный ящичек. Открываю крышку.

— Эм. — Вытаскиваю из него что-то тоненькое, переворачиваю и обнаруживаю кожаную полоску. — Зачем мне часы? У меня же есть уже одни.

— Твои часы для бега. А эти для платья. Вдруг ты встретишь замечательного красивого парня, и он пригласит тебя на ужин. — С удивлением замечаю, что широко улыбнулась, стоило ей только это сказать.

— А мне нужно будет успеть домой во время, не то я превращусь в тыкву? — Нежно провожу подушечкой пальца по их стеклянной поверхности, потом поднимаю взгляд на Эмму. — Они очень красивые. Ты не обязана была делать мне такой подарок.

— Знаю. Просто хотела, чтобы ты всегда помнила, что я здесь считаю минуты до твоего возвращения. Ха-ха-ха.

Я смеюсь.

— Серьезно, Эм. Спасибо. Они мне очень нравятся.

Пока я пытаюсь застегнуть часы на запястье, мы обе молчим.

— Не могу поверить, что ты пропустишь концерт Pearl Jam в Солджерфилде. Мы же больше года его ждали.

— Все нормально. Сходишь с Джастином. — Произношу его имя и чувствую некоторую печаль. Я нисколько не жалею, что мы тогда с Беннеттом изменили ее жизнь, но как же не хочется чувствовать ответственность за то, что мы еще и внесли изменения в чувства Джастина. Смотрю на нее и думаю, что же произойдет между ними этим летом, очень надеюсь, что Джастин даст ей шанс, как и обещал мне.

Она вздыхает.

— Джастин считает, что Эдди Веддер – посредственность. Вот так и сказал: «Посредственность». А этот человек – гений. — И тут Эмма включает магнитофон. — А вот и доказательство.

Она поворачивает ручку, и гитарные аккорды песни «Corduroy» заполняют машину. И, как всегда, мы начинаем подпевать. Громко. Фальшиво. Люди в проезжающих мимо машинах смотрят на нас и качают головами. Но вдруг я замолкаю. Эмма продолжает изображать игру на барабанах, отстукивая ритм на руле и подпевая, а я просто слушаю слова песни.

Все взаимосвязано…

Абсолютно ничего не меняется.

Разве что-то изменилось?

Он ворвался в наши жизни и снова исчез, и со стороны кажется, что даже следов не оставил, но я знаю, что они есть – внутри меня они повсюду. И, хотя так больно находиться в этом городе без него, даже если бы мне разрешили вернуть назад эти три месяца, я сделала бы тот же самый выбор – я бы снова хотела узнать Беннетта Купера. И мне совершенно не нравится слышать, как песня заканчивается словами «И скончаюсь одиноким, каким и начинал».

Эмма подъезжает к международному терминалу аэропорта, с визгом останавливает машину напротив входа к стойкам регистрации, переводит рычаг в положение «парковка» и поворачивается ко мне лицом.

— Шли открытки, дорогая.

Открытки…

— Обязательно. Обещаю. — И крепко ее обнимаю. — Хорошо тебе провести лето. Увидимся в августе.

Я ослабляю объятия, но ее руки по-прежнему крепко обнимают меня, а когда она пытается что-то сказать, слова застревают у нее в горле.

— Эм… — И снова крепко обнимаю ее. — Прекрати, а то я расплачусь.

Она отпускает меня и отодвигается.

— Ты права. Это радостный момент. Никаких слез. — Она принимается вытирать слезы и наконец целует меня в обе щеки.

— До августа, — произносит она.

— До августа. — Я еще раз обнимаю ее и быстро выскальзываю из машины, чтобы разразиться слезами. Забираю чемодан из багажника и иду к зданию аэропорта, останавливаюсь, поворачиваюсь и машу Эмме в последний раз.

После того, как сотрудница авиакомпании протягивает мне посадочный талон, я на негнущихся ногах подхожу и в стаю в очередь к зоне досмотра. Еще никогда не чувствовала себя такой одинокой, но и такой смелой тоже.

Делаю вид, что уже не в первый раз лечу на самолете. Люди двигаются быстро. И медленно. Я иду по проходу между сидений, сердце учащенно бьется, а когда вижу место номер 14А, оно просто готово выскочить из груди. В моей ручной клади полно журналов и книг о путешествиях, ну и, конечно, там лежат мои восемь кнопок, которые я не смогла оставить дома.

Я занимаю свое место, устраиваюсь, достаю сумку и вытаскиваю из нее маленькую стопку открыток. Большинство из них чистые, но одна подписана его рукой, а две – моей — свидетельство того, что мы значили что-то друг для друга. И мы не хотели, что бы все это заканчивалось.

Самолет выруливает на взлетную полосу, и вот мы уже в небе. И тут я почувствовала это. Ощущение, очень похожее, как при наших с Беннеттом путешествиях. В животе слегка закрутило. Потом появилась легкость. А еще я чувствую невероятный приток адреналина, когда думаю о том, что меня ждет, не могу сдержать улыбку. Устраиваю подушку между сидением и стеной самолета, собираю свои открытки и прислоняюсь лбом к иллюминатору. Наблюдаю, как Иллинойс внизу понемногу исчезает.

40

Ремень туго затянут на талии, в наушниках звучит музыка, подошвы моих кроссовок оставляют легкие следы на песке, я бегу. Оглядываюсь через плечо и вижу, как солнце быстро поднимается над горизонтом, продолжаю следить за тонкой линией, разделяющей бирюзовый залив от темно-оранжевого неба. До сих пор не могу поверить, что я здесь.

А еще очень хочется, чтобы он тоже был здесь. Смена обстановки помогла, но я все еще сильно скучаю по нему – выискиваю его лицо среди незнакомцев на улице, думаю о нем каждый раз, как прохожу мимо прилавка с открытками, которые в этом туристическом городке встречаются повсюду. И хотя я безумно скучаю по Беннетту, но, стыдно признаться, еще мне очень не хватает того кручения в животе, пусть меня от него слегка подташнивало, но я чувствовала себя при этом невероятно живой.

Впереди я вижу высокие скалы и зазубренные утесы, там пляж заканчивается, чувствую, что руки начинают работать энергичнее, я бегу к ним. Фиксирую взгляд на ближайшей к воде скале и бегу, что есть мочи, до тех пор, пока не касаюсь ее пальцами.

Встряхиваю руки и ноги, расхаживаю по пляжу, остываю. Дыхание восстановилось, и я нахожу сухой клочок песка, ложусь, опираясь на локти, рассматриваю открывающийся вид. А потом и вовсе ложусь. Закрываю глаза, и долгое время ни о чем не думаю – наслаждаюсь лучами солнца на лице, слушаю плеск воды, набегающей на берег.

Голова моя лениво склонилась на бок, вздыхаю и открываю глаза, но вместо скал на краю пляжа вижу открытку с видом небоскреба Сан-Франциско. Сердце у меня в груди начинает усиленно биться, может даже быстрее, чем во время бега. Поворачиваюсь на бок и тянусь к открытке, поднимаю ее с песка и внимательно разглядываю.

Переворачиваю.

Ты не получила свою открытку.

Очень хочется оглянуться. Чувствую, что он здесь, но лишь закрываю крепче глаза – не думаю, что вынесу, если сейчас обернусь, а пляж окажется пустым. Приходится напомнить себе, что открытка-то настоящая, и я держу ее в руках, так что заставляю себя сесть и посмотреть через плечо.

Беннетт Купер сидит на песке в паре футов от меня, мой взгляд скользит по нему – начиная со спутанных волос, ниже по футболке с какого-то концерта, по джинсам и заканчивая сланцами. Смотрю на него во все глаза, мои губы плотно сжаты, медленно мотаю головой. Этого просто не может быть!

— Привет!

Чувствую, как слезы бегут по щекам, наверное, тоже нужно сказать ему «Привет!», но разве это так важно? Не прошло и секунды, как он оказывается рядом со мной, чувствую его пальцы у себя на шее. Он покрывает меня поцелуями, целует мокрые от слез щеки, лоб, веки, шею и, наконец, губы, мы прижимаемся друг к другу так близко, что между нами практически не остается расстояния.

— Я так скучал по тебе, — шепчет он, зарываясь лицом в мои волосы. Хочу ответить ему, но не в силах вымолвить и слова.

Беннетт проводит большим пальцем по моему лицу, вытирает слезы, и тут я, наконец, произношу:

— Ты и вправду здесь. — Он кивает и снова целует меня.

— Да, — отвечает он, — я и вправду здесь.

Смотрю на него и не могу сдержать улыбки.

— Я уже и не думала, что когда-нибудь снова тебя увижу… — Слова застревают у меня в горле, но заканчивать предложение и не нужно. Он здесь, и все те чувства, которые я испытывала, когда думала, увижу ли его когда-нибудь, теперь просто воспоминания. Зарываюсь лицом в его шею – теплую от солнца и соленую из-за жары, и на какое-то время застываю так, без движения, просто вдыхаю его запах.

— Я скучала по тебе, — громко произношу я. Мои руки тянутся к его волосам, зарываются в них, потом я отстраняюсь, чтобы заглянуть в его лицо. Он выглядит великолепно, такой загорелый, и он…здесь.

Он ложится рядом со мной, мы лежим друг напротив друга, опираясь на локоть одной руки, на какой-то момент у меня возникает ощущение, что мы снова вернулись на Ко Тао, лежим на пляже, как тогда, а я мечтаю о том, чтобы мы поцеловались и совершенно не знаю, куда девать руки. Но на этот раз мы оба точно знаем, что нам с ними делать, Беннетт снова целует меня, моя рука ложится на полоску его кожи между футболкой и джинсами, я обнимаю его за талию и чувствую изгиб его бедра у себя под рукой. Когда он сжимает меня в своих объятьях, я испытываю невероятное облегчение – сама я до последнего не решалась подвинуться к нему ближе, чтобы удостовериться, что мне не померещилось. Наконец, мы с невероятным трудом размыкаем наши объятья, мои пальцы теребят его темные спутанные волосы, я разглядываю его лицо, которое светится, и не только из-за освещавшего его утреннего солнца, свечение приходит откуда-то изнутри.

— Кажется, ты была удивлена, увидев меня? — произносит он.

Тихонько смеюсь.

— Как ты здесь оказался?

— Я же говорил тебе, что буду возвращаться до тех пор, пока тебе не надоем. — И уголки его губ изгибаются в улыбке.

— А что? — спрашивает он. — Ты мне не поверила?

— Нет, — качаю я головой. — Я не была уверена, что в это можно верить.

Я все еще не была в этом уверена. И прямо сейчас хотела знать, не исчезнет ли он в следующую же секунду. Прислоняюсь к его лбу своим.

— Ты вернулся навсегда?

— Да, — отвечает он, и его глаза буквально светятся. — Я вернулся.

— Откуда ты знаешь, что не…

Беннетт смотрит на меня, и его взгляд становится серьезным.

— Я был здесь вчера. — Он смотрит на лес за моей спиной, чуть повыше пляжа, я следую за направлением его глаз. — Хотел убедиться, что могу все контролировать, прежде чем… — Его голос сбивается, и он вздыхает.

— Это все, что я мог сделать, чтобы держаться от тебя подальше, но…я смотрел на тебя, и в какой-то момент подумал, что может будет лучше, если я…ну, не знаю…Просто ты выглядела такой счастливой.

— Так и было. Но сейчас я в сто раз счастливее.

Он улыбается.

— Ты уверена?

— Определенно.

— Ла-Пас, да?

— Ну, а где еще? — И я вспоминаю круговые маршруты наших планов путешествий, которые пересекались только в одном единственном месте. Я вновь кладу ладонь на его талию и начинаю рисовать на голой коже маленькие круги.

— Расскажи мне все, — прошу я. — Где ты был? Что я пропустила?

Он наклоняется и целует меня в кончик носа.

— А ты немногое пропустила. Последние полтора месяца я провел, наблюдая за тобой.

— Наблюдая за мной? — Я отклоняюсь назад, чтобы заглянуть в его лицо.

— Ты была права. Тем утром на стадионе Северо-Западного…там был я. Просто, когда ты спрашивала, я еще этого не делал. — Он тянется к моему плечу, захватывает прядь моих волос и начинает накручивать их на палец. — С той самой ночи, как тебя выбросило назад, я застрял в Сан-Франциско. Я пытался путешествовать, но какую бы дату или время я не выбирал, всегда оказывался в одном и том же месте и в одно и то же время – в понедельник, 6 марта 1995 года, 6:44 утра. На этом чертовом стадионе. Господи, это был какой-то «день сурка». Я мог оставаться только на минуту или чуть больше, а потом меня снова выбрасывало назад, но это было единственное место, куда я мог попасть, потому снова и снова туда возвращался.

— Я так и знала, что это был ты! — Я знала, что не сошла с ума.

Он дарит мне легкую улыбку и продолжает свой рассказ.

— По какой-то причине в начале этого месяца все изменилось. И вместо того, чтобы оказаться на стадионе 6 марта, я переместился в один из солнечных дней мая, и ты узнала меня. С тех самых пор все стало постепенно приходить в норму. С каждым днем у меня получалось путешествовать все дальше и оставаться все дольше, но вернуться к тебе, в Эванстон или сюда, у меня никак не получалось…до вчерашнего дня.

— А что же изменилось?

— Я не знаю, — отвечает он, — но уверен, *ты* знаешь. Ты что-то сделала по-другому.

Я начинаю вспоминать, что же такое произошло в начале месяца, и тут меня осеняет. «Вы помните, какое сегодня число, сеньорита Грин?». «Первое июня, сеньор». В тот день я приняла решение не оставаться в Эванстоне, ожидая Беннетта и предаваясь унынию. В тот день я

послушалась совета *Анны*, и приняла другое решение, другой путь – тот, где мне и хотелось быть. Именно в тот день я сделала возвращение Беннетта возможным.

— Я решила поехать сюда, — произношу я. — Ты все не возвращался. И когда сеньор Арготта напомнил мне об этой поездке, я поняла, что мне нужно поехать сюда.

— Без меня. — Он смотрит на меня с печальной улыбкой, я киваю в ответ, и мы какое-то время молчим.

— Я должен был рассказать тебе о письме.

— Да. Должен был. — Я провожу пальцем по его щеке, и когда его глаза находят мои, я улыбаюсь ему, так же, как в тот день, когда сказала, что прощаю его. Он улыбается в ответ, и мне становится любопытно, о чем он думает. В какой-то момент я даже решила, что он опять хочет что-то изменить, но в то же время понимаю, все его правила теперь встали на свои места, и ничего менять в нашей истории в ближайшее время он не будет.

— Так что? Мне теперь известно *все*?

Он смеется и смотрит на меня.

— Да, теперь ты все наверстала. И начиная с этого момента, я понятия не имею, что произойдет дальше.

— Хорошо. — Я внимательно смотрю на него, а сама думаю, что мое будущее внезапно стало совершенно иным. Я снова почувствую это неприятное кручение в животе, буду втыкать острые концы красных кнопок в карту на стене, буду целовать Беннетта в маленьких романтичных деревеньках, и мы будем пить кофе в маленьких неприметных кофейнях.

— Уже знаешь, что хотела бы посмотреть в следующий раз? — спрашивает он, а я улыбаюсь и утвердительно киваю.

— Париж.

Я помню, как мы тогда шли по дорожке в Девилс-Лейк. Беннетт находился в предвкушении от того, что сейчас будет обучать меня скалолазанию, а я мечтала о парижском кафе. Тут Беннетт замирает, и на его лице появляется озорная улыбка.

— Ты уже проголодалась? Не хочешь позавтракать?

— Позавтракать? — Я смеюсь и оглядываю пустой пляж. — Сейчас?

Он хочет пригласить меня на завтрак. В Париже. Я осматриваю свою одежду, просыхающую под лучами солнца после бега.

— А почему бы и нет? — Он встает и протягивает мне руку.

Снова оглядываю свою одежду. И что я, собственно, о ней беспокоюсь. Это же завтрак в Париже! И я позволяю Беннетту помочь мне встать.

И вот мы стоим на пляже, я вкладываю свои руки в его. Он улыбается, я вижу, в каком он предвкушении от того, что сейчас покажет мне что-то новое.

— Готова?

Уже собираюсь сказать «Да». Но передумываю. Смотрю на эту воду, камни, утесы и горы. И вдруг совершенно не хочется в Париж. Не хочется сейчас быть в другом месте. Я отпускаю его руки, тем самым прерывая возможность перенестись куда-то – способ путешествия, который стал уже для нас таким привычным – вместо этого я оборачиваю его руки вокруг себя и прислоняюсь к его груди.

— Видишь тот желтый зонтик? — Я указываю на другую сторону пляжа и смотрю на Беннетта.

Он с подозрением смотрит вдаль.

— Да. — Беннетт переводит на меня удивленный взгляд и улыбается.

— Так вот там делают лучший мексиканский кофе в городе.

На его лице появляется понимание.

— Хочешь туда? Сейчас?

Я киваю ему, как заправский эксперт по Ла-Пас. Но, по крайней мере, в этом обществе так оно и было.

— Да.

Беннетт целует меня, словно нет на Земле лучшего места, где мы могли бы сейчас оказаться.

Мы переплетаем наши пальцы. Я поднимаю свою открытку из Сан-Франциско с песка и машу ею в воздухе.

— Пойдем, — говорю я, и мы начинаем наше путешествие к желтому зонтику. — Теперь моя очередь покупать тебе открытку.

Он толкает меня бедром. Я отвечаю ему тем же. И мы идем вдоль пляжа туда, где он еще никогда не бывал.